

Центр системных региональных исследований
и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН.

Южнороссийское обозрение
Выпуск 59

Д.И. Щербакова

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
В РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.

Монография
Ответственный редактор
В.В. Черноус

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ
2009

ББК 60.545.1

Щ61

Редакционная коллегия серии:
Акаев В.Х., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам.отв.ред.),
Попов А.В., Ханбабаев К.М., Черноус В.В. (отв.ред.),
Тхагапсоев Х.Г., Ненашева А.В. (отв.секретарь)

Рецензенты:

Барбашин М.Ю., к.с.н., ст.н.с. ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН,
Исаев Э.А., д.ф.н., проф. ЧГУ (Грозный)

Щербакова Д.И. Этнические стереотипы в русско-чеченских отношениях. / Ответственный редактор В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 59. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. – 176 С.

ISBN 978-58-7872-371-8

Автор на основе дискурсивного подхода рассматривает этнические авто- и гетеростереотипы на примере русских и чеченцев, раскрывает роль стереотипизации в этносоциальных процессах. Особое внимание уделено индикации и профилактике негативных этностереотипов и их конфликтогенности.

Рекомендуется научным сотрудникам, экспертам в сфере межнациональных отношений, преподавателям, аспирантам и студентам социологических, политологических и культурологических факультетов, регионоведам.

Д -01(03)2009 без объявл.

ISBN 978-58-7872-371-8

© Щербакова Д.И., 2009

ВВЕДЕНИЕ

Для современного общества этнические проблемы являются одними из наиболее болезненных и острых. Несмотря на явные тенденции интернационализации и глобализации в жизни мирового сообщества именно этнические конфликты и противостояния выходят сегодня на первый план в разных странах, независимо от уровня их экономического развития. Не является исключением и Россия. Распад крупнейшего многонационального государства - СССР, сочетающего в своем образовании национально-государственные и территориально-административные элементы, - не мог не привести к всплеску национальных проблем. Одним из наиболее очевидных ответов на сложившуюся ситуацию переходного общества стала этническая идентификация, выступающая в нестабильных обществах в роли мощной консолидирующей силы. В таких условиях этнический стереотип становится доминирующей когнитивно-оценочной системой, организующей процесс восприятия. Ярким примером этнотрансформационных процессов в сочетании с неэффективной политикой властей стал чеченский кризис, вылившийся в две чеченские войны и ряд неразрешенных проблем.

В социально-культурном пространстве России чеченский конфликт вылился в межэтническую напряженность, которая нашла отражение в СМИ, литературе, кинематографе, на бытовом уровне и других сферах жизнедеятельности социума. Механизмы данных процессов долгое время не воспринимались как деструктивные, но активно использовались различными группами для достижения тех или иных целей, что привело к дальнейшему росту этнической напряженности.

Использование идеологами различных механизмов этнической идентификации русских и чеченцев в целях консолидации этносоциальной общности и ее мобилизации для решения политических задач задает прикладное звучание проблеме, обозначенной в теме исследования. В частности, анализ этнических стереотипов, искусственной национальной мифологии и тиражирования «образа врага» позволяет дать ответ на многие острые вопросы в сложном комплексе межэтнических отношений, по-

новому увидеть некоторые аспекты управления современным обществом, способствовать предотвращению этнополитической и социальной напряженности.

В современной науке интерес к стереотипам и стереотипизации стал формироваться в 20-е годы нашего столетия. В первый период (с 20-х по 60-е годы) изучение этностереотипов являлось практически монопольной прерогативой западных, в основном американских, исследователей (У. Кларк, У. Олбиг, Г. Оллпорт)¹. В большинстве исследований данного периода стереотип в целом рассматривался как отрицательное, но неизбежное явление социальной практики, а основное внимание было направлено на изучение так называемых антропостереотипов.

В 60-е годы появляются первые работы отечественных авторов (И.С. Кон, Г. Кондратенко, В.Я. Ядов)² посвященные до этих пор не поднимавшейся в нашей науке проблеме этнических стереотипов. В качестве наиболее интересных исследований, принятых с тех пор отечественными учеными в данной области, следует отметить работы В.С. Агеева, Е. Егоровой-Гантман, Г.У. Солдатовой, Н.А. Рождественской, П.Н. Шихирева, Т.Г. Стефаненко³. При этом для большинства отечественных исследователей (в отличие от их западных коллег) характерным является поиск определенных позитивных качеств социальных стереотипов, а не однозначно негативная их оценка. С другой стороны, отечественными учеными была продолжена сложившаяся на Западе традиция ориентации на изучение антропостереотипов.

¹ Allport G. The nature of prejudice. - Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954; Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior / ed. by D.L. Hamilton - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1981.

² Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков) // Новый мир. 1986. № 9; Кондратенко Г. Об особенностях стереотипизации // Вестник МГУ. 1968. №1; Ядов В.А. К вопросу о стереотипизации в социологии // Философские науки. 1960. 2.

³ Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межличностные отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. - М.: изд-во Моск. Ун-та, 1987; Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. №5; Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. 1; Егорова-Гантман Е.В., Плеваков К.В. Политическая реклама. - М.: Никколо-Медиа, 2002; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. - М.: Смысл, 1998; Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком. // Вопросы психологии, 1986, № 4.

В целом, в исследованиях стереотипов и стереотипизации, можно выделить три основных направления, посвященные изучению различных аспектов данного явления. Первое направление включает в себя исследования стереотипов, где основной акцент делается на изучение их когнитивного аспекта (т.е. стереотип рассматривается в качестве элемента когнитивных процессов человека, а именно, как результат процесса генерализации, схематизации и т.п.). Второе направление включает в себя исследования, где основное внимание уделяется изучению аффективного аспекта стереотипов (стереотип, в данном направлении, исследуется как элемент эмоционально-оценочных процессов человека, неразрывно связанный с феноменом социальной установки). Третье направление посвящено изучению социального аспекта стереотипов (т.е. социальный стереотип рассматривается как особый элемент, участвующий в процессе функционирования социальной группы).

В теоретическом плане и ракурсе методологии было выявлено немало дискуссионных моментов. Так, одной из наиболее спорных проблем в исследовании стереотипов является проблема определения содержания самого понятия этностереотипа. В рамках этой проблемы можно выделить следующие вопросы: о тождественности стереотипов этническим предрассудкам; о соотношении содержания этнических стереотипов и этнических установок; об адекватности содержания стереотипов реальности.

Во многом наличие столь широкого спектра спорных вопросов обусловлено тем, что до сих пор не была разработана единая концепция стереотипов, где устанавливался бы надежный, эмпирически верифицируемый критерий для определения степени стереотипичности представлений. Как писал П.Н. Шихирев (еще в 1971 г.) «сложность проблемы критерия стереотипичности приводит некоторых авторов даже к сомнениям в пользе и целесообразности существования самого понятия стереотип»⁴. И в этом смысле положение не улучшилось до сих пор.

Так же мало разработан и вопрос соотношении когнитивного, аффективного и социального аспектов стереотипов. Уделяя

⁴ Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. с. 169.

большое внимание изучению каждого из них в отдельности, исследователи, как правило, игнорируют вопрос об их взаимосвязи.

Исследование этносоциальных процессов ведется в основном в аспекте изучения миграционных процессов и изменения этнической структуры региона (В.С. Белозеров, Б.Г. Жогин, Т.Ф. Маслова, Г.С. Денисова, О.А. Цоберг и др.)⁵, роли политической и национальных элит в изменениях социальной структуры регионов (В.А. Барсамов, Н.Ю. Лапина, Х.А. Ибрагимов)⁶, феномена этнического предпринимательства (В.В. Радаев, О.Е. Бредникова, О.В. Паченков)⁷. Исследователи межэтнических конфликтов уделяют основное внимание социально-экономическим причинам конфликтов (А.А. Праззаускас, А. Ямсков, З.В. Сикевич, В.А. Авксентьев и др.)⁸. Несмотря на значительное внимание исследователей к социальным процессам в российском обществе, влияние этносоциальных процессов на социальную трансформацию, механизмы этого влияния социологами изучены недостаточно.

В данном исследовании используется дискурсивный подход к анализу этносоциальных процессов. Термин «дискурс» начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в зна-

⁵ *Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы в диаспорах на Северном Кавказе // Этнические проблемы современности. Вып. 4. Ставрополь, 1999; *Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К.* Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности - Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002; *Денисова Г.С., Радовель М.Р.* Этносоциология. - Ростов н/Д, 2000; *Цоберг О.А.* и др. Региональная социоэко-система: приоритеты развития. - Саратов: Эмос, 2002.

⁶ *Барсамов В.А.* Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты (десять лет в поисках антикризисной модели). - М, 1997; *Ибрагимов Х.А.* Национально-специфическое в социальном образе жизни. Современный образ жизни, основные черты и особенности. — Махачкала, 1992; *Лапина Н., Чирикова А.* Региональные элиты в Российской Федерации: модели поведения и политические ориентации. - М.: ИНИОН, 1999.

⁷ *Радаев В.В.* Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5; *Бредникова О., Воронков В., Чикадзе Е.* Этничность и экономика. - СПб.: Труды ЦНСИ, вып.8. 2000; *Бредникова О., Паченков О.В.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Март 2002, Т. 3. № 2..

⁸ *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. — СПб., 1999; *Социальная психология / Под ред. А.М. Столяренко.* — М., 2001; *Анцупов А.Я., Шпилов А.И.* Конфликтология. — М., 1993; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь, 2001.

чении, близком к понятию «функциональный стиль» (речи или языка). В современной науке дискурс рассматривается как относительно обособленная, социально сконструированная область значений, производящая и производимая конфигурацией социальных отношений. Многие западные и отечественные исследователи обращаются к дискурсу, рассматривая его как место, где продвигаются определенные идеологии, и этническая нетерпимость⁹.

Разработка понятия «дискурс» и методологии анализа дискурсивных практик осуществлялись Р. Бартом, М.М. Бахтиным, Р.М. Блакаром, Т.А. ван Дейком, М.В. Йоргенсенем, М.Л. Макаровым, С.В. Мироненко, Л. Филлипсом и др.¹⁰. Отдельным проблемам структуры речевых актов, субъекта речевого сообщения посвящены работы Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Владимировой, Ю.И. Левина, Ю.М. Лотмана, Е.В. Падучевой и др. авторов¹¹. Социокультурные проблемы дискурса и основ коммуникации раскрыты в трудах Г.С. Батищева, В.С. Библера, М. Бубера, Ю. Хабермаса, К. Ясперса¹². Информация как элемент социально-политического мышления и деятельности рассматривают в свои трудах К.С. Гаджиев, Ю.А. Ирхин, А.С. Панарин, А.И. Соловьев¹³.

⁹ Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти. // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. - с.248-256.

¹⁰ Барт М. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1994; Бахтин М.М. Вопросы литературной эстетики. - М., 1975; Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования) // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М., 1987; Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. - М., 2000; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М., 2003; Мироненко С.В. Психологическая репрезентация власти. - М., 2006; Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. - Харьков, 2004.

¹¹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М., 1999; Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. - М., 2006; Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. - М., 1974; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семносфера – История. - М., 1996; Падучева Е.В. Семантические исследования. - М., 1996.

¹² Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. №3; Библер В.С. Культура XX века и диалог культур // Диалог культур. Материалы научной конференции. - М., 1994; Бубер М. Два образа веры. М., 1995; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб., 2000; Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991.

¹³ Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. - М., 1997; Ирхин Ю.В. Человеческое измерение политики. - М., 1993; Панарин А.С. Философия политики. - М., 1994; Соловьев А.И. Политические коммуникации. - М., 2004.

Дискурс-анализ позволяет установить связь между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами мифологизации. Основная задача анализа дискурса — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением и смыслом (К.Л. Хакэ)¹⁴. Интерес к этой проблематике возник в ФРГ в 50х гг., в связи с изучением языка национал-социализма. Сегодня в рамках общей теории социальных коммуникаций выделяются 6 подходов к исследованию дискурса: системный подход; лингвистический подход; символический подход; функциональный подход; организационный подход; экологический подход. П.А. Чилтон разграничивает еще два подхода к анализу коммуникаций: дескриптивный и критический¹⁵. Дескриптивный подход в современной лингвистике связан с изучением языкового поведения политиков. Другим направлением дескриптивного подхода является анализ содержательной стороны публичных текстов СМИ. В работах Н. Фэрклоу, Р. Водак, Т. ван Дейка и других представителей критической лингвистики¹⁶ рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля. Когнитивный же подход позволяет перейти к моделированию структур сознания участников коммуникации, в т.ч. стереотипов.

Основываясь на социальной ориентированности дискурса, дискурсивные подходы могут быть разделенными на «некритические» и «критические». Критические отличаются от некритических ориентированностью на анализ отношений доминирования в дискурсе, его идеологические функции и «конструирующий эффект», который эти дискурсы могут влечь за собой¹⁷.

Некритические подходы делают акцент на других областях, та-

¹⁴ *Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. - New York: State University of New York Press, 1996.*

¹⁵ *Chilton P.A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R. E. Asher. - New York: Pergamon Press, 1994.*

¹⁶ *Dijk T.A. van. Discourse Studies: A multidisciplinary introduction (2 Volumes), - London, 1996; Fairclough N. Critical Discourse Analysis. - London: Longman, 1995; Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. - Волгоград, 1997; Gill R. Discourse analysis: Methodological aspects // Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences. - Leicester: British Psychological Society, 1996*

¹⁷ *Fairclough N. Discourse and Social Change. - Cambridge: Polity Press, 1992. - p.*

ких как анализ речевого взаимодействия, этнометодологические подходы и социальная психология дискурса. Критический подход направлен на исследование проблем злоупотребления властью, социальной сегрегации и господства посредством дискурса. Большинство методологических работ в этой области имеют дело исключительно с вербальными текстами.

Критические дискурсивные исследования, наиболее уместные в исследовании этносоциальных конфликтов, представлены Т.А. Ван Дейком в его исследованиях СМИ и расистского дискурса и Н. Фэйрклавом в исследовании СМИ. Т.А. Ван Дейк исследует вопрос о том, как социальные процессы и отношения проявляются на микроуровне общепринятых социальных практик, где важную роль играет анализ СМИ и их контекста¹⁸. Н. Фэйрклав исследует СМИ, которые он описывает как актора социальных изменений посредством альтернативных дискурсивных практик, а дискурс в пределах общества как историческую переменную, играющую ключевую роль в этносоциальных изменениях.

Непосредственно анализу чеченской проблематики в русле теории стереотипизации посвящен ряд отечественных (В.А. Тишков, А. Цуладзе, И.В. Татаренко, В.Х. Акаев, Ж.Ж. Гакаев и др.)¹⁹ и зарубежных (А. Ливен, Х. Рам, Ш. Галл, Т. де Вааль, Дж. Расселл и др.)²⁰ исследований. Отечественные исследователи чаще уделяют внимание психологическим и политическим факторам чеченского конфликта, а зарубежные – геополитическим, религиозным и дискурсивным. Однако, полноценного эмпирического и теоретического анализа стереотипов

¹⁸ *Dijk T.A. van*. Introduction: The Role of Discourse Analysis in Society // Dijk T.A. van (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*, vol. 4: Discourse analysis in Society. - London: Academic Press, 1985.

¹⁹ *Тишков В.А.* Чеченский дискурс как идеология крайностей (анализ СМИ в условиях конфликта). // *Этнодиалоги*. 2003. №2 (20); *Цуладзе А.* Большая манипулятивная игра. - М., 2000; *Татаренко И.В.* Национальная идентификация в переходных обществах: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2003; *Акаев В.Х.* Ислам в Чеченской Республике. – М.: Логос, 2008; *Гакаев Ж.Ж.* Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы. - М.: Чечен. культур. центр, 1999.

²⁰ *Lieven A.* Chechnya. Tombstone of Russian Power. - London: New Haven, 1998; *Ram H.* Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict. - Berkeley: University of California Press, 1999; *Gall C., de Waal Th.* Chechnya: Calamity in the Caucasus. - N.Y., 1998; *Russell J.* Chechnya - Russia's 'War on Terror' – UK, Routledge, 2004.

данного конфликта пока не проведено.

Исследование процесса конструирования стереотипов, разработка новых теорий, отражающих современные реалии, а также разработка адекватных методов изучения этнического сознания, - все это является проблемой, требующей неотложного решения, т.к. в конфликтных ситуациях необходимо целенаправленно создавать толерантные установки в обществе, где укрепляются ксенофобия и шовинизм. Этой задаче, в частности, будет посвящена данная работа.

ГЛАВА 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Исследование этнических стереотипов позволяет отразить характер этносоциальных процессов в обществе. Одна из первых работ, содержащая описание этнических стереотипов, была опубликована В. Дю Буа в 1899 г. Термин «стереотип» (греч. stereos – твердый, typos - отпечаток) был введен в научный оборот У. Липпманом как особая форма восприятия окружающего мира. «Система стереотипов, - писал он, - возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ... а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком»¹.

Пионерскими в изучении этнических стереотипов можно считать работы Е.С. Богардуса, Д. Каца и К.У. Брейли, затрагивавшие, в частности, проблему антисемитизма. Они дают следующее определение: «Этнический стереотип – это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать»².

В современной науке интерес к стереотипам как одному из способов постижения человеком действительности стал формироваться в 20-е гг. В первый период (с 20-х по 60-е гг.) изучение стереотипов являлось прерогативой западных, в основном американских, исследователей (У. Кларк, У. Олбиг, Г. Оллпорт). Стереотип рассматривался как отрицательное, но неизбежное явление социальной практики, а основное внимание было направлено на изучение «антропостереотипов» (гендерных, профессиональных, политических, прежде всего, этнических). В 20-30-е гг. в Америке появился ряд работ, посвященных проблемам общественного мнения, продолжающих разработку теории стереотипа.

Первые обобщающие работы в этой области были опублико-

¹ *Lippman W.* Public Opinion. - N.Y.: Free press; London: Macmillan, 1965 – p. 95.

² *Katz D., Braly K.* Racial Stereotypes in One Hundred College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol.28. - p. 288-289.

ваны в середине 30-х гг. О. Клайнбергом и Дж. Доллардом³. А в середине 40-х У. Олбиг, сделав акцент на эмоциональной составляющей стереотипа, назвал его «банальным ярлыком, которым пользуется пропагандист для создания эмоционального напряжения в аудитории»⁴.

Наибольшее влияние на понимание этнических стереотипов оказали две работы, опубликованные в 1950-х гг.: «Авторитарная личность», содержащая подробное описание гипотезы формирования этнических стереотипов, и «О природе предрассудка», о природе этнических отношений⁵. Т. Адорно показал, что индивиды одной и той же этнической группы имеют значительные различия по степени подверженности этнической стереотипизации. Широкий резонанс имело опубликование Т. Адорно психодиагностической методики на выявление авторитарности — так называемой «Ф-шкалы» («тест на фашизм»).

К этому времени было предложено множество определений стереотипа, в которых авторы, в зависимости от своей теоретической ориентации, акцентировали внимание на различных сторонах данного явления. Так, по Т. Шибутани, стереотип - это популярное понятие, обозначающие приблизительную группировку людей с точки зрения какого-либо легко различимого признака, такое понятие поддерживается широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей⁶. Близка к указанной точке зрения позиция Р. Таджури, который под стереотипом понимает склонность воспринимающего субъекта легко и быстро заключать воспринимаемого человека в определенные категории, в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности и профессии и в соответствии с этим приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой группы⁷. Т. Петтигрю полагал, что в основе фор-

³ *Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mower O., Sears R.R.* Frustration and Aggression. - New Haven: Yale Univ. Press, 1939.

⁴ *Albig W.* Modern Public Opinion. - NY: McGraw-Hill, 1946 – p. 48.

⁵ *Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N.* The Authoritarian Personality. - New York: Harper, 1950; Allport G.W. The Nature of Prejudice. - Cambridge: Addison-Wesley, 1954.

⁶ *Шибутани Т.* Социальная психология. - М., Прогресс., 1969 – с. 98.

⁷ Цит. по: *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. – М., Изд-во Института психологии РАН, 1999 – с. 125.

мирования стереотипов лежит конформизм как безусловное подчинение сложившимся общественным нормам⁸.

Вторая мировая война дала толчок к целенаправленному изучению этнических стереотипов. Так В. Бучман проследил динамику этнических стереотипов на примере ВМВ и пришел к выводу, что социальные и политические события влияют на изменение представлений, отражающих в свою очередь состояние межнациональных или межгосударственных отношений. По инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование-опрос с целью выделения этнических стереотипов и их детерминант в Австралии, Англии, Германии, Франции, Италии, Нидерландах, Норвегии, США. Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Разница между положительными и отрицательными ответами определила так называемый «знаменатель дружественности»⁹. Большинство работ по этническим стереотипам того времени основано на материалах этих опросов. О. Кленберг, проанализировав результаты опросов, так определил понятие «этнический стереотип»: «... это картина в умах людей, относительно их собственной или других национальных групп. Подобные образы или представления обычно широко распространены в обществе; как правило, они чрезвычайно примитивны и невосприимчивы к объективной реальности»¹⁰.

Несмотря на значимость упомянутых выше и многих других работ, интерес к исследованию этнических стереотипов начал стремительно возрастать только в 1960-е гг. Согласно анализу С. Райена, между 1962 и 1972 гг. было опубликовано примерно столько же работ, сколько появилось между 1899 и 1962 гг.¹¹ События в США, а также возникновение десятков новых независимых государств, увеличение этнических конфликтов в различных

⁸ См.: *Pettigrew T.F.* Trends in Research on Racial Discrimination // *Racial Discrimination in the United States* - N. Y.: Harper and Row, 1975.

⁹ *Buchanan W., Cantril H.* How Nations See Each Other. - Urban: University of Illinois Press, 1953. - p. 97.

¹⁰ *Klenberg O.* The Scientific Study of National Stereotypes. // *UNESCO International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 11. - P.93.

¹¹ См.: *Ryan S.* Ethnic Conflict and International Relations. - Dartmouth: Aldershot, 1990.

регионах мира — все это привело к увеличению исследований.

В России проблемам изучения стереотипов не уделялось такого внимания, как на Западе. Вместе с тем отечественными исследователями был разработан ряд оригинальных концепций, например, Н.А. Ерофеева, в основе которой лежит исторический материал, а стереотип — это «итог усвоенной информации, результат ее переработки и обобщенный вывод из нее, они нередко влияют на отношения между нациями, этническими группами и государствами»¹².

В 60-е годы появляются первые работы отечественных авторов (И.С. Кона, Г. Кондратенко, В. Ядова), посвященные проблеме стереотипов. В Советском Союзе до 1980-х гг. было опубликовано всего несколько работ по этнической тематике, в основном И.С. Коном¹³. В 1980-е гг. тема этнических стереотипов освещалась в работах Б.А. Душкова, Ю.В. Бромлея, В.П. Левкович и Н.Г. Панковой, А.Г. Асмолова и Е.И. Шлягиной, В.Ф. Петренко. Основополагающими стали труды В.С. Агеева, Е. Егоровой-Гантман, Г.У. Солдатовой, Н.А. Рождественской, П.Н. Шихирева.

Для большинства отечественных исследователей характерным является поиск определенных позитивных качеств стереотипов, а не однозначно негативная их оценка. Распад СССР и возникновение новых государств ознаменовался большим количеством этнических конфликтов, породил проблему беженцев и мигрантов; в ходе формирования новых государственных образований возросла напряженность межнациональных отношений. Все это усилило необходимость исследования этносоциальных процессов.

Сегодня данной проблематикой занимаются Е.Ф. Кринко, В.Ф. Петренко, О.В. Митина, К.В. Бердников, В.В. Красных, А.А. Налчаджян, А.П. Садохин, Т. Г. Стефаненко и многие др.¹⁴

¹² *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. - М., Наука, 1982. - с. 11.

¹³ *Кон И.С.* Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. №9; *Кон И.С.* К проблеме национального характера // История и психология: Сб. / Под ред Б.Ф. Поршнева, Л.Н. Анцыферовой. - М., Наука, 1971.

¹⁴ *Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.* Методы этнопсихологического исследования. - М., 1993; *Садохин А.П.* Этнология: Учебник. — М.: Гардарики, 2000; *Налчаджян А. А.* Этнопсихология. 2-е изд. — СПб., Питер, 2004; *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М.: Гно-

Исторически можно выделить три главных направления в рассмотрении стереотипов. Первое направление фиксирует стереотипы как культурное наследие, передающееся обществом. Второе сосредотачивается на корнях предубеждений как мышления, которое оперируя стереотипами, приводит к внутренним напряженным отношениям и искаженному развитию индивидуальных черт¹⁵. Третье направление видит категоризацию индивидов и общую характеристику категорий как неизбежную часть процесса познания. Ретроспективный обзор исследований в науке демонстрируют, что все эти три контекста (культура, индивидуальность и познание) непрерывно присутствовали в исследовании стереотипов¹⁶. Все три подхода оправданы и эффективны. Используемый в нашем исследовании подход близок первому направлению, которое рассматривает стереотипы как специфический тип знания, производимого и поддерживаемого обществом. Следует отметить два фактора: воздействие различных наборов исторических факторов на содержание стереотипов может нивелировать друг друга и может, наоборот, увеличивать действие друг друга; конструирование и становление стереотипов не распределены в обществе однородно, но изменяются в зависимости от ситуаций и групп.

До сих пор нет единого и общепризнанного понимания термина «стереотип». Из обзора истории изучения стереотипа видно, что в ходе формулировок группируются и описываются те характеристики стереотипов, в которых различные авторы видят их сущность, но данные характеристики не могут служить четким критерием идентификации стереотипов. В качестве наибо-

зис, 2003; *Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.В., Кравцова А.Р., Осипова В.С.* - Психосемантический анализ этнических стереотипов. – М., Смысл, 2000; *Кринко Е.Ф.* Национальная политика и межнациональные отношения на Северо-Западном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1.

¹⁵ *Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N.* The Authoritarian Personality. – N.Y.: Harper, 1950.

¹⁶ *Pettigrew T.F.* Trends in Research on Racial Discrimination // *Racial Discrimination in the United States.* - N.Y.: Harper and Row, 1975; *Miller G.R., Steinberg M.* Between People: A new analysis of interpersonal communication. - Chicago: Science Research Associates, 1975; *Rothbart M., Lewis S.* Cognitive processes and intergroup relations: A historical perspective. // Devine, D. Hamilton, T. Ostrom (Eds.) *Social cognition: Impact on social psychology.* – N.Y.: Academic Press, 1994.

лее широко известного определения стереотипов в отечественной науке используется дефиниция, где стереотипы трактуются как «чувственно окрашенные социальные образы»¹⁷. Это определение В.А. Ядова не сводит стереотип к какому-нибудь из его аспектов (когнитивному, аффективному или социальному), а позволяет исследовать стереотипы в их единстве; оно также не привязывает стереотип к какому-нибудь конкретному виду носителей, что, в свою очередь, позволяет исследовать стереотипы различных уровней.

Базируясь на определении В.А. Ядова, далее мы будем рассматривать стереотип как особую разновидность социальной установки, обладающую ярко выраженной аффективной составляющей, схематизированным и генерализированным содержанием, устойчивую к внешним воздействиям.

Этнический стереотип как этносоциальный феномен является частным случаем социального стереотипа. В.П. Трусов и А.С. Филиппов определяют этнические стереотипы как обобщения о представителях различных этнических групп, характеризующиеся повышенной эмоциональной устойчивостью, но не всегда адекватно отражающие реальные черты стереотипизируемой группы. Причина образования стереотипов состоит в необходимости использовать в повседневном мышлении принцип «экономии усилий» для «овладения» большим количеством информации при одновременном стремлении к защите групповых ценностей¹⁸. При определении этнического стереотипа Ю.В. Бромлей использует понятие обыденного сознания, отмечая, что оно обладает этнической спецификой: «это прежде всего относится к так называемым «значениям»-стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения. Представляя «пограничную» зону общественного знания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств»¹⁹.

¹⁷ Ядов В.С. Идеология как форма духовной деятельности общества. – Ленинград, 1961. - с. 70.

¹⁸ Трусов В.П., Филиппов А.С. Этнические стереотипы // Этническая психология: этнические процессы и образ жизни людей. - М., 1984. - с. 18.

¹⁹ Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. №3. с.71.

Изучению проблемы функционирования этностереотипов в общественном и индивидуальном сознании посвящены труды Б.С. Ерасова и И.С. Кона²⁰, анализ функционирования этнических стереотипов в духовной культуре в качестве стереотипов поведения и общения проведен А.К. Байбуриным, по мнению которого, этнические стереотипы являются неотъемлемой частью общественного сознания и самосознания представителей этноса, проявляются в условиях контакта с представителями других этносов и выполняют защитную функцию по отношению к своеобразию духовной культуры, что обуславливает их «схематичность, односторонность и категоричность»²¹. Они закрепляют в сознании культурные традиции и привычки, характеризующие моноэтническую среду и являются инструментами передачи от поколения к поколению социального и нравственного опыта этноса, включая правила поведения, обычаи, ритуалы, нормы и ценности.

Важными признаками этностереотипов, по В.Г. Крысько, являются: образность, схематичность, упрощенность; целостность, ярко выраженная оценочная и ценностная окраска; символичность, иллюзорность; субъективность²².

Исходя из вышеперечисленных характеристик, этностереотипы можно рассматривать как представления, сформированные в этническом самосознании, схематично передающие образ того или иного явления, и определяющие его место в иерархии ценностей, присущей данной этнической группе. Такой стереотипный образ включает в себя наиболее яркие и непривычные черты, что помогает индивиду ориентироваться в социальном пространстве, идентифицировать себя с этнической общностью и установить определенные взаимоотношения с иноэтничными группами.

Этнические стереотипы бинарны по своей природе: определяя другую этническую группу, этнос в оппозиции имеет в виду свои собственные характеристики. Это объединяет автостереотипы (набор представлений, оценок и суждений этнической общности

²⁰ Ерасов Б.С. Социальная культурология. - М.: Аспект Пресс, 2000; Кон И.С. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. - М., Наука, 1991.

²¹ Байбурин А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционных культур // Советская этнография. 1985. №2. с.36-46.

²² Крысько В.Г. Этническая психология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Академия, 2002. - с. 133.

о самой себе, которые отражаются в легендах, художественных произведениях, прессе) и гетеростереотипы (оценочные суждения о других этносах, зависят от исторического и личного опыта взаимодействия этносов). Этнические авто- и гетеростереотипы складываются в процессе этнической идентификации на уровне, связанном с формированием относительно устойчивых представлений и оценок, типичных для этнической группы поведенческих, коммуникативных и эмоциональных стилей²³.

Этнические стереотипы, функционирующие в общественном и индивидуальном сознании, имеют разный механизм возникновения, закрепления и проявления, в соответствии с которым их можно разделить на этнические стереотипы поведения и этнические стереотипы мышления. По мнению С.В. Гладких, первая группа формировалась на протяжении многих столетий и проверена на практике несколькими поколениями; эти стереотипы перешли в ранг мифологизированных и являются устойчивыми, не поддающимися культурным изменениям. Вторая группа стереотипов формируется стихийно в процессе межкультурной коммуникации, этнических столкновений, с помощью СМИ; они являются подвижными, изменчивыми²⁴, формируются под воздействием культурных, политических и экономических факторов, характеризующих условия бытования этнической группы. Этнические стереотипы, навязываемые СМИ (особенно в ситуации этнического конфликта), изменчивы и динамичны. Большинство стереотипов второй группы являются негативными, что имеет как положительную (сохранение духовной культуры этносов), так и отрицательную стороны (как барьер в ситуации межэтнического общения, способствующий возникновению конфликтов).

Все виды стереотипов выполняют ряд функций в обществе: классификации и упорядочения социокультурной информации; аккумуляции и передачи культурно-исторического опыта, выработки моделей поведения и стандартов; защиты групповых ценностей.

²³ Об уровнях этнической идентификации см.: *Татаренко И.В.* Национальная идентификация в переходных обществах: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. - М., 2003.

²⁴ *Гладких С.В.* Этнические стереотипы и проблемы межкультурного общения // Этнические проблемы современности: Сборник статей. 1999. Вып.5. - с.59-60.

Формируясь в зоне этнорелигиозных контактов на основе представлений о воображаемых и истинных характеристиках своего и другого этноса и религии, стереотипы закрепляются на подсознательном уровне в качестве не подлежащего сомнениям императива. Система этностереотипов позволяет прогнозировать поведение участников коммуникации и моделировать процессы общения в соответствии с преследуемой целью.

Этностереотипы усваиваются на ранних стадиях социализации, задолго до возникновения ясного представления о своей группе. Так как культура межэтнического общения представляет собой не только систему стереотипов поведения в ситуации межэтнического контакта, но и культуру этноса в целом, то «этнические представления отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа — и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение»²⁵.

Существует несколько методов исследования этнических стереотипов. Один из первых методов, который оказал большое влияние на методологию и теорию изучения этнических стереотипов, - метод измерения социальной дистанции, был разработан Е.С. Богардусом в 1928 г.²⁶ Согласно этому подходу, социальная дистанция/близость определяется степенью вовлеченности индивида в процесс жизнедеятельности других индивидов. Позднее Д. Кац и К. Брейли²⁷ разработали методику, получившую впоследствии широкое распространение и на долгие годы ставшую определяющей для исследователей этностереотипов: из списка, содержащего 84 характеристики, студентам предлагалось выбрать те, которые, с их точки зрения, являются основными для десяти этнических групп. Результаты, полученные в ходе эксперимента, показали, что в большинстве случаев студенты единодушны в определении характерных, по их мнению, черт, присущих той или иной этнической группе.

С 30-х гг. появилось много новых эмпирических методов. В.С. Агеев предложил следующую классификацию этих методов: 1)

²⁵ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. - М., Наука, 1982. - с.21.

²⁶ *Bogardus E.S.* Immigration and Racial Attitudes. - Boston: D.C. Heath, 1928.

²⁷ *Katz D., Braly K.* Racial Stereotypes in One Hundred College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol.28.

метод свободного описания в нескольких его разновидностях; 2) метод прямого опроса (в зависимости от используемого инструментария могут быть выделены такие его разновидности, как список личностных черт, шкалы социальной дистанции, шкалы этноцентризма, диагностический тест отношений и др.); 3) различные варианты проективных методов; 4) психосемантические методы²⁸. Каждая методика имеет свои достоинства и недостатки. В настоящее время большое внимание уделяется психосемантическим методам, которые позволяют получить количественное измерение составляющих образа того или иного этноса и подойти к его психологическому изучению. При изучении этнических стереотипов чаще всего используются методы прямого опроса: приписывание качеств из набора личностных черт²⁹; процентная методика Дж. Брайема³⁰; выявление «диагностического коэффициента» К. Макколи и К. Ститта³¹; биполярные шкалы³². В исследованиях последних лет методики изучения этнических стереотипов создаются для каждой конкретной этнической группы и модифицируются со временем.

Соотношение понятий «стереотип», «установка», «предрассудок» является дискуссионным. Одни исследователи склонны рассматривать стереотип как когнитивный элемент установки. Другие отождествляют понятия «установка» и «стереотип». Третьи считают, что сначала формируется установка, а затем стереотип наполняется соответствующим этой установке содержанием. Четвертые склонны считать стереотип формой выражения установки, которая придает стереотипу определенную направленность и интенсивность и «стереотип выступает формой наиболее концентрированного проявления социальной установки»³³.

²⁸ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие - М., Изд-во Моск. ун-та, 1990. - с. 78.

²⁹ Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 280-290.

³⁰ Brigham J. C. Ethnic stereotypes // Psychological Bulletin. 1971. Т. 76.

³¹ McCauley C., Stitt C. An individual and quantitative measure of stereotypes. // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. № 36. – p. 929-940.

³² Баранова Т. С. Психологическое исследование социальной идентичности // Социальная идентификация личности - М., 1994. – Кн. 2, с. 202—237.

³³ Крысько В. Г. Этническая психология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Академия, 2002. - с. 175.

Можно выделить два подхода к установке: как к изолированному фрагменту ментальности и как влияющей на личность в целом. В русле последнего (Д.Н. Узнадзе)³⁴ установка является частью человеческой личности и всегда остается бессознательной, «как конкретное состояние целостного субъекта ... готовность к совершению определенной деятельности, направленность на удовлетворение актуальной потребности», она содержит не только каузальный (побуждение к деятельности, потребность), но и «целеподобный» элемент в виде перспективной модели будущей деятельности, своеобразно отражающей ее конечный результат³⁵. И. Сарнофф, автор психоаналитической теории установки, рассматривал установки и ценности как части «супер-эго»³⁶.

Этнические предрассудки представляют собой неадекватные и искажающие действительность установки, вырабатываемые этнической общностью по отношению к другим группам и отличающиеся большой живучестью и консервативностью. Их основное назначение заключается в формировании определенной предрасположенности членов этнической общности в отношении соответствующих объектов. Функционирование таких предрассудков способствует сохранению дистанции между этническими общностями. Формируются они под влиянием социально-экономических условий существования этноса, его культуры, образа жизни, поведения³⁷. Некоторые авторы под этническим предрассудком понимают, прежде всего, враждебный этнический стереотип, который представляется как результат четко выраженной склонности рассматривать ценности другого народа сквозь призму ценностей своего этноса.

В отечественной науке подход к данной проблеме разрабатывается в рамках теории отношений. Стереотип и установка

³⁴ Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. - Тбилиси: Изд. АПН Груз. ССР, 1961.

³⁵ Иосибадзе Т.Т., Иосибадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Под ред. Прангишвили А.С., Широкия А.Е., Бассин Ф.В. - Тбилиси: Мецниереба, 1985. - с. 37.

³⁶ Sarnoff I. Personality Dynamics and Development. - London, N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1956, - p. 296.

³⁷ Крысько В.Г. Этническая психология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Академия, 2002. - с. 178-185.

рассматриваются как стадии становления психологических отношений, понимаемых как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. В нашей работе мы будем придерживаться взгляда С.В. Лурье о том, что стереотип есть разновидность социальной установки³⁸.

В нашем исследовании мы считаем нужным ввести термин «образ врага», который представляет собой социально-политический миф и создается какими-либо этнополитическими силами с целью достижения своих целей через воздействие на общественное сознание, в целях направления общественного недовольства в наиболее безопасное русло. Формирование данного образа имеет и естественные составляющие, т.к. оппозиция «мы - они» является одним из важнейших средств консолидации этноса. Эта оппозиция имеет универсальный характер, т.к. любая группа людей, любое общество осмысливает себя в противопоставлении другим группам людей и другим обществам.

Группа, объединяемая местоимением «мы», осмысливается как единственная в своем роде, а те, кто ей противопоставляется, наделяются звериными или демоническими чертами, им приписываются нечеловеческие пороки и жестокость. Такое архаическое осмысление оппозиции «мы — они» актуализируется в политическом дискурсе XX в. Оппозиция «мы - они» становится важным элементом государственной идеологии. Образ врага поддерживается СМИ, получает свое воплощение в литературе и искусстве, он принимается людьми, которые готовы некритически воспринимать психологически комфортную информацию. Реальные события также дают богатый материал для его формирования. В результате вырабатывается отношение к «врагам» как к «нелюдям», которые не заслуживают жалости; их можно только ненавидеть, а при возможности — уничтожать. Образ врага имеет визуальный характер; ему приписываются черты зверей или физические уродства. Этот мифический образ призван заместить собой в коллективном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности.

В процессе выделения общности, разделения на «своих» и «чужих», видна параллель с логикой мифа, для которой тоже

³⁸ См.: Лурье С.В. Историческая этнология. - М.: Аспект Пресс, 1997.

свойственно оперирование бинарными оппозициями (К. Леви-Стросс)³⁹, антиномиями. Миф может быть рассмотрен как основная форма упорядочивания сложной этносоциальной реальности в национальных идеологиях. Учитывая, что спецификой мифологического мышления является слияние реального и идеального, мифологическое восприятие своей этнической общности является ведущим в кризисные для этноса периоды: в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания. Идентификация происходит в сравнении, в отталкивании от «соседей», в выработке общих стереотипов восприятия, причем именно миф становится основой для интерпретации происходящих событий - будь это миф об общей «крови и почве» или миф о «загадочной русской душе». Можно выделить четыре основные черты мифа⁴⁰:

- отрешение от частного смысла событий или вещей и воплощение в них общего архаичного смысла,

- архаичный смысл открывается не сам по себе, но он всегда дан как воплощенный в конкретной чувственной жизни, которую объединяет в мифологическую действительность,

- воплощение архаичного смысла в действительность делает ее понятной, снимает напряжение. Хаос заменяется гармонией.

Все эти особенности присутствуют в национальной психологии и идеологии, встречаются на различных этапах национальной идентификации. В конечном счете, миф дает определенную картину мира, реальности вне человека, он является коллективным верованием и выступает механизмом консолидации общности. Этнические мифы имеют вид сложноорганизованных знаковых систем (иерархия стереотипов, идеалов, представлений, оценок и т.п.), поэтому могут рассматриваться как особый язык, надстраивающийся над естественным языком национальной общности.

В XXI в. мы имеем дело главным образом с мифами политическими и идеологическими, которые имеют существенную специфику по сравнению с мифами традиционными.

³⁹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

⁴⁰ *Татаренко И. В.* Национальная идентификация в переходных обществах. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2003. - с. 24.

<i>Общее в традиционных и политических мифах</i>	<i>Отличия традиционных и политических мифов</i>
И те, и другие призваны не только объяснить существующее, но и создать образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в действительности.	В традиционных мифах объектом мифологизации являются боги, культурные герои или предки, в мифах XX в. - реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого.
Основным объектом мифологизации в обоих случаях является прошлое данного социума, которое сохраняет свою актуальность для настоящего.	Политические мифы не наследуются из глубины веков, но создаются определенными людьми или группами людей с опорой на научные теории в стремлении придать политическим мифам видимость правдоподобия и наукообразия. Но этот миф начинает со временем существовать независимо от его создателей.
И традиционные, и политические мифы являются действенной силой, которая организует поведение индивида и человеческих масс, реализуются в общественных ритуалах и укрепляют социальные связи. Они придают осмысленность человеческому существованию, выполняют функции психологической компенсации.	Политические мифы, в отличие от мифов архаических, распространяются не устным или рукописным путем, а главным образом через средства массовой информации.

Современная мифология характеризуется аморфностью, распыленностью, полицентризмом и неустойчивостью; современные мифы, как правило, охватывают не все общество в целом, а отдельные группы населения (социальные, территориальные, половозрастные, религиозные, этнические и др.); эти мифы различны по своему происхождению и по продолжительности существования.⁴¹

Обобщая вышесказанное, можно составить следующую схему: существующие этнические стереотипы, при наложении искусственно создаваемой (но часто и ожидаемой) мифологии и мифологических конструкций порождают «образ врага» - явление имеющее как искусственную составляющую (нет опасности - нет врага), так и естественную (образ с вариацией детерминируемых, изменяемых эмоциональных окрасок).

Чтобы исследовать процесс стереотипизации, необходимо обратиться к понятию этнической картины мира. С точки зрения задач настоящей работы вызывает интерес подход С. В. Лурье, в основе которого лежит понимание этнической картины мира как проявления защитной функции культуры в ее психологическом аспекте: «в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями»⁴².

Этническая картина мира изменчива, но ее структура основана на неизменных бессознательных комплексах – этнических константах. Они нейтральны по отношению к той или иной ценностной ориентации, которая, в свою очередь, может меняться в зависимости от ситуации. Этнические константы включают бессознательные образы, локализирующие добро и зло, а также представления о способе действия, которым добро побеждает зло. Источник добра включает, в частности, «образ себя» и «образ покровителя», источник зла – «образ врага». При этом под константами понимаются структура и диспозиция данных образов,

⁴¹ *Топорков А.Л.* Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // Человек и общество: поиски, проблемы и решения. 1999 / <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>.

⁴² *Лурье С.В.* Историческая этнология. - М.: Аспект Пресс, 1997. - с. 221-222.

общие приписываемые им характеристики, а их содержание может меняться. В результате выработка этнических стереотипов в психологическом отношении представляет собой своеобразную защитную реакцию на изменение окружающей реальности, позволяющую отвергать информацию, несоответствующую этническим константам и наносящую им ущерб. Этнические образы отделяются от конкретных личностей, превращаясь в своеобразные артефакты культуры. В этом заключается специфика стереотипа, закрепляющего качества, присущие тем или иным представителям данного этноса, за всей группой. В то же время личный опыт общения может изменить направленность оценки, ослабить или усилить выделяемые черты.

Подход С.В. Лурье делает неправомерным выделение исключительно когнитивной сферы стереотипа, отрицание его эмоционально-оценочной окраски.

Достаточно широко распространено мнение, что с когнитивным ядром стереотипов неразрывно связаны разнообразные аффективные реакции, включая ненависть, симпатию, страх и т.п. Под аффективным компонентом стереотипов понимается ряд предпочтений, оценок, настроений и эмоций, но признается, что эмоционально окрашенными являются и сами воспринимаемые характеристики. Стереотипы могут нести в себе как положительный, так и отрицательный эмоциональный заряд. С. Фиск выделяет четыре вида стереотипов: стереотипы презрения, существующие по отношению к представителям «чужих» низкостатусных групп, расцениваемых к тому же как «холодные»; по отношению к своим группам, как правило, возникают стереотипы восхищения, в соответствии с которыми этим группам приписываются компетентность, высокий статус и «теплота»; амбивалентные стереотипы зависти и патернализма («зависть» характеризует отношение к представителям высокостатусных, компетентных, но «холодных» групп; «патернализм» - низкостатусных, некомпетентных, но «теплых»)⁴³.

Другим важным свойством этнических стереотипов считается устойчивость к новой информации, что подтверждается в эм-

⁴³ Fiske S.T. Stereotyping, prejudice, and discrimination at the seam between the centuries: evolution, culture, mind, and brain. – Eur. J. Soc. Psychol. 2000.

пирических исследованиях И.Н. Богомоловой, Т.Г. Стефаненко⁴⁴. Но и устойчивость стереотипов относительна. На изменения стереотипов оказывают влияние не только реальные межгрупповые отношения, но и особенности процесса межгрупповой дифференциации.

Еще одно свойство этностереотипов (важнейшее, по Г. Тэшфелу) — согласованность, т.е. высокая степень единства представлений среди членов стереотипизирующей группы⁴⁵. Есть две гипотезы, объясняющие причины согласованности: гипотеза предубеждения, согласно которой консенсус отражает единообразную предвзятость части индивидов, и гипотеза невежества, согласно которой консенсус вытекает из недостатка личных контактов со стереотипизируемой группой (П.Г. Девайн)⁴⁶. Большинство современных авторов объясняют согласованность этностереотипов исходя из теории самокатегоризации Д. Тернера⁴⁷, полагая, что к согласованности представлений о группе приводит идентичность, усиливая воспринимаемую гомогенность своей группы; обеспечивая ожидания взаимного согласия ее членов; способствуя активному достижению консенсуса благодаря взаимному влиянию⁴⁸.

Еще одним существенным свойством стереотипа считается неточность. Однако, с 50-х гг. в научной среде стала набирать популярность точка зрения, согласно которой общий объем содержащейся в стереотипах информации превышает объем ложной информации заключенной в них (Р. Браун, Х. Триандис, Х. Дейкер, Н. Фрейда). Сторонники указанной точки зрения полагают, что

⁴⁴ *Богомолова И. Н., Стефаненко Т. Г.* Образы американца и советского человека в восприятии московских студентов и на страницах молодежной прессы // Вестник МГУ. 1991. № 3. с. 3—11.

⁴⁵ *Стефаненко Т.Г.* Этнические стереотипы — функции и свойства // Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. — М., 2006 / <http://psyfactor.org/lib/sterereotype8.htm>

⁴⁶ *Devine P.G.* Stereotypes and prejudice: their automatic and controlled components. — J. Pers. Soc. Psychol., 1989.

⁴⁷ *Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. - Chicago, 1986.

⁴⁸ *Гулевич О.А., Онуцин А.Н.* Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. №3. - с. 138-140.

признаком истинности стереотипа может служить его яркость, отчетливость, сходство содержания стереотипов двух групп относительно третьей. Кроме того, существует т.н. «гипотеза контакта», согласно которой стереотипы членов тех или иных групп будут тем более истинны, чем больше эти группы взаимодействуют друг с другом⁴⁹.

С этой проблемой связан вопрос об устойчивости стереотипов. Если в основе стереотипа находится реальность, то он должен быть относительно устойчив, если же он целиком и полностью ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической, международной и даже внутривластной ситуации в той или иной стране. В соответствии с этим положением большинство авторов настаивает на изменчивости стереотипов или частичной изменчивости. Как отмечал А.Н. Леонтьев, образ может быть более адекватным или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности⁵⁰. А С. Ивао и Г. Триандис в сравнительно-культурном исследовании обнаружили, что точность взаимных стереотипов тем выше, чем больше сходство между культурами⁵¹. Несмотря на множество исследований и теоретических интерпретаций, проблема истинности стереотипов остается по существу нерешенной. От характера отношений — сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения — зависят основные измерения стереотипов: содержание, направленность (общее измерение благоприятности) и степень благоприятности, а, в конечном счете, степень их точности⁵².

По мнению Ш.А. Надирашвили, стереотип имеет трехкомпонентную структуру⁵³:

-аффективный уровень, включающий в себя чувство симпатии или антипатии относительно реального или символического объекта;

⁴⁹ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. - с. 437.

⁵⁰ Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. / Т. 2. - М., 1983. - с. 255.

⁵¹ См.: Iwao S., Triandis H.C. Validity of auto- and heterostereotypes among Japanese and American students // J. of Cross-Cultural Psychology. 1993. Vol. 24.

⁵² Этнопсихология: Учебник для вузов / Под ред. Стефаненко Т. Г. — М.: Аспект Пресс, 2004. - с. 291.

⁵³ Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. - Тбилиси: Мецниереба, 1986. - с. 25.

- когнитивный уровень, выражающийся в осознании аффективного компонента, представленный в мнении или суждении относительно данного объекта;

- поведенческий уровень, представляющий программу действий, касающихся данного объекта.

Разобрав сущность этнических стереотипов и их особенности, можно перейти к рассмотрению процесса формирования стереотипов – стереотипизации. В начале XX в. наметилось два подхода к исследованию стереотипизации: психофизиологический и социально-психологический. В русле первого И.П. Павлов (1904) первым описал процесс стереотипизации с точки зрения физиолога⁵⁴, его идеи в дальнейшем развил Д.Н. Узнадзе.

В социально-психологических концепциях подчеркиваются различные аспекты стереотипизации — значимость индивидуального восприятия и социальной репродукции стереотипов, роль ценностей, знания, опыта в восприятии автогрупп. Следует различать теории, в которых стереотипизация объясняется существованием стереотипов на уровне культуры в целом, и теории, в которых делается упор на индивидуальные особенности личности. Странники последних видят пути возможного преодоления стереотипов не в изменении культурных стандартов или реального статуса группы, подвергающейся стереотипизации, как приверженцы культурного подхода, а скорее в изменении взглядов личности – субъекта стереотипизации. Среди них - теория авторитарной личности Т. Адорно и его коллег (Е. Френкель-Брюсвик, Д. Левинсон и Р. Сэнфорд), психодинамические теории, теории символического расизма, модель диссоциации. Согласно психодинамическим теориям стереотипизация - это результат перемещения агрессии от мощного фрустратора на безвластное меньшинство. В теории символического расизма стереотипизация объясняется конфликтом между расистскими чувствами и разделяемыми эгалитарными нормами, в модели диссоциации основой стереотипизации объявляется конфликт между культурными образцами, усваиваемыми в результате социализации, и индивидуальными убеждениями, яв-

⁵⁴ См.: Павлов И.П. О динамической стереотипизации высшего отдела головного мозга. Т. III(2) / Цит. по Борецкий Р.А. Пропаганда: социологический и психологический подходы <http://www.library.cjes.ru/online/>

ляющимися предметом самоконтроля⁵⁵.

Когнитивные подходы выводят стереотипизацию из закономерностей процесса познания: акцент делается на процессах восприятия и категоризации (Г. Тэшфел, Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и др.)⁵⁶. С этой точки зрения, стереотипы не могут считаться иррациональными, так как они отражают рациональную избирательность воспринимающего. Признается и возможность неточности стереотипов — процесс познания сам по себе несовершенен, и в нем возможны ошибки.

В социальной психологии последних десятилетий под влиянием идей когнитивизма стереотипизация стала рассматриваться как рациональная форма познания и частный случай более универсального процесса категоризации⁵⁷. Но стереотипизация не тождественна категоризации. Во-первых, она не неизбежное последствие категоризации. Во-вторых, следует учитывать, что стереотипизация есть последствие категоризации социальных объектов, которая отличается от категоризации объектов физического мира воздействием на нее отношений между группами. Г. Тэшфел доказал, что при формировании этнических стереотипов функционирование процесса категоризации редко бывает нейтральным, т.к. представители различных групп стремятся отстаивать и преувеличивать свою позитивно-ценностную психологическую определенность перед другими общностями⁵⁸. Вместе с тем проявляется также определенная тенденция, представленная в виде четырех взаимосвязанных процессов: максимизации межгрупповых различий; максимизации внутригруппового сходства; минимизации межгруппового сходства; минимизация внутригрупповых различий. Именно эта тенденция и является самой существенной психологической характеристикой и отличительной

⁵⁵ Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // *Личность. Культура. Общество*. Т.V. Вып.1-2 (15-16). 2003. - с. 124-129.

⁵⁶ Mackie D.M., Hamilton D.L., Susskind J., Rosselli F. Social Psychological Foundations of stereotype Formation // *Stereotypes and stereotyping*. - N.Y.: Guilford. Dovidio, 1993; См.: Шихурев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // *Вопросы философии*. 1971. № 5.

⁵⁷ Stephen W.G., Stephen C.W. *Intergroup relations*. - Madison, 1996. - p. 7.

⁵⁸ См.: Tajfel H. *Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup behaviour*. - Oxford, 1981.

чертой стереотипизации, а не негативные характеристики, означающие частный случай конкретного содержания стереотипа.

По мнению А.К. Байбурина, «механизм стереотипизации основан, во-первых, на хранении, передаче и аккумуляции социокультурной информации, во-вторых, на отборе наиболее значимых фрагментов в условиях постоянного обновления»⁵⁹. Исходя из этого, Г. Тэшфел выделяет индивидуальные и социальные функции стереотипизации.

Можно выделить психологические, социально-психологические и социальные функции стереотипизации. Объективно необходимой психологической функцией стереотипизации со времен Липпмана считалось упрощение и систематизация обильной и сложной информации, получаемой человеком из окружающей среды. В современной психологии социального познания главную функцию стереотипизации видят в когнитивной экономии, обеспечивающей индивидов максимумом информации при минимальном когнитивном усилии⁶⁰. Но подобное объяснение подвергается серьезной критике из-за ориентированности на минимизацию активной роли воспринимающего субъекта в процессе переработки информации. Так, создатель теории самокатегоризации Д. Тернер и его соратники подчеркивают, что стереотипы представляют собой более полезные и более сложные способы восприятия, чем обычно считается⁶¹.

Развивая этот тезис, сторонники теории Д. Тернера подчеркивают: наш мир сложен для восприятия не только из-за количественной перенасыщенности информацией, но и в результате ее качественной неопределенности. Стереотипизацию они рассматривают как средство постижения социального значения информации, релевантного динамично изменяющемуся контексту (М.А. Нолан, С.А. Хаслам и др.)⁶².

⁵⁹ Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. - Л.: Наука, 1985. - с. 9-10.

⁶⁰ Macrae C.N., Milne A.B., Bodenhausen G.V. Stereotypes as energy-saving devices: A peek inside the cognitive toolbox // J. of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66. - p. 642.

⁶¹ Этнопсихология: Учебник для вузов / Под ред. Стефаненко Т. Г. - М.: Аспект Пресс, 2004. - с. 287.

⁶² Nolan M. A., Haslam S. A., Spears R., Oakes P. J. An examination of resource-based and fit-based theories of stereotyping under cognitive load and fit // European J. of Social Psychology. 1999. Vol. 29. - p. 645

Г. Тэшфел и Д. Тернер подчеркивали, что стереотипы способны защитить не только ценности индивида, о чем говорил еще У. Липпман, но и идентичность⁶³. Исходя из этого, в качестве основных социально-психологических функций стереотипизации можно рассматривать межгрупповую дифференциацию и осуществляемое с ее помощью поддержание позитивной групповой идентичности. Именно в том, что автостереотипы, как правило, более позитивны, чем гетеростереотипы, состоит их важное отличие от других категорий. В определенных обстоятельствах «четкая групповая идентификация может быть связана лишь с желанием быть группой, отличной от других»⁶⁴. Так, чеченская молодежь демонстрирует высокий уровень негативной этнической идентичности: в основе их автостереотипов лежат негативно оцениваемые черты (агрессивность, задиристость, нетерпимость). Они не проявили стремления защитить образ своей национальной группы, но всемерно подчеркивали свою культурную «особость». Такая стратегия объяснима для народа, которому на протяжении многих лет приходилось постоянно защищать свое культурное наследие и даже право на существование. На этом историческом фоне для чеченцев более важно дифференцироваться от других народов, даже если это приводит к негативному с ними сравнению, чем разделить с ними позитивные характеристики.

Г. Тэшфел выделяет две социальные функции стереотипизации: а) объяснение существующих отношений между группами и поиск причин сложных и обычно негативных социальных событий; б) оправдание существующих межгрупповых отношений, действий, совершаемых или планируемых по отношению к чужим этническим группам. Важно добавить более общую социальную функцию — сохранения существующих отношений, т.к. объяснение и тем более оправдание отношений между группами с помощью стереотипов необходимо, прежде всего, для сохранения этих отношений⁶⁵.

⁶³ См.: *Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. - Chicago, 1986.*

⁶⁴ *Mlicki P.P., Ellemers N. Being different or being better? National stereotypes and identifications of Polish and Dutch students // European J. of Social Psychology. 1996. Vol. 26. - p. 112.*

⁶⁵ *Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup behaviour. - Oxford, 1981. - p. 158-160.*

Механизм стереотипизации использовался в различных политических доктринах. По мнению Т.Г. Стефаненко, детерминанты содержательной стороны стереотипов следует искать в факторах социального, а не психологического порядка. И именно враждебные, полные предрассудков этнические стереотипы, а не механизм стереотипизации сам по себе — явление сугубо отрицательное, способствующее стабильности межэтнических отношений, основанных на господстве и подчинении⁶⁶. К сложностям при налаживании взаимопонимания между людьми могут привести и вполне положительные стереотипы (когда объекты стереотипизации не оправдывают позитивных стереотипов другой группы).

Э. Аронсон считает, что на межличностном уровне стереотипы всегда наносят вред своему объекту: «Эти обобщения ... являются обидными хотя бы потому, что лишают человека права быть воспринятым и понятым как индивидуальность, со своими особыми чертами, будь они положительными или отрицательными»⁶⁷. Причем при использовании стереотипизации в межличностном восприятии проявляются все недостатки стереотипов как образов схематичных, оценочных и устойчивых.

Учитывая, что содержание этностереотипов зависит от проявления психологических характеристик их носителя, таких как уровень развития, интеллект, образование, воспитание, на изменение стереотипов влияют следующие факторы⁶⁸:

- условия и особенности социализации человека (процесс формирования системы стереотипных представлений отдельного индивида находится в прямой зависимости от общественных условий, политики, культуры, духовной жизни общества, бытовых условий, семейного воспитания, круга сверстников, личного опыта, опыта общения и деятельности и др.);

- уровень образования и интеллектуального развития (чем выше они, тем менее подвержен человек воздействию ксенофобии);

⁶⁶ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. - М.: Аспект Пресс, 2004. - с. 278.

⁶⁷ Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. - М.: Аспект Пресс, 1998. - с. 310.

⁶⁸ Крысько В.Г. Этническая психология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Академия, 2002 - с. 75-76.

- личный опыт контактов и взаимодействия со стереотипизируемым объектом (непосредственное взаимодействие снижает уровень стереотипичности оценок и суждений);

- аффекты и эмоции (позитивный аффект может снижать тенденцию к стереотипизации или влиять на те процессы, которые происходят во время ее, стереотипы могут радикально меняться в ответ на нестандартные события).

Важная линия исследования динамики стереотипов — анализ представлений об этнических группах в литературе, искусстве и средствах массовой коммуникации. С 40-х гг. анализу подвергались: американская журнальная публицистика, немецкие кинофильмы, странички юмора во французских журналах, карикатуры в журнале «Нью-Йоркер», газетные комиксы и многое др. В последнее время особое внимание уделяется изображению представителей разных культур и этносов на телевидении.

Подобная научная ориентация, объединяющая психологов, литературоведов, историков, получила наименование «имагология». Базируясь на культурных архетипах (С. Лурье), стереотипы в своем преобразовании в образы «врага» проявляются во всех сферах социально-культурной деятельности этнических групп, задействуя при этом архаическую мифологию культуры каждой конкретной этногруппы.

Стереотипизация является средством конструирования символических границ между Своими и Чужими. Как пишет М. Пикеринг, инаковость есть знак «непринадлежности», а наиболее важная функция стереотипа – четко определить, где проходит изгородь и кто находится по ту сторону той изгороди.⁶⁹ В условиях конфликта, когда опасность извне имеет конкретный характер, опознана и вписана в иерархию отношений, включаются механизмы защиты. В результате различия между представителями групп превращаются в противоположности; всякое сходство между ними отрицается. В оппозиции Свои-Чужие, Я-Другой (не-Я) заключены возможности бинарной картины мира. Так, Врагу как крайнему случаю Чужого - в силу закономерностей бинарной логики — атрибутируются характеристики, противоположные тем, которые

⁶⁹ *Pickering M. Stereotyping: the Politics of Representation. - N.Y.: Palgrave, 2001. - p. 16.*

наиболее значимы для коллективной идентичности. Экстремальная ситуация стимулирует нарастание социальной напряженности, а «выброс» негативной энергии нуждается в реальной цели, принимающей черты определенного образа «врага». Его образ соединяет признаки, иницирующие страхи.

Образ Иного всегда амбивалентен, что С. Холл назвал «стереотипическим дуализмом»: «расщепление» стереотипа на два противоположных элемента,⁷⁰ причем оба они конструируют Другого в собственных интересах. Например, эта закономерность прослеживается в русофобском и русофильском модусах стереотипа русскости в западном дискурсе о России.

М. Пикеринг отмечает, что Другой является немим; он лишен права иметь собственный голос и быть самим собой, он может говорить только так, как это позволено господствующим дискурсом. В этом смысле этническая стереотипизация - это процесс установления властных отношений. Дискурс о власти неотделим от стереотипизации Другого, что есть «способ дать оценку и зафиксировать в определенной позиции другой народ или другую культуру с особенной и привилегированной перспективой».⁷¹ Подобные дискурсивные стратегии есть вид «символического насилия», которое предполагает борьбу за репрезентации Своих и Чужих и манипуляцию ими в социальном пространстве и целью которого является символическая власть и символический капитал.

⁷⁰ Hall S. The West and the rest: Discourse and power // Hall S., Greben B. (eds.) Formations of modernity. - Cambridge, 1992. - p. 308.

⁷¹ Pickering M. Stereotyping: the Politics of Representation. - N.Y.: Palgrave, 2001. - p. 47.

ГЛАВА 2. ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Этносоциальные процессы накладываются в современном российском обществе на глобальный процесс трансформации всей системы, являясь одновременно фактором этой трансформации. В современной социологии, по оценке П. Штомпки, доминирующее значение приобретает «процессуальный образ» социальной реальности¹. В отечественных исследованиях процесс связывается с изменением системы, акцентируется внимание на ее временности и направленности изменений и определяется как последовательность состояний естественных и искусственных систем, связность стадий их изменения и развития, течения человеческой совокупной деятельности, порождающее различные - ожидаемые и непредсказуемые - результаты. В этом плане процесс может быть структурирован. Особой разновидностью являются социальные процессы - «совокупности человеческих действий, обуславливающие воспроизводство и развитие общества, определяющие сохранение и трансформации связей социального бытия»², «процесс социальный» определяется как «последовательное изменение состояний (или элементов) социальной системы и ее подсистем, любого социального объекта»³.

Наиболее близкими по смыслу к понятию «социальный процесс» являются понятия «социального изменения» и «социального движения». Понятие «социального изменения» является меньшим по смыслу, под ним понимается переход объекта из одного состояния в другое, причем под социальными изменениями социологи нередко понимают глобальные изменения (например, переход к индустриальному и постиндустриальному обществу). Изменение связывается с переменами в институциональной структуре, но не всякий социальный процесс предполагает такие перемены. Еще более узким по смыслу является

¹ См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Под ред. В.А.Ядова.— М.: Аспект Пресс, 1996.

² Процессы социальные. // Современный философский словарь. - Москва - Минск: Панпринт, 1998. - с. 707.

³ Процесс социальный. // Социологический энциклопедический словарь. -М.: Издательская группа ИНФРА, М-НОРМА, 1998. - с..276.

понятие «социального движения» - соответствующее массовым коллективным действиям люден, направленных на достижение социальных изменений. Т.о., понятие «социального процесса» является наиболее общим, и подразумевает любой тип социального взаимодействия, порождающий последовательное изменение общественной системы или ее подсистемы⁴.

Полиэтничность РФ и события последних десятилетий, включая этнополитические конфликты и миграцию, предопределили необходимость рассмотрения некоторых социальных процессов как этносоциальных. Хотя данный термин часто используется в социологической и этнологической литературе, однозначного его определения нет, он отражает этнические процессы и феномены в аспекте отношения к социальной сфере общественных отшений, к социальным процессам вообще. В отечественных работах преобладает понимание этносоциальных процессов как социальных процессов с этнической спецификой.

Сложность этносоциальных процессов предполагает междисциплинарный характер их исследования, необходимость изучения специфики как социальных, так и этнических их компонентов. В частности, эти процессы исследуются этносоциологией, изучающей «этнические особенности социальных изменений»⁵, межэтнические взаимодействия и конфликты, этнические интересы и др.; экономической социологией, исследующей феномен этнического предпринимательства, и т.д. Таким образом, при изучении социальных процессов необходим учет этнической специфики в социологии и социологический подход к этничности.

Выделение этнических процессов как особых процессов наряду с социальными получило достаточно широкое распространение в отечественной литературе. Нередко «социальное» как рациональное противопоставляется «этническому» как нерациональному, причем этническим группам приписываются «исключительные» особенности, объясняющиеся «осознанием генети-

⁴ *Белокопыт А.Н.* Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Дисс. канд. социол. наук: 22.00.00. – М.: РГБ, 2005 – с. 11.

⁵ *Арутюнян Ю.В., Дробижнева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М. Аспект Пресс, 1998. - с. 13.

ческой близости»⁶. Другой подход, которым нам представляется более верным, предполагает, что этнические процессы – это часть социальных процессов, также как этнические группы – это специфические социальные группы, а архаичность, традиционность этничности, связи этнических отношений с кровнородственными, популяционными связями, – дополняют, а не отменяют социальной природы этничности. По сути, любой тип социального процесса может быть охарактеризован как этносоциальный процесс, если он предполагает включение в этот процесс групп/индивидуумов с различной этнической идентичностью. Многие в подходе к этничности зависят от принятых методологических установок в исследованиях данного феномена.

Можно выделить следующие основные подходы к этничности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Примордиализм (Ю. Бромлей, Л. Гумилев и др.)⁷ рассматривает этнические сообщества как сформировавшиеся в глубине веков и дошедшие до нашего времени, этот подход подчеркивает историческую устойчивость этносов, выделяя биологические, социально-культурные и социально-психологические аспекты такой устойчивости. Особое внимание уделяется преемственности в историческом развитии сообществ и роли традиций. Примордиализм рассматривает этнос как систему, которая развивается, трансформируется под воздействием внешних факторов, и объединена «относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства»⁸. Конструктивизм (Б. Андерсон, Э. Геллнер, В. Коротеева и др.)⁹ рассматривает этнические группы как конструкции, «воображаемые сообщества», их реальность предполага-

⁶ *Арефьева Г.С., Калинин Э.Ю., Люсин М.Б.* Постклассический подход к познанию социального и этнического. // *Философия и общество.* 2002. №1; *Horowitz D.L.* Structure and Strategy in Ethnic Conflict. 1998. // Paper prepared for the Annual World Bank. Conference on Development Economics. - Washington, D.C., 1998.

⁷ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. - М., 1983; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. - М.: Танаис Ди-Дик, 1994.

⁸ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. - М., Наука, 1983. - с. 57-58.

⁹ *Геллнер Э.* Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991; *Андерсон Б.* Воображаемое сообщество: размышления об истоках и распространении национализма, - М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; *Коротеева В.В.* Воображение, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблема объяснения. // *Этнографическое обозрение.* 1993. №3.

ет коллективную идентификацию с сообществом, большинство членов которого они лично не знают, в результате нация становится «ментальной реальностью»¹⁰. Но признается объективный характер этнических признаков, которые в определенных исторических обстоятельствах могут быть актуализированы. Формой конструктивизма, по сути, является инструментализм, стремящийся к «демифологизации», «деконструкции» принятых в этносоциологии понятий, отрицающий реальность этносов (Д. Мойнихен, Д. Ротшильд и др.)¹¹. Инструментализм видит в этносе инструмент, средство мобилизации масс для достижения элитами своих целей и интересов. Нация и этничность рассматриваются как навязанные характеристики, средства политического манипулирования.

Подходы, получившие распространение в последние десятилетия, подчеркивают роль социально-политических, исторических факторов становления этничности, акцентируют внимание на маргинальных состояниях, на изучении небольших этнических общностей, например, мигрантов, при таких подходах само использование терминов «этничность», «этнический» и т.п. отражает внимание к отдельным признакам. Такие признаки носят в значительной степени социально-психологический характер, связаны с мифами, с идеологическими построениями, в то же время важное место среди этнических признаков занимают культурные традиции, сложившиеся стереотипы поведения, общие культурные символы. Новые, нетрадиционные подходы к изучению этничности продуктивны, т.к. дополняют традиционные, выделяя актуальные для каждого конкретного исследования аспекты этносоциальных процессов, ранее не рассматриваемые. Ряд отечественных исследователей (В. Тишков, Ю. Арутюнян и др.)¹² указывает на необходимость синтеза различных подходов.

Предпочтение того или иного подхода определяется спецификой предмета, целями и задачами исследования. Так, исследова-

¹⁰ См.: Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1996.

¹¹ The International Spread of Ethnic Conflict / Ed. by D. A. Lake, D. Rothchild. - Princeton, NJ, USA, 1998.

¹² См.: Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. - М.: Аспект Пресс, 1998.

ние жизни давно сложившихся этносов ориентирует на примордиалистский подход. Конструктивистские концепции подходят исследованиям становления этнических сообществ, рассмотрению их в динамике. Инструментализм направлен (и вызван вообще) на изучение этнополитических процессов в Восточной Европе¹³. В зависимости от выбранного подхода, складывается трактовка понимания этносоциальных процессов.

Ввиду того, что предметом данного исследования являются этнические стереотипы в этносоциальном процессе, в центре внимания оказываются преимущественно не нации как гражданские или этнические сообщества, не этносы как системы, а их части (мигранты, различные социальные слои разных этнических групп, коренное население регионов). Поэтому, предпочтение отдается конструктивистскому подходу, который, как показывают исследования ряда социологов, лучше соответствует целям и задачам изучения объекта работы: этничность рассматривается как специфицирующая черта ряда социальных групп, характеризующихся некоторыми культурными отличиями, а этносоциальные процессы определяются здесь как социальные процессы, на характер протекания которых накладывают отпечаток этнические характеристики вовлеченных в эти процессы групп и индивидуумов. «Межнациональные противоречия и конфликты не могут быть объяснены с помощью только этнических факторов»¹⁴.

Однако, не могут этносоциальные процессы быть поняты исключительно в классических социологических представлениях. Особенно это видно на примере этнических конфликтов, которые обладают спецификой, на которую указывают многие исследователи, и которую трудно охарактеризовать. Так, создатель теории этнолингвистического конфликта Г. Форбс считает этнический конфликт более «запутанным» потому, что он менее «реалистичен», этнические группы нередко больше внимания обращают на индивидуализирующие признаки различия, чем на материальные интересы. «Есть нечто странное, даже мистическое в этническом

¹³ Белоконьт А.Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Дисс. канд. социол. наук: 22.00.00. – М.: РГБ, 2005 – с. 23.

¹⁴ Россия федеративная: проблемы и перспективы. / Под ред. В.Н. Иванова. – М.: ИСПИ РАН, 2001. – с. 53.

конфликте, в отличие от классового или других конфликтов экономических интересов, которые более открыты для инспекции, более совместимы с разумными основаниями и более легки для понимания»¹⁵. Этнический конфликт - это специфический тип этносоциального процесса. Так конфликт в Чечне оказал сильнейшее воздействие на все постсоветское пространство, что сделало необходимым учет его последствий при изучении ситуации в регионе. Этнические конфликты стимулируют процессы этнической мобилизации, а так же выступают средством социальной стратификации, т.к. в процессе конфликта, особенно вооруженного, происходит быстрое и радикальное изменение социального статуса индивидов и групп, а порой и всей социальной структуры общества.

Другой, важный для нас вид этносоциальных процессов, - миграционные процессы (Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский, Т.И. Заславская и др.)¹⁶. Исследователи последние годы все чаще указывают на возрастание роли миграционных процессов и необходимость ее социологического изучения,¹⁷ включая компонент идентичности. Отличительный признак этномиграции С. Рязанцев видит в существенной роли этнического фактора, под которым понимается совокупность объективных и субъективных причин миграции этнического характера, оказывающих определенное влияние на формирование миграционных установок, «одним из важнейших признаков классификации этнических миграций являются перемещения относительно этнической родины (этнической территории) и различных границ»¹⁸. Роль этнического фактора раскрывается при рассмотрении основных этапов миграционного процесса: принятия решения, собственно

¹⁵ *Forbes H.D.* Ethnic Conflict: commerce, culture, and the contact hypothesis. - New Haven and London, 1997. - p.14

¹⁶ *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. - М., 2002; *Зайончковская Ж.А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX в. как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. Т. VIII. № 4; *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3.

¹⁷ *Юдина Т.Н.* О социологическом анализе миграционных процессов. // Социологические исследования. 2002. №10. - с. 107.

¹⁸ *Рязанцев С.В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. - Ставрополь: Кн. Изд-во, 2001. - с.116.

переселения и этапа приживаемости мигрантов. В значительной степени именно этническая миграция создает условия для взаимодействия представителей различных этнических групп, для таких этнических процессов как интеграция, ассимиляция и др., определяющих различные аспекты жизни и стратегии этнических меньшинств. На территории СССР восходящая социальная мобильность среди представителей титульных наций нередко сопровождалась ущемлением интересов русского населения республик. Сходные процессы получили развитие в последние годы и в республиках РФ, что привело к выдавливанию части русского населения из государств СНГ и некоторых республик РФ (особенно в ЧР). Для русского населения пространства бывшего СССР характерна заметная тенденция нисходящей социальной мобильности, «их [русских] преимущества как самого многочисленного в СССР народа в настоящее время практически сведены на нет»¹⁹.

Этносоциальные процессы, как и другие социальные процессы, протекают в обществе, играя важную роль в воспроизводстве общественной системы и в ее изменениях. Вместе с тем исследование этносоциальных процессов предполагает их многоаспектное рассмотрение, выявление их функций в общественной системе. Отсюда возникает задача рассмотрения этносоциальных процессов с позиций дискурсивного анализа, который является важным аспектом социологического исследования, позволяет построить теоретическую модель объекта, отличить прямые и косвенные факторы, влияющие на исследуемые этносоциальные процессы.

Термин дискурс (discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к понятию «функциональный стиль» (речи или языка). В современной науке дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Язык дискурса имеет массу подтекстов ментального характера. В.З. Демьянков выделил следующие элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события;

¹⁹ Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. - М.: Аспект Пресс, 1998. - с. 105.

в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями.²⁰

Основываясь на социальной ориентированности дискурса, дискурсивные подходы могут быть разделенными на «некритические» и «критические». Критические отличаются от некритических ориентированностью на анализ отношений власти и доминирования в дискурсе, его идеологические функции и «конструирующий эффект», который эти дискурсы могут влечь за собой²¹. Некритические подходы не применяются в данном исследовании не только из-за особенностей рассматриваемой проблематики, но также из-за их акцента на других областях, типа анализа разговора, этнометодологических подходов и социальной психологии дискурса. Критический подход был выбран для исследования в силу того, что социальные аспекты дискурса находятся в поле нашего исследования. Этот подход направлен на исследование проблем злоупотребления властью, сегрегации и господства посредством дискурса. Это не отдельная методология, но в большей мере социально-политологическое исследование установок, иными словами, анализ предполагает соответствующие перспективы, принципы и цели²². Детальный критический дискурсивный анализ может обеспечить более широкий контекст для меняющейся власти и этносоциальных изменений и это может точно отразить проявления этносоциальных проблем в коммуникациях. Мишень критики данного подхода – СМИ и властные элиты, которые предписывают, легитимизируют, воспроизводят или игнорируют этно-социальную сегрегацию. Такие социальные проблемы, как неравенство, дискриминация и расизм, четко артикулируются в дискурсах и вербальной и визуальной коммуникации²³. Естественно, большинство методологических работ в этой области имеют дело исключительно с вербальными текста-

²⁰ Демьянков В.З. Прагмалингвистические основы интерпретации высказывания (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. 1982. № 41. - с. 7.

²¹ Fairclough N. Discourse and Social Change. - Cambridge: Polity Press, 1992. – p. 12.

²² Dijk T.A. van. Principles of Critical Discourse Analysis. // Discourse and Society. 1993. №4 (2) – p. 249-52.

²³ Dijk T.A. van. Principles of Critical Discourse Analysis. // Discourse and Society. 1993. 4 (2). – p. 251-252.

ми. Сюда можно включить критическую лингвистику²⁴, объединяющую социальную теорию с лингвистическим анализом текста²⁵. Есть и подходы, нацеленные на комбинацию социальной теории с методом анализа письменных политических текстов²⁶.

Критические дискурсивные исследования, наиболее уместные в контексте этого исследования, представлены Т.А. Ван Дейком в его исследованиях СМИ и расистского дискурса и Н. Фэйрклавом в исследовании СМИ. Т.А. Ван Дейк исследует как социальные процессы и отношения проявляются на микроуровне общепринятых коммуникативных практик, для чего важную роль играет анализ СМИ и их контекста. Несмотря на вербально ориентируемый анализ и социально-психологическую ориентацию, итоги его исследований полезны для нашего исследования в описании функционирования этнического дискурса. В дискурсах «мы наблюдаем претворение в жизнь макросоциологических шаблонов, которые характеризуют наше общество»²⁷. Дискурс так же играет ключевую роль в идеологическом оформлении социальных проблем, в их коммуникативном воспроизводстве и в репрезентации связанных с ними проблем. Н. Фэйрклав исследует СМИ, которые он описывает как актора социальных и культурных изменений посредством альтернативных дискурсивных практик. Дискурс в пределах общества и культуры, по его мнению, - это историческая переменная, и он играет в современном обществе ключевую роль в социально-политических изменениях. Далее, для краткости, критический дискурсивный подход будет называться просто «дискурсивный подход».

Объект исследования данной работы связан с конфликтным состоянием общества, в связи с чем отдельный интерес представляет не общетеоретический концепт дискурса, а конфликтный дискурс. Под конфликтным дискурсом понимается дискурс о том или ином конфликте как в традиционной, так и со-

²⁴ См.: *Kress G., Hodge R.* Language as Ideology. - London: Routledge, 1979.

²⁵ См.: *Halliday M.A.K.* An Introduction to Functional Grammar. Second Edition. - London: Edward Arnold, 1994.

²⁶ *Pêcheux M.* Language, Semantics, and Ideology: Stating the Obvious. - London: Macmillan, 1983

²⁷ *Dijk T.A. van.* Introduction: The Role of Discourse Analysis in Society // Dijk T.A. van (ed.) Handbook of Discourse Analysis. 1985. vol. 4: Discourse analysis in Society. - London: Academic Press. - p. 7.

временной его формах. На примерах различных конфликтов были разработаны методы построения политических эвфемизмов²⁸: бомбардировки Югославии в 2000 г. в официальном дискурсе и дискурсе прессы назывались «предотвращением гуманитарной катастрофы», война в Чеченской республике - «антитеррористической операцией», «наведением конституционного порядка». Это привело как к сознательному, так культурно-эволюционному изменению смысла символов и значений и созданию виртуальной дискурсивной реальности. Можно выделить две основные дискурсивные характеристики современных конфликтов:

Любой современный конфликт имеет дискурсивное начало и развитие (т.е. его признаки конституируются и выражаются в политическом, литературном, кинематографическом и др. типах дискурсах).

Дискурсивные основы современных конфликтов представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического воздействия, как искусственного, так и естественного.

Дискурс-анализ позволяет установить связь между социологическим, культурным, межличностным и когнитивным аспектами мифологизации. Основная задача анализа этносоциального дискурса — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением и смыслом (К.Л. Хакэ)²⁹. Интерес к этой проблематике возник в ФРГ в 50х гг., в связи с изучением языка национал-социализма. Сегодня в рамках общей теории социальной коммуникации выделяются 6 подходов к исследованию: системный; лингвистический; символический; функциональный; организационный; экологический. Чилтон П.А. разграничивает еще два подхода к анализу политической коммуникации: дескриптивный и критический³⁰. Дескриптивный подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, представленной²⁸ языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на массовое сознание

²⁹ *Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. - New York: State University of New York Press, 1996.*

³⁰ *Chilton P.A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R. E. Asher. - N.Y.: Pergamon Press, 1994.*

в трудах Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. В современной лингвистике он связан с изучением языкового поведения политиков. Другим направлением дескриптивного подхода, тесно связанным с политологией, является анализ содержательной стороны политических текстов. В работах Н. Фэрклоу, Р. Водак, Т. ван Дейка и других представителей критической лингвистики рассматривается проблема использования языка как средства социального контроля. Когнитивный же подход позволяет перейти к моделированию структур сознания участников коммуникации, в т.ч. стереотипов. Наше исследование российско-чеченского дискурса соединит в себе элементы дескриптивно-риторического, дескриптивно-содержательного и когнитивного подходов.

Причина нашего обращения к дискурсивно-аналитическому подходу состоит в том, что он позволяет систематически изучать и описывать различные дискурсивные практики, а также соотносить их с политическим, социальным и историческим контекстом. «Анализ дискурса должен быть основан на систематической реконструкции социально-исторического поля, в котором был создан объект анализа дискурса»³¹. Дискурсивное измерение конфликта состоит из двух компонентов: **социального и когнитивного**. Социальный включает ежедневный дискурс. Так как «дискурс - социальная практика»³², то конфликтный дискурс принадлежит в первую очередь к социальному измерению конфликта. С другой стороны, социальные практики характеризуются когнитивным измерением (знания, мнения, верования, нормы и ценности, убеждения и стереотипы, идеологии и т.п.). Стереотипы и предрассудки могут объяснить некоторые причины конфликтов и особенности их протекания. В то же время, дискурс - основной источник, генерирующий и распространяющий убеждения, стереотипы и предрассудки, занимающие несомненно важное место в военном дискурсе. Важна роль элит, которые контролируют основные информационные потоки, а, соответ-

³¹ Barsky R.F. Discourse analysis theory. // Makaryk I.R. (Ed.) Encyclopedia of contemporary literary theory: Approaches, scholars, terms (Series in Theory/Culture). - Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1993. - p. 4.

³² Dijk T.A. van. New(s) Racism: A discourse analytical approach. // Cottle S. (ed.) Ethnic Minorities and the Media: Changing Cultural Boundaries. - Buckingham: Open University Press., 2000. - p. 2.

ственно, общественные, политические, культурно-исторические и образовательные дискурсы, играющие немалую роль в ориентации конфликтного дискурса и этнических предрассудков, влияющих на общественное сознание. Выбор дискурсивной лексики лежит в основе дискурсивного создания и внедрения стереотипов и предрассудков.

Такой стереотип был сформирован российской прессой во время первой и второй чеченской кампаний: террорист – значит, чеченец (и наоборот: все чеченцы - террористы). Некоторые исследователи распространения этноконфликтных образов через СМИ и масс-культуру, в том числе и В.К. Малькова, говорят о дальнейшей динамике его развития - переход стереотипа в фобию³³. Т.о., комплексный систематический дискурс-анализ помогает не только выявить дискурсивные характеристики этнических стереотипов, но и влияние структур дискурса на массовое сознание.

Этническая принадлежность как инаковость предстает как визуальная часть в отобранной аналитической структуре критического дискурсивного анализа. Автор выделяет те элементы структуры, которые считает производительными для анализа визуальных изображений. Это означает, что первоначальная аналитическая структура приспособлена к предмету исследования, и определенные элементы анализа могут и должны быть развиты в другом месте. Среди аргументов такого выбора, следует указать, что использование концепции инаковости мотивировано его применимостью к этнической принадлежности. В эмпирическом исследовании для дискурсивного подхода важно определять, о какой этнической группе идет речь, какие СМИ рассматриваются, в какой период и т.д, включая все это в анализ. Использование такой структуры возможно в двух направлениях. Или подход может быть сосредоточенным на СМИ, анализируя охват этнической группы в определенных визуальных/вербальных СМИ и/или жанрах в течение определенного периода времени. Другой подход тогда будет сосредоточен на этнической принадлежности, обращая внимание на представления определенной этнической

³³ Малькова В.К. Образы этносов в современных российских СМИ // Тезисы научно-практической конференции: Средства массовой информации в современном мире. - СПб., 2001. - с. 79.

группы в нескольких визуальных и вербальных СМИ и/или жанрах. Однако, даже когда выбрана этническая группа, она должна определяться в оппозиции к доминирующей репрезентации, то есть, в терминах инаковости.

В отличие от классических дискурсивных анализов, таких, как анализы Н. Фэйрклава и Т.А. Ван Дейка, которые не определяют ни определенную группу для изучения, ни эмпирический материал для анализа, а сосредотачивают внимание на проблеме неравенства и господства в дискурсах теоретическом плане, наше исследование носит более прикладной характер.

Исследования визуальной коммуникации опираются во многих случаях на семиотику, где текстам приписывается наличие независимого, неотъемлемого и более или менее объективного значения. Семиотическая традиция особенно распространена в исследованиях фильмов, где ключевые вопросы лежат скорее в эстетическом, нежели социальном поле. Такие исследования не принимают во внимание непрерывающийся характер дискурсов, того, что дискурсы репродуктивны, имеют реальное практическое воздействие на аудиторию и формирование общества. Этот аспект визуального не акцентируется в рассмотренной области исследования. В визуальной антропологии и культурологических исследованиях периодически фигурирует т.н. «Другой» во множестве контекстов, но не как осмысливаемый концепт, а скорее как элемент методологических диспутов внутри самой антропологической дисциплины.

Есть несколько подходов, старающихся выйти за эти рамки. В рамках дискурсивных исследований можно выделить подход Дж. Хартли и М. Монтгомери³⁴, рассматривающих вербальные и визуальные тексты новостей вместе. Однако, необходим метод, который позволит описывать вербальные и визуальные дискурсы вместе на дискурсивном уровне³⁵.

Здесь оптимален подход к визуальным репрезентациям с

³⁴ *Hartley J., Montgomery M. Representations and Relations: Ideology and Power in Press and TV News // Dijk T.A. van (ed.) Discourse and Communication: New Approaches to the Analyses of Mass Media Discourse and Communication, Research in Text Theory Series. 1985. vol. 10. - p. 233-69.*

³⁵ *Fairclough N. Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language. Language in Social Life Series. - London: Longman, 1995. - p. 33, 58.*

дискурсивной стороны, особенно в отношении этнической принадлежности как инаковости. Речь идет о попытке использовать терминологию и теоретические конструкции дискурсивного анализа, охватывая визуальные тексты и дискурсы. Такой подход опирается на достижения разных дисциплин и методов исследования и междисциплинарен, что вообще характерно для исследований коммуникаций.³⁶

С. Холл³⁷ обращается к концепции колониального дискурса Э.В. Саида³⁸ в описании характера расистского дискурса. Один из аспектов этого дискурса – концепция инаковости, где власть выражена через натурализирование. «Другой», тот, который не натурализован, является тогда «противоположным», таким, какими «мы» не являемся. Однако этот дискурс в итоге сведен к оппозиции Западного, в то время как Другой является Незападным, или симптомом инаковости³⁹.

Пространство СМИ, естественно, более разнообразно в диапазоне этнических репрезентаций, но то, что мы теряем при подходе к этнической принадлежности как инаковости, мы превращаем в пользу, вычлняя четкую и опознаваемую напряженность между этническими и доминирующими протагонистами, вовлеченными в визуальный или вербальный тексты.

Концепция инаковости обеспечивает и другие преимущества. Во-первых, Другой – это проекция ожиданий и образов этнической группы, поскольку она поддерживается членами доминирующей культуры. Это экзогенная конструкция, сформированная не репрезентативной группой, а людьми, которые имеют власть репрезентации⁴⁰. Во-вторых, она охватывает характеристики всей группы, а не отдельных индивидов, таким образом сводя индивидуальное лицо к де-персонифицированному (в стереотипном смысле), которое более легко становится частью

³⁶ См.: *Vanhanen H.* Kuoleman kuvat. - University of Tampere, Department of Journalism and Mass Communication Series, 1991.

³⁷ *Hall S.* Kulttuurin ja politiikan murroksia. - Tampere: Vastapaino, 1992.

³⁸ *Said E.W.* Orientalism. – N.Y.: Pantheon Books, 1978.

³⁹ *Hall S.* The West and the rest: Discourse and power // *Hall S., Greben B.* (eds.) Formations of modernity. - Cambridge, 1992. – p. 277-278.

⁴⁰ Там же – p. 277.

Другого⁴¹. Т.о., концепция инаковости выступает необходимым элементом данного исследования.

В этом исследовании теоретический акцент делается на понятие «дискурсивной практики», чтобы сосредоточиться на дискурсивном характере репрезентаций этнической принадлежности. Текстуальный уровень, в свою очередь, важен как измерение, где дискурсы выражены «визуального» текста. Дискурсивный анализ практики может заниматься любыми аспектами производства и интерпретации образов, в этом исследовании, однако, он ограничен частью производства значений. Анализируются отношения непосредственно между коммуникативным событием и «порядками дискурса», и в каких дискурсивных практиках они проявляются и в какой комбинации.

В интерпретации Н. Фэйрклава, «порядки дискурса» относятся к выстраиваемому набору дискурсивных практик, связанных с определенным социально-политическим институтом, границами и отношениями между ними⁴². Коммуникативные события, таким образом, структурируют порядок дискурса и определяют его границы. «Порядок дискурса – это социальный порядок в его дискурсивном аспекте, или исторические отголоски социокультурной практики на дискурсе»⁴³ Поэтому дискурсивные позиции самостоятельны в историческом контексте, они и воспроизводятся и трансформируются как его части. Границы порядков дискурса находятся в постоянном изменении и составляют часть этносоциального процесса.

Производство текстов СМИ - коллективный процесс, вследствие чего дискурсы СМИ имеют «вложенный» и «слоистый» характер. Это относится и к тому, как тексты СМИ производятся, с несколькими стадиями между «источником» и итоговым текстом, интерпретируемым аудиторией. На каждой стадии одна версия текста вложена в предыдущий, включая первоначальный «источник». Таким образом, не только

⁴¹ Lutz H. «Indians» and Native Americans in the Movies: A History of Stereotypes, Distortions, and Displacements. // Visual Anthropology. 1990. №3 (1). – p. 36.

⁴² Fairclough N. Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language. Language in Social Life Series. - London: Longman, 1995. - p. 12.

⁴³ Там же. – p. 10.

дискурс расположен в историческом контексте: дискурсивная практика - также выражение временного измерения дискурсов. Дискурсивная практика и порядки дискурса опосредуют взаимосвязи между текстами с одной стороны, и обществом (то есть нетекстовые аспекты) с другой. Воздействие порядка дискурса на дискурсивные практики заключается в том, что он находится в промежуточной позиции между широким социальным контекстом и (визуальным/вербальным) текстом.

Обычная дискурсивная практика производит гомогенные тексты, в то время как «креативные» дискурсивные практики производят гетерогенные тексты. «Креативный» в этом контексте относится к воздействию социальных условий. Таким образом, когда общий социальный и политический контекст меняется, текст предстает более гетерогенным и является материализацией социальных и культурных противоречий, становится индикатором социального изменения. Конструирование Другого показывает этносоциальный климат в данном пространстве и в данное время.

Эти отношения открывают новые перспективы рассмотрения репрезентаций этнической принадлежности. Во-первых, важно обратить внимание на воздействие институционализированных практик производства образов и на их идеологическую функцию, сформулировав «образ» как визуальную или вербальную транскрипцию «реального мира»⁴⁴, репрезентирующую «действительность»⁴⁵. Такие институциональные практики играют важную роль в репродуцировании определенных представлений этнического Другого. Во-вторых, порядок дискурса дает возможность связать дискурсивную практику с определенным социальным институтом и тем самым следовать «по следам», оставленным в тексте дискурсов, характерных для этого института. Анализ может сосредоточиться на хронологических вопросах воспроизводства дискурсов определенными институтами, а на взаимоотношениях дискурсов с социальным порядком. В-третьих, креативный дискурсивный

⁴⁴ Hall S. The Determinations of News Photographs. // Cohen S., Young J. (eds) *The Manufacture of News: Social Problems, Deviance, and the Mass Media*. -London: Constable, 1973. – p. 188.

⁴⁵ Kellner D. *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*. - London: Routledge, 1995. – p. 59.

порядок пропускает социальный поток через гетерогенный текст.

Система трех измерений Н. Фэйрклава предполагает интертекстуальный анализ, демонстрируя соотношение жанров с дискурсами. В данном исследовании такое разделение на основе межсмысловой структуры не рассматривается при обсуждении репрезентаций этнической принадлежности, т.к. предмет исследования не требует такой проработки в рамках поставленных целей. В нашей работе акцент помещен на дискурсивные практики и аспекты производства дискурсов.

Согласно Н. Фэйрклаву, три категории вопросов могут быть подняты относительно СМИ и дискурса вообще: как вещи репрезентируются, какие взаимоотношения существуют между вовлеченными элементами и какие идентичности формируются? Основанное на этих вопросах рабочее предположение: любая часть любого текста одновременно репрезентирует, устанавливает взаимоотношения и формирует идентичности. Эти категории функционируют как ключевые аспекты анализа текстов визуальных и вербальных репрезентаций этнической принадлежности и связывают этнического Другого с вопросами выбора, иерархий власти и идентичностью.

Рассмотрение этих взаимосвязей требует использование понятия репрезентации. Н. Фэйрклава определяет репрезентацию как выбор того, что включить и что исключить, и что поместить на «передний план», а что – в «фон». Но анализа репрезентации в таком русле недостаточно для понимания дискурсивной практики - важно включить аспекты отношений и идентичности в анализ. Аспект отношений в дискурсе предполагает не только отношения между протагонистами в тексте, но также и между источником информации и зрителем. Аспекты идентичности раскрываются в дискурсе и свидетельствуют о «культурных ценностях и в большей степени также о преобладающих идеологиях»⁴⁶. Любой текст определяется приведенными тремя аспектами, которые присутствуют в нем в той или иной мере.

Понятие дискурса и дискурсивной практики требуют от

⁴⁶ Fairclough N. Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language. Language in Social Life Series. - London: Longman, 1995. - p. 17-18.

нас уточнения некоторых ключевых понятий. Преобладающая идеология и/или традиция устанавливает критерии выделения «нас»: кто принадлежит к «нам», что является нормой, и что наоборот не нормально, и таким образом формируется образ Другого. Когда идеология реализует эту функцию в пределах медиа-культуры, создается внутренняя иерархия. Идеология служит системе доминирования, устанавливая границы между различными группами в обществе и деля их членов по значимым маркировочным линиям⁴⁷. На дискурсивном уровне такими маркерами выступают этнические стереотипы, посредством использования которых происходит управление дискурсивной практикой. «Идентичности создаются и транслируются через репрезентации»⁴⁸.

Это исследование направлено на попытку объединить: 1) различные виды коммуникаций в аспекте создания репрезентаций и конструирования образов, 2) рассмотрение этнической принадлежности как процесса конструирования Другого в этих репрезентациях, 3) дискурсивный анализ политических дискурсов и наличествующих в них стереотипов.

Стереотип по сути является первичным элементом концепта Другого, т.е. «инаковости»⁴⁹. Идентичность этнической группы, т.о., может быть представлена как стереотипизированная в дискурсе о Другом, конструируемая вокруг различия между доминантным и Другим. Это понимание стереотипирования описано С.Л. Гилманом: он видит дихотомию как иллюзию между «самостью» и «объектом» (Другим). «Стереотип – это сохранение необходимого чувства различия, различия между собой и объектом, который в стереотипичных репрезентациях становится Другим».⁵⁰ Стереотипизированные дискурсы связаны с идеей, выдвинутой Х. Лутцом о том, что стереотипы могут служить идеологическими конструкциями, когда отношения между этни-

⁴⁷ *Kellner D.* Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern. - London: Routledge, 1995. – p. 61.

⁴⁸ *Grossberg L.* Identity and Cultural Studies: Is That All There Is? // Hall S., du Gay P. (eds) Questions of Cultural Identity. - London: Sage, 1996. – p. 90.

⁴⁹ *Bhabha H.* The Other Question... The Stereotype and Colonial Discourse. // Screen (incorporating Screen Education). 1983. №24 (6). – p. 18.

⁵⁰ *Gilman S.L.* Inscripting the Other. - Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. – p. 12-13.

ческими группами являются конфликтными⁵¹. Тогда стереотипы становятся маркерами этносоциального пространства. Дискурсы стереотипизирования включают множество элементов, одним из наиболее важных является «мифологический» аспект. Дискурсы стереотипизирования об этническом Другом часто подразумевают «мифическую» концепцию этнической группы. Мифологическое изображение этнической группы часто основывается на истории, и стереотипы должны анализироваться как проявление исторического измерения дискурсивных практик. Этнические стереотипы и образы Другого как элемент этнической идентификации важны в функции ключевого предмета исследования. Цель же состоит в том, чтобы развить новый подход к изучению этносоциального пространства и стереотипизации.

Анализ этнических стереотипов и дискурсивной практики в русле этносоциального взаимодействия невозможен без рассмотрения феномена ксенофобии. Понятие ксенофобии происходит от греческих корней: *xenos* – чужие, посторонние, иностранцы и *phobos* – страх, и имеет два значения: «1) навязчивый страх перед незнакомыми людьми, боязнь чужих; 2) неприязнь, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иноземцам, представителям других регионов, а также к чему-либо незнакомому, чужому, непривычному»⁵².

Первое значение исходит из буквальной трактовки образующих это слово греческих корней. «Фобия» здесь понимается по аналогии со смысловым наполнением данного термина, принятым в психиатрии где под фобиями понимают различного рода навязчивые страхи. Второе значение термина «ксенофобия» – ненависть к чужим – используется в социологии и политологии, куда он был перенесен из психиатрии для определения (перефразируя З.Фрейда) психопатологии общественного сознания. Здесь он наполнился новым дополнительным содержанием.

В целом, ксенофобия – это сложный, комплексный, многоуровневый феномен, в основе которого лежит множество факторов – психологических, социально-политических, экономических,

⁵¹ Lutz H. «Indians» and Native Americans in the Movies: A History of Stereotypes, Distortions, and Displacements. // *Visual Anthropology*. 1990. 3 (1). – p. 32.

⁵² Краткий словарь современных понятий и терминов / Под ред. А.В. Макаренко. – М. 1995. – с. 217.

демографических, культурно-исторических. Соответственно, ее можно анализировать с позиций разных наук: этнологии, политологии, истории, социологии, философии и пр. Но, представляется, что корни, основные предпосылки и механизмы данного явления – социально-психологические.

Рассматривая систему понятий и категорий, принятых в социальной психологии, можно утверждать, что наиболее близким к ксенофобии является понятие «внутригруппового (ингруппового) фаворитизма» (и обычно сопутствующей ему межгрупповой враждебности), изучаемых в психологии межгрупповых отношений. Суть внутригруппового фаворитизма «заключается в тенденции каким-либо образом благоприятствовать членам собственной группы в противовес членам другой группы... может стать источником возникновения (или усиления) напряженности и даже враждебности между различными социальными группами, вплоть до открытых столкновений и конфликтов между ними»⁵³. В этнопсихологии также используется сходное по значению понятие «этноцентризма» – предпочтения собственной этнической группы. Особенно близким к ксенофобии является «воинственный этноцентризм», когда «люди не только судят о чужих ценностях, исходя из собственных, но и навязывают их другим. Воинственный этноцентризм выражается в ненависти, недоверии, страхе и обвинениях других групп в собственных неудачах»⁵⁴.

Изучению ксенофобии как социального явления было посвящено лишь ограниченное количество специальных исследований. Так, А.А. Кельберг дает такое определение ксенофобии: «опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого и незнакомого, при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется тот самый фантастический страх, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях – и за образ действий»⁵⁵. Близкой к нему точки зрения придерживается А.А. Леонтьев, считая, что «ксенофобию

⁵³ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М. 1990. С. 39-40.

⁵⁴ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Выпуск III. – М. 1998. - с. 41.

⁵⁵ Кельберг А.А. Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6. Вып. 2 (№ 13). - с. 49.

можно представить как социально-психологическое явление, при котором образ врага во многом создается воображением»⁵⁶. В этих определениях сформулированы некоторые существенные особенности данного феномена, такие как наличие иллюзорного, воображаемого «образа врага» в сознании ксенофоба, а также особых идеологических конструкций, обосновывающих страх и неприязнь к нему. М.В. Кроз и Н.А. Ратинова предлагают такое определение ксенофобии – это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе (но прикрываемое псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям – «чужакам», «иным», «не нашим». Она проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, предрасудках и предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении в целом⁵⁷. В результате в сознании индивида формируется устойчивый «образ врага», являющегося для него источником опасности и угрозы. При этом субъект, как правило, не осознает иррациональной природы данного отношения. Она может быть выявлена лишь при анализе этого феномена «со стороны», также как и защитный, псевдорациональный характер аргументов, выдвигаемых ксенофобом для обоснования своих убеждений⁵⁸. Убеждения ксенофоба носят априорный характер, они не нуждаются в проверке, нечувствительны к противоречащим им фактам, крайне ригидны.

Аффективный компонент ксенофобии (и соответствующих социальных установок, а также эмоциональная составляющая стереотипизированного «образа врага») образует сложный комплекс негативных эмоциональных проявлений, основу которого составляет чувство враждебности, включающее эмоции страха, отвращения и презрения к «чужакам». Эти эмоциональные механизмы «выключают» представителей других рас, этносов и конфессий из зоны действия принятых моральных и правовых

⁵⁶ Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации. Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М. 2003. - с. 7.

⁵⁷ Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. – М.: Academia, 2005.

⁵⁸ Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону, 1996. - с. 20.

норм,⁵⁹ и ведет к требованиям сегрегации таких лиц, их изоляции в резервациях или гетто, репатриации либо к полной ассимиляции⁶⁰. Доминирование той или иной эмоции в данном комплексе зависит от оценки силы врага, степени той угрозы, которую он представляет.

Являясь внутренним, интрапсихическим по своей природе образованием, ксенофобия проявляется вовне, определяя широкий спектр форм поведения индивида по отношению к объектам ксенофобии.

Анализируя поведенческие формы ксенофобии, важно учитывать, что она в первую очередь проявляется во взаимодействии между людьми. Это взаимодействие может быть реальным или воображаемым, приобретать символические или ритуализированные формы, быть непосредственным или опосредованным, межличностным, межгрупповым или массовым. В последнем случае оно, как правило, опосредуется СМИ. «Все формы ксенофобии последовательно сужают сферу человеческого взаимодействия и взаимопонимания»⁶¹, приводят к доминированию в них агрессии и конфликтов. Ксенофобия может проявляться прямо либо косвенно (в виде подготовки законопроектов, ущемляющих права тех или иных социальных общностей; провокации межэтнических или межконфессиональных конфликтов).

По мере развития конфликта эмоциональные процессы оказывают все большее влияние на мышление и восприятие «противника» как у ксенофоба, так и у противоположной стороны. Конфликтующие стороны по-разному видят суть конфликта, различным образом оценивают события, свои и чужие действия. Возникает тенденция воспринимать собственные действия как ответные, вынужденные, в то время как действия противоположной стороны расцениваются в качестве провокационных⁶².

В процессе эскалации конфликтного взаимодействия происходит поляризация позиций участников конфликтного взаимодействия. — *Нагорная О.В.* Теоретические аспекты ксенофобии и межнациональных конфликтов. — <http://www.orenburg.ru>

⁶⁰ *Изард К.Е.* Эмоции человека. — М., 1980. — с. 297.

⁶¹ *Штемберг А.С.* Ксенофобия. Размышления холодного философа // Энергия. 2001. № 12. — с. 69.

⁶² *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — Ростов-на-Дону. 1996. — с. 256-258.

модействия, демонизация противника, конструирование негативных стереотипов. Параллельно идет процесс идеализации «своих»: «нам» приписываются все возможные достоинства, а реальные недостатки представляются либо несущественными, либо преподносятся в виде достоинств, проявления самобытности, уникальности. Это явление ярко описал американский ученый Р. Уайт, дав ему образное название «дьявольский образ врага», в соответствии с которым дьявол всегда на противоположной стороне, а собственные действия воспринимаются как исключительно праведные⁶³.

Действие подобных, защитных по своей сути механизмов, значительно облегчает внешние проявления агрессии: «...мы можем постараться убедить себя, что причиненное нами кому-то страдание ...желательно и похвально, так как наши действия были продиктованы благородными, высшими мотивами»⁶⁴. У участников конфликтного взаимодействия возникает известный в психологии эффект дегуманизации жертвы. Он является результатом деформации ценностно-нормативной сферы субъекта, формирования мировоззренческой основы и диспозиционных предпосылок для последующих враждебных, насильственных действий в отношении какой-либо социальной общности (расы, нации, религии, класса и др.) и ее представителей. Этот эффект крайне распространен, в первую очередь, в межэтнических конфликтах.

Феномен ксенофобии можно рассматривать на различных уровнях – индивидуальном, групповом и массовом (общественном). Это относится как к субъектам, так и к объектам ксенофобии, в качестве которых могут выступать отдельный индивид, малая группа и (или) большая социальная группа, а также общество в целом.

На каждом указанном уровне можно выделить специфические предпосылки и факторы, влияющие на формирование и степень выраженности ксенофобии у конкретного человека. На уровне больших социальных групп и общества в целом ведущую роль играют такие факторы как групповая (общественная) идеология, обычаи и тради-

⁶³ Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону. 1996. - с. 258.

⁶⁴ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб., 2001. - с. 154.

ции, социально-экономические, политические и демографические процессы, происходящие в обществе. Значительное влияние здесь также оказывают позиции общественных лидеров, СМИ.

В восприятии ксенофоба границы, разделяющие людей на «своих» и «чужих» достаточно жестко закреплены. Вместе с тем вполне допустимы ситуации, когда «свой» превращается в «чужого», в объект ксенофобии, и наоборот. Это возможно в случаях, когда основания разделения людей на «своих» и «врагов» не являются жестко закрепленными (например, критерии расы и национальности), а предполагают свободу выбора для индивида.

Объект ксенофобии воспринимается ксенофобом не в своей субъектности, а, как типичный представитель, член большой социальной группы «чужаков» (этнической, расовой и др.). То есть, определяющими здесь являются социально-перцептивные механизмы межгруппового, а не межличностного уровня. Соответственно, и взаимодействие в данном случае будет носить характер субъект-объектного, а не субъект-субъектного.

Основой генезиса ксенофобии служит во многих случаях т.н. «негативная самоидентификация». В этом случае у субъекта отсутствует какая-либо проработанная позитивная идея или программа. Он борется не «за что-то», а «против кого-то», неприятие чужих здесь является первичным. Здесь ведущим является не «мы – хорошие», а «они – плохие».

Анализируя ксенофобию на уровне общественного сознания, Б. Цилевич выделяет такие ее формы как «ксенофобия сверху», целенаправленно распространяемая в обществе определенными политическими силами, и «ксенофобия снизу», возникающая на уровне масс⁶⁵. Развивая эту идею, А.Муравьев полагает, что следует различать два разных явления: «инстинктивную ксенофобию» как «неосознанный социальный инстинкт» или «архаический социальный инстинкт», в той или иной степени характерный для большинства социумов, и «ксенофобию-идею» как идеологию этнической вражды⁶⁶.

Представляется, что в действительности здесь речь идет не о

⁶⁵ Цит. по: *Муравьев А.* Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4 (19).

⁶⁶ *Муравьев А.* Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4 (19).

двух самостоятельных видах ксенофобии, а о различных механизмах и путях распространения ксенофобских идей в обществе. В первом случае подобные установки и мировоззрение формируются спонтанно, в процессе социализации отдельных индивидов, межличностного общения и воспроизводятся путем передачи социального опыта от одного поколения к другому. Во втором же имеет место целенаправленное формирование ксенофобских установок и идеологии со стороны определенных социальных групп, политических партий или государства в целом с использованием средств массовой пропаганды и агитации. При этом, искусственное формирование негативных этнических стереотипов опирается на существующие у определенной части общества соответствующие настроения.

ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ И КАНАЛЫ ПРОЦЕССОВ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В РАМКАХ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Исторически можно выделить четыре этапа стереотипизации российско-чеченского дискурса: 1) период присоединения Кавказа к Российской империи, Кавказская война (XVIII – XIX вв.); 2) советский период; 3) 90-е гг., период двух чеченских конфликтов; 4) с 2003 г. (окончание боевых действий; референдум по принятию новой Конституции ЧР) по сегодняшний день. Все они взаимосвязаны и характеризуются возрастанием роли различных каналов стереотипизации и различным содержанием этнических стереотипов в разные периоды. В данном обзоре основное внимание будет уделено такому каналу стереотипизации, как литература, в силу двух причин: во-первых данный канал имеет историческую преемственность и имел место во всех четырех периодах; во-вторых, именно в литературе наиболее полно и четко представлен комплекс авто- и гетеростереотипов, транслируемых через иные каналы.

Первый период. Северный Кавказ стал ареной самой длительной и культурно-значимой войны в российской истории (1817-1864 гг.). Столетнее культурное воспроизводство, как элитарное так и народное, увековечивало это имперское наследие, колеблясь в своих оценках от имперского универсализма до сложных аллегорий романтизма, отчуждения и диссидентства. Эта старая традиция, хотя и номинально вытесненная строительством полиэтнической советской нации, все же распространялась в коммунистическое время, а затем возродилась в 90-е гг. Основным каналом трансляции этнических стереотипов в данный период выступала литература, создаваемая представителями культурной и военной элиты страны. Классическая литературная традиция России примечательна уровнем личного отчуждения, поиском естественного состояния свободы вне бюрократического государства. Поэзия М. Лермонтова стала основой кавказской литературной мифологии, которая колебалась между демонизированием и облагораживанием горцев. Это колебание выражало восприятие логики имперского государства элитой той эпохи. В

оппозиции цивилизатор-цивилируемый российский автор фигурировал как неоднозначный третий элемент. Несмотря на наиболее простой и мощный из мифов Лермонтова - образ Дикого Человека, темной угрозы («Казачья колыбельная песня», 1840)¹: «Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал», - чеченский миф в российской культуре основывался не на восприятии реального сопротивления горцев, а на соотношении воли, насилия и закона. «И дики тех ущелий племена, Им бог – свобода, их закон война» (М. Лермонтов «Измаил-Бей», 1832). Абстрактные пары бог/свобода и закон/война скорее дихотомичны, чем дополнительные: «бог» и «закон», которые предполагают божественно или социально санкционированные ограничения сообщества и культуры, выступают противоположностями, «две полностью противопоставленных вещи - война и свобода - так странно и поэтически объединены»².

Адат в литературном дискурсе стал «утерянной ценностью» по отношению к имперским законам. На горцев были спроецированы черты, характерные для литературной традиции XIX в., которые со временем трансформировались в этнические стереотипы, хотя содержание их варьировало во времени. Самое характерное изменение такого рода – превращение Дикого Человека в Благородного Дикаря, чей образ выступал как инструмент внутрикультурной критики. Образ Благородного Дикаря аллегоричен, он служит положительным контрастом принудительным нормам европейской цивилизации. Эта эволюция прослеживается во всей европейской художественной культуре. В России же несколько столетий европейских культурных дебатов прошли за несколько десятилетий, совпав с расцветом российского романтизма. Интересно, что Дикий Человек не мог быть центральной фигурой произведений эпохи романтизма: для этого он должен был стать Благородным Дикарем. Он в основном абрек, человек вне закона или изгой, принуждаемый законом мести к мщению. Соответственно он становится маргиналом: Измаил-Бей М. Лер-

¹ См.: *Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Working Paper Series (Summer 1999).* 1.

² *Толстой Л.Н. Дневники, 9 июля 1854 г. // Полное собрание сочинений. Т.47. - Москва 1937. - с. 10.*

монтова, подобно Хаджи Мурату Л. Толстого (и Аммалат-Бек А. Бестужева-Марлинского)³, жил среди русских и временно объединился с ними, тем не менее, его частичная русификация только углубила его чувство оторванности от своих корней. Из этого вытекает семантическая неопределенность Благородного Дикаря. Являясь скорее символом российских и европейских страхов, нежели этническим стереотипом, Благородный Дикарь был вариантом романтического героя, аллегорической ширмой, на которой российский писатель мог проектировать свое политическое отчуждение. Это была форма отчуждающей идентификации, где утверждается первичная идентификация между цивилизатором и цивилизуемым, и затем обеспечивает воспроизведение другой оппозиции, находящейся внутри самой российской культуры, между деспотичным государством и творческой интеллигенцией. Кавказская мифология отражала «общероссийскую склонность бежать от государства как чужеродного учреждения, в корне враждебного национальному сообществу»⁴.

В этот же период формируется миф о Пленнике. Рассказ А. Пушкина «Кавказский пленник» содержит глубокую политическую и психологическую притчу. Пленник - персонаж, который становится чужим как по отношению к своей родине, так и по отношению к захватившим его: «Узникам удел обычный,- Над рабами высока их стяжателей рука. Узы - жребий им привычный: в их земле и свет темничный! И ужасен ли обмен? Дома - цепи! В чуже - плен!» (А. Грибоедов, «Хищники в Чегеме»).

Еще один образ, созданный классической традицией, - смерть в сражении. Образ павшего в бою является наиболее интуитивным из образов, в котором усилие примирения личных и национальных стремлений с имперской агрессией становится схематично воплощенными: «И вы едва ли Вблизи когда-нибудь видали, Как умирают. Дай вам Бог и не видать...» (М. Лермонтов «Валерик»). Использование М. Лермонтовым феноменологии смерти для критики войны предвосхищает явление смерти в сра-

³ Нарождающееся совместничество и тупики вражды в повестях А.А. Марлинского (Бестужева) // *Виноградов В.Б., Люфт Е.Г., Чирикова Ю.Е.* Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». – М.-Армавир, 2009. – С. 23-37.

⁴ *Layton S.* Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery // *Russia's Orient.* 1986. №3. - p. 82-83.

жении у Л. Толстого: вместе они составляют российскую традицию, которая настаивает на тщетности войны, чем подтверждает простую храбрость российского солдата.

Таким образом, Дикарь известил о разделении между цивилизатором и цивилизируемым. Пленник и Павший указали на раскол в пределах России между нацией или народом и имперским государством.

Второй период можно разделить на два этапа. Первый ознаменован мифотворчеством Великой Отечественной войны, а второй – кризисами 80 -начала 90-х гг. Во время Великой Отечественной войны чеченцы оказались заложниками двух мощнейших мифопроизводящих систем: фашистской и советской. Тема депортаций в ранне-советский период замалчивалась и не освещалась ни в печати, ни в науке. Только в 1964 г. в литературе взялся оправдывать выселение народов А. Губин в повести «Созвездие ярлыги»⁵. Одним из первых к этой запрещенной теме обратился А. Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая» (1987), описав жизнь послевоенного времени и последствия депортации, осудив ее.

В советской массовой культуре имел место романтический образ кавказцев, но образ «благородного дикаря» сменяется образцово-показательным персонажем «из семьи советских народов», подтверждающим могущество интернационализма и неизбежность расцвета социалистических наций (фильм «Свинарка и пастух» и др. произведения, где кавказец был «этнографическо-политической изюминкой»). Враг сменяется Другом (из советской семьи народов) - становится олицетворением самой советской власти⁶. Национализм был табуирован. К середине 1960-х гг. начала утверждаться иронически-романтическая версия рыцарского образа, где центральной фигурой является уже не рыжебородый чеченец-абрек, а грузин-ловелас с Черноморского побережья. Благодаря кинематографу – новому каналу стереотипизации, кавказец предстает мечтательным рыцарем и чудачком, поющим песни, пьющим вино, любящим женщин⁷. «60-80-е

⁵ Губин А. Созвездие ярлыги. // Октябрь. 1964. №8.

⁶ См.: Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // http://inci.ru/index.php?page=showpage&go=v1_tsutsiev2

⁷ Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // http://inci.ru/index.php?page=showpage&go=v1_tsutsiev2

годы в истории нашей страны можно считать одним из самых беззаботных периодов... культурная жизнь была ключом ...улицы были полны доброжелательных, улыбающихся людей»⁸. Советская пропаганда создавала образы процветающих краев и республик, однако «за фасадом «стабильности», «радостных лиц» и «дружбы народов» скрывались многочисленные противоречия - порожденные как предыдущей историей, так и политикой «застойных лет». ...Вне фокуса советской элиты оставались такие проблемы, как лечение национальных травм, нанесенных сталинскими депортациями, порожденные ими этническая нетерпимость и ксенофобия (как в отношении русских, так и других этнических групп)»⁹.

В постсоветский период стал широко распространен миф о депортации чеченцев в связи со сложившимся чрезвычайно взрывоопасным международным положением, обстоятельством военного времени, о том, что переселение явилось актом пресечения агентурной, диверсионной, враждебной и предательской деятельности народа. Благодаря политики депортаций и табуированию данной темы, депортация стала оправданной в глазах остального населения, стала своеобразным «клеймом позора» вплоть до нынешних дней. Интересно отметить, что данная мифологема не транслировалась через такие каналы стереотипизации как образование, СМИ, т.к. кавказофобия стала табу для обывателя к 30-тым гг., однако на бытовом уровне прочно вошла в сознание людей и оказала позднее немалое влияние на этносциальные процессы в стране. Официальная политика советского государства, направленная на замалчивание фактов героизма чеченцев в Великую Отечественную войну послужила основанием для позднейшего создания чеченцами автостереотипа борца с советской властью и мифологем о тотальной поддержке немцев как способе противопоставления себя России и борьбы за независимость, а также повлияла на негативные стереотипы в отношении чеченцев.

Советская действительность породила весьма обширную систему воспроизводства этнических стереотипов. Вначале основ-

⁸ *Нижарадзе Г.* Мы — грузины. // «Дружба Народов». 1999, №10.

⁹ *Маркедонов С.* Советский Кавказ в 1970-е годы: Предчувствие Гражданской войны. Ч.1 // Неприкосновенный запас. 2007, №2(52).

ными каналами стереотипизации стали армия и колхозный рынок, где в значительных масштабах сходились люди с некоторыми антропологическими различиями и разными социальными ролями. По мере нарастания социально-экономического кризиса, политических и национальных конфликтов в стране один за одним стали появляться новые механизмы и каналы воспроизводства этнических стереотипов. В общественном сознании русских, живущих в русских регионах, появляется этнический символ «черных», «лиц кавказской национальности», «южан», в то же время на Кавказе доминирует символ «колонизатора», «пьяницы», «чуждого, незванного квартиранта» русского. Возрастающая мобильность миграций породила феномен культурного шока для жителей регионов, до этого периода имевших моноэтнический состав. Десятки этносов Кавказа превратились теперь из «экзотических дикарей», «благородных горцев» в «лиц кавказской национальности». «Витязь! Витязь! Где ты, дорогой? Завести бы тебя вместе с тигром, с мечом и кинжалами... на российский базар, чтобы согнал, смел бы оттуда модно одетых, единокровных братьев твоих, превратившихся в алчных торгашей и деляг.»¹⁰

В рассматриваемый советский период формируются следующие каналы стереотипизации:

- советская армия (в официальной пропаганде она называлась «школой интернационализма», но в реальности создавала такие условия, которые обостряли чувство национальной принадлежности, деление на «своих» и «чужих»¹¹; распад СССР положил начало формированию армии преимущественно русской по своему этническому составу, что ослабило проблему этнических конфликтов);

- рынок (здесь проявилось наложение этнических признаков на ряд социальных различий: «чужак» выступал в роли «эксплуататора», «мироеда»; примечательно, что торговля спиртными напитками стала популярным делом среди «южан», порождая к ним те же негативные чувства со стороны русского населения, что и некогда к евреям в черте оседлости);

- «шабашничество» (в 1960-70-е гг. бригады «шабашников»

¹⁰ Астафьев В. Ловля пещерей в Грузии // Собрание сочинений в 6 томах. М. 1991. Т. 2. - с.611

¹¹ Белановский С., Марзеева С. Войны однополчан // Век XX и мир. 1990. №11. - с.24.

представляли собой чуждый коренному населению элемент с точки зрения как их этнической принадлежности и антропологических признаков, так и места в общественной организации труда, способам и размерам получения дохода¹² и определенное недовольство падало на почву этнического отчуждения);

- миграции (этот институт очень важен для нашей темы, но его рассмотрение ограничено требуемыми объемами работы, поэтому заметим лишь, что беженцы добавили к стереотипу «чужака» эпитеты «опасный», «грязный», «конкурент», не вызывая сострадания или жалости на фоне этносоциальных конфликтов и экономической напряженности);

- преступность (этот канал стереотипизации стал составным элементом «образа врага», совпадение этнических и социально-культурных характеристик породило стереотип «кавказец» — «бандит, преступник»);

- «горячие точки» (проводниками этнических стереотипов здесь выступает русскоязычное население этих регионов и славянские военнослужащие, проходившие там службу; они принесли с собой чувства обиды, унижения, злости);

- СМИ (роль этого канала будет рассмотрена отдельно, важно, что отношение русского населения к большинству иных народов формировалось в этот период не столько реальными процессами, протекающими в регионе, сколько сообщениями о них в СМИ).

В содержательном плане советский период ознаменовался разрушением романтического образа горца, так же изменяются субъекты стереотипизации. На смену имперскому чиновнику и русскому дворянину приходят бюрократы, партийцы, идеологи, а главное — среднестатистический обыватель. В советской культуре былой образ горца остался литературным феноменом, так как в значительной мере исчезла сама русская культурная среда, которая его создала, а военно-художественный романтизм утонченной русской интеллигенции уступил место обыденной неприязни¹³. В советский период русский уже не миссионер-цивилизатор, а объект неприязни.

¹² Шабанова М. Сезонная миграция строительных рабочих // Социологические исследования. 1989. №6. -с. 79-84.

¹³ См.: Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Working Paper Series (Summer 1999). 1.

Третий период. Переименовав ЧР в Ичкерия в 1994 г., Д. Дудаев ввел слово, ставшее символом политической независимости. Географический термин Ичкерия впервые появляется у М. Лермонтова¹⁴, которого Д. Дудаев часто называл своим любимым поэтом. З. Яндарбиев в 1995 г. писал, что его первым контактом с Россией стало знакомство с великими русскими поэтами из учебного плана советской школы. Он же цитирует стихотворение М. Лермонтова «Прощай немытая Россия». Эти два постсоветских заимствования у М. Лермонтова указывают на общее культурное наследие, разделенное (хоть и по-разному) русскими и чеченцами.

Использование символического языка русских классиков XIX в. в дискурсе чеченской войны является характерной культурной символикой для этого конфликта. Российские деятели искусства продолжают обращаться к литературному канону и переделывать его. Но в российской культуре литература была заслонена общедоступными средствами аудиовизуальной информации как источником стереотипов и каналом стереотипизации, а первая чеченская война стала и первым конфликтом в российской истории, который развивался в условиях относительно свободных и энергичных национальных дебатов. Осознающее потерю своего контроля над СМИ, но неподготовленное к этому, российское правительство действовало дезорганизовано и неэффективно. Самоуверенная риторика имперскости или социалистического строительства была заменена в 90-х гг. риторикой чрезвычайного положения в стране. Широко осуждаемая за грубые промахи и очевидную ложь, правительственная пропаганда приняла форму объявлений и информационных сообщений, брошюр и памфлетов: фигуры чеченского Дикаря и российского Пленника были социологически обновлены и лишены их литературных нюансов, сохранилась и пушкинский сюжет - от плена к освобождению¹⁵. Чечня появляется в официальных источниках информации как своеобразный исторический анахронизм: относимые экономическим детерминизмом к архаичной стадии социально-

¹⁴ В «Валерике» (1840) он определяет горную область, которая не включает всю Чечню, но соотносится с политической географией Кавказа того времени.

¹⁵ См.: *Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Working Paper Series (Summer 1999). 1.*

экономического развития, чеченцы, в силу их склонности к криминальной деятельности, тем не менее признаны частью весьма современной схемы материальных интересов, вовлекающей нефть, наркотики и оружие.

Идентифицируя себя с конституционным порядком и национальным интересом, правительство соответственно стремилось делегитимизировать чеченцев как пред-граждан или/и пост-граждан: в любом случае, они не могли рассматриваться как современники российского государства. Б. Ельцин, не имея власти над СМИ, спроектировал на них «образ врага»: «Не без участия чеченских денег функционирует ряд СМИ России».¹⁶ В постсоветской модернизации романтической фигуры Дикаря отобразилась большая часть драмы постсоветских 90-х гг. Неэффективная правительственная информационная политика вызвала быстрый ответ со стороны чеченского сопротивления и его СМИ. Чеченцы, в отличие от правительства, быстро поняли важность сохранения открытости для российских и западных СМИ и сделали многое, чтобы способствовать насыщенности российского телевидения пленками с кадрами войны, заставляя русских, даже больше чем чеченцев, видеть войну как кризис национальной идентичности и мирового престижа.

Российский литературный ответ на постсоветский конфликт в Чечне выразился в популярной культуре, в жанрах от любительских поэзии молодых российских призывников до боевиков и триллеров, издаваемых коммерческой прессой. Особенностью всех этих жанров стало повторение ряда негативных стереотипов о чеченцах и их отношениях с русскими, имевшихся в литературе имперского периода. Особенностями современного литературного дискурса стали, во-первых, его больший масштаб – он более не ограничен только беллетристикой и поэзией, во-вторых, оно оказывает влияние не только на русское, но и чеченское самосознание, создавая общие механизмы оценивания современных проблем.

В начале первой чеченской кампании стереотипизирующая риторика с обеих сторон находилась под влиянием стереотипов

¹⁶ Заявление Ельцина 27 декабря 1994, цит. по: Журналисты на Чеченской войне. Факты, документы, свидетельства. Ноябрь 1994 - декабрь 1995. – М.: Изд-во Права человека, 1995. - с. 331.

имперского (в меньшей мере – совесткого) периодов. Ш. Галл и Т. де Вааль писали о Д. Дудаеве: «Получивший образование в России, он сформировал свою картину Чечни и Кавказа главным образом через призму романтизма российских авторов»¹⁷.

Закономерно было и обращение Д. Дудаева к временам Шейха Мансура как символическому преемничеству прошлого освободительного движения. Подобно историческому лидеру, Д. Дудаев прибегает и к исламу, Шейх Мансур и события конца XVIII в. стали важными пропагандистскими символами. Его портрет с кинжалом в руке стал использоваться повсеместно, даже на банкнотах, его имя использовалось для переименования улиц и т.д.¹⁸

Двойственность внутричеченского дискурса заключалась в одновременном отказе от российских империалистических намерений и принятия «романтичных» концепций, связанных с империалистической риторикой. Вместе с литературой, чеченцы переняли и российские литературные мифы, в том числе образ кавказских горцев, как смелых, храбрых, и стремящихся всегда к свободе¹⁹. Не только этноэлита, но и остальные слои населения приняли образы романтизма русской литературы прошлых столетий. Так, Й. Карни²⁰, ездивший по Чечне в 1994 г., пишет о чеченском борце, который на русском языке и под бурное одобрению его товарищей, читал куски из поэмы М. Лермонтова «Измаил-Бей».

Подобное же отношение у чеченцев вызывает роман Л. Толстого «Хаджи-Мурат» (1904), которое они считают описанием лучших качеств горца. В XX в. российские и другие иностранные наблюдатели отмечали особое восприятие чеченцами различных социальных слоев Л. Толстого как преданного летописца традиционных нравов. «Некоторые даже предполагали, что роман,

¹⁷ Gall C., de Waal Th. Chechnya: Calamity in the Caucasus. - N.Y., New York University Press, 1998 – p. 86.

¹⁸ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. - М.: Наука, 2001 – стр. 201.

¹⁹ Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Working Paper Series (Summer 1999). 1. – p. 20.

²⁰ Yo'av Karny *Highlanders: A Journey to the Caucasus in Quest of Memory*. - Farrar, Straus & Giroux, 2001 – p. 228.

возможно, был написан одним из их чеченцев».²¹ С некоторыми оговорками так же воспринимался А. Солженицын, описывавший нравы чеченцев в «Архипелаге ГУЛАг».

Стереотипизация всегда зеркальна. В то время, когда чеченцы идеализировали Шейха Мансура и выводили автостереотипы из образов горца российских писателей эпохи романтизма, русские восстанавливали другие мифические ассоциации с прошлым. Романтическо-анекдотический образ грузина окончательно сменяется фигурой чеченского боевика-абрека, который появляется не только в родных ущельях и лесах, но теперь и в Москве, в сердце России²². Для русских «героем прошлого» стал генерал А. Ермолов, деятельность которого и эпоху романтизма и советский период осуждались. Если чеченцы ненавидели А. Ермолова, то русские ассоциировали с его именем стабильность, «правильную политику» и образ «настоящего офицера»²³. Широко распространились российские понятия о неизменно отрицательном характере чеченцев, как неисправимых бандитов и преступников. Если чеченцы идеализировали досоветское общество как горскую демократию, то русские ее оценивали как «дикость» и «бандитизм», что часто звучало как в СМИ, так и в литературе нового времени.

Преступность и жестокость чеченского сопротивления стали основными клише российской военной пропаганды, делегитимирующим любые требования независимости: «можно сказать, что для российского государства, Чечня - ненавистная навязчивая идея, центр самых глубоких источников этнических и религиозных угрозы и страха».²⁴

Каналы стереотипизации в этот период те же, что и в рассмотренном выше, но резко возрастает роль СМИ и публицистики. Во время второй чеченской кампании вышли два знаковых сборника стихов, посвященных ситуации в Чечне: «Пост на Сунже:

²¹ Ziolkowski M. *Alien Visions: The Chechens and the Navajos in Russian and American Literature* - Newark: University of Delaware Press, 2005. – p. 92.

²² См.: Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни // http://inci.ru/index.php?page=showpage&go=v1_tsutsiev2

²³ Ziolkowski M. *Alien Visions: The Chechens and the Navajos in Russian and American Literature* - Newark: University of Delaware Press, 2005. – p. 93.

²⁴ Seely R. *Russo-Chechen Conflict, 1800-2000: A Deadly Embrace*. – UK, Routledge – p. 13.

Стихи и песни «чеченской войны» / ред.-сост. Б. П. Кириллов» (1999, сборник солдатских записей, бардовых песен) и «Время «Ч». Стихи о Чечне и не только» (2001, литературный сборник разнообразных авторов (больше – элиты), включая зарубежных). Первое стихотворение в «Посте на Сунже» анонимно и задает тон для всей антологии, оно похоже на молитву «Господи, пошли нам терпения.... вынести пытки... черных мясников ...дай нам Бог... не прощать бандитам... храброго русского воина... благословите русского солдата».²⁵ Война в сборнике представлена как гражданская, чеченские претензии на независимость воспринимаются как насмешка и агрессия. Чеченцы показаны, как преследующие подобных Христу русских солдат, которые в свою очередь пришли защищать родину. Активно используется религиозная терминология, тогда как чеченцы рисуются неким восточным «магометанским, иноверным» злом. Русские представлены как политически незаинтересованные, вынужденные реагировать на отрицательные действия чеченцев. Сливаются географическая и этническая идентичности; земля неотделима от своих жителей. «Время «Ч» не передает единую негативную точку зрения, его авторы – люди из разных уголков земли, разного пола, возраста. Эти авторы знают о литературном прошлом во всем его богатстве, даже делают намекающие параллели с творчеством М. Лермонтова и др. Так, А. Леонтьев стихотворение «На 9 мая 1995 г.» начинается с эпиграфа М. Лермонтова: «Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал...», но стихотворение является обвинением не чеченского вероломства, а российских политических преступлений, гротеском политической ксенофобии²⁶. В стихах звучат упреки Б. Ельцину и политикам не только за войну в Чечне, но и за загубленные жизни русских «мальчишек»-солдат.

Этот сборник стихов, как и многие другие, осуждает войну. Шубинский В. в стихотворении «Валерик» прибегает к религиозной тематике, показывая, что основания для войны обеих сторон ничтожны, что она никак не может быть оправдана ни для русских, ни для чеченцев: «...Но если примет их Аллах, То

²⁵ Кириллов Б.П. Пост на Сунже. Стихи и песни «чеченской» войны». - Пермь, 1999.

²⁶ См.: Время `Ч`. Стихи о Чечне и не только. — М: Новое литературное обозрение, 2001.

чуть брезгливо, с неохотой; И той же скривлены уста Простого русского Христа...». В стихотворении российская победа достигает кульминации в позорном грабеже: «И утомленные мужчины / Войдут вразвалку во дворы / И понесут в бронемшины / Магнитофоны и ковры». Однако и чеченцы, в отличие от романтизма XIX в. нигде не предстают как «благородные горцы». М. Сухотин в «Стихах о первой чеченской кампании» характеризует войну как необходимую «изначально ...русской власти» и как оправдание за убийство чеченцев «только потому что они – чеченские чеченцы / и всех остальных, потому что они – соседи / чеченских чеченцев».

И в «Посте на Сунже» и во «Времени «Ч» прошлое и настоящее является мифическим и статическим; русские и чеченцы помещены в неизменные схематические отношения, в которых русские представляют героев и чеченцев злодеев.

Несмотря на потенциал поэзии, среди современных российских читателей основной интерес направлен на беллетристику, посвященную драме, насилию, войне. Описания гор Чечни, экзотических традиционных и религиозных ценностей ее жителей, и, особенно, подробности военных и «секретных» операций, включая чеченские, поддерживают интерес российских читателей. С середины 1990-ых гг. вышло много романов, посвященных конфликту в Чечне, среди них В. Гончаров «Начало», В. Барковский «Чеченский транзит», И. Сербин «Путь в никуда», А. Щелоков «День джихада», В. Доценко «Охота Бешеного», А. Проханов «Идущие в ночи», А. Воронин «Панкрат» и др.²⁷ Немало вышло автобиографических романов: Н. Иванов «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре», Г. Трошев «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала» и др.²⁸ По большей части, все эти работы опираются на стереотипные понятия мужественно-

²⁷ Гончаров В. Начало. – Минск, Современная литература, 1995. 416с.; Барковский В. Чеченский транзит. – СПб, Норма-Пресс, 1995. 448 с.; Сербин И. Путь в никуда. – М, Эксмо, 1996. 512 с.; Щелоков А. День джихада. – М., Вече, 2006. 416 с.; Доценко В. Охота Бешеного. - М. Вагриус. 1998. 413 с.; Проханов А. Идущие в ночи. – СПб, Амфора, 2002. 399 с.; Воронин А. Панкрат. – Минск, Современный литератор, 2002. 384 с.

²⁸ Иванов Н. Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре. - М., Эксмо, 1997. 288 с.; Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. — М.: Вагриус, 2001. 384 с.

сти, доблести, этнической принадлежности, что отвечает ожиданиям российских читателей. В то же время они завуалированно или напрямую подвергают сомнению официальные российские интерпретации чеченской войны, встречаются аллюзии на бытовые национальные стереотипы, реже выходит антивоенная литература.

Главные герои этих работ изображаются как молодые русские мужчины, мужественные, честные, чья работа - «борьба со злом, несправедливостью и коррупцией»,²⁹ террористами. В практически всей литературе этого жанра, литературные герои постоянно говорят о том, что они имеют дело с бандитами, помещая современный конфликт в исторический контекст: «Ведь чеченская мозоль на Кавказе появилась еще во времена Пушкина».³⁰ Полевые командиры часто описываются как криминальные бандиты: «Он стал героем благодаря, тому, за что раньше его отправили в колонию»³¹, а его поведение отмечено жестокостью, садизмом, отсутствием истинной религиозной веры и жадностью.

В «Чеченском транзите» снова присутствуют исторические параллели: «...Андрей Гусаров [главный герой книги, попавший в плен в Чечне] сидит в яме! Яме феодала. И у него даже есть личные деревянные колодки времен Жилина и Костылина...»³² герой считает, что на Кавказе мало изменилось более чем за столетие - все еще берут в плен русских, и даже условия захвата остались тем же.

В романах часто звучат стереотипные представления. На упрек, что русские всех кавказцев «под одну гребенку гребут», русский офицер отвечает «Нет дыма без огня. Ты хочешь, чтобы обиженные различали злодеев по нациям? ...Русские не националисты. Терпят все народы. ...В благодарность твоя Чечня отгородилась от России, здесь русские остались только в рабстве, а такие, как ты, населяют наши гостиницы, покупают у нас квартиры»³³. Чеченцы типично изображаются как преступ-

²⁹ Доценко В. Охота Бешеного. - М. Вагриус. 1998. - с. 5; он же. Бешеный жив. - М., Вагриус, 2002. 396 с.; он же. Обратись к Бешеному. - М., Зебра-Е, 2006. 443 с. и др. (более 9 книг).

³⁰ Доценко В. Охота Бешеного. - М. Вагриус. 1998. - с. 251.

³¹ Доценко В. Охота Бешеного. - М. Вагриус. 1998. - с. 55.

³² Барковский В. Чеченский транзит. - СПб, Норма-Пресс, 1995 - с. 176.

³³ Барковский В. Чеченский транзит. - СПб, Норма-Пресс, 1995 - с. 185-186.

ники или обманутые ими, запутавшиеся люди, а отсюда следует мысль, что Чечня нуждается в российском руководстве, нуждается в стабилизации, патерналистском присутствии таких людей, как Гусаров.

В «Начале» В. Гончарова между главным героем и его начальником происходит разговор, где начальник спрашивает героя, прочитал ли он «Кавказского пленника» Л. Толстого, и, получив утвердительный ответ («да...и видел фильм «Кавказская пленница»), говорит, что ему нечего добавить дополнительно.³⁴ Предложение, что несколькодневное посещение Чечни и знакомство с двумя-тремя книгами о чеченцах или Кавказе авторов имперского периода, достаточно для знакомства с чеченской культурой типично как для писателей, так и для обывательского сознания. Эти освоения служат обычно не требующим доказательств основанием для суждений о характере и неизменности Другого.

Автобиографическая литература так же изобилует традиционными стереотипами о чеченском образе жизни. Подобно другим кавказцам, чеченцы описываются как горделивые и тщеславные, но с некоторой склонностью к трусости и хвастовству. Однако отличием этого жанра литературы является большая толерантность к отдельным чеченцам, упоминания депортации, сталинских репрессий, и частое осуждение войны как таковой, вместо однозначно патриотичного признания ее целей: «...эту странную войну, которая никому не нужна...»³⁵

Присутствуют и положительные стереотипы, опять же, заимствованные у литературных классиков. Террорист Рахман Мадиев описан как «типичный горец - гордый, отчаянно храбрый, дерзкий»³⁶. Горцы описываются как «гордые и любящие свободу», способные уважать врагов, если последние не трусливы и не просят пощады³⁷. Такие характеристики «благородного дикаря» были позаимствованы из литературы XIX в.

Отрицательные стереотипы в литературе наиболее тесно связаны с описанием «чеченской» жестокости в отдельных престу-

³⁴ Гончаров В. Начало. – Минск, Современная литература, 1995. – с. 106.

³⁵ Иванов Н. Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре. - М., Эксмо, 1997. – с. 88.

³⁶ Щелоков А. День джихада. – М., Вече, 2006. – с. 10.

³⁷ Щелоков А. День джихада. – М., Вече, 2006. – с. 234, 321.

плениях. Интересно, что хоть и в малой доле, но можно встретить и описание жестокости военных, однако, это скорее исключения, призванные подчеркнуть достоинства основного героя романа. Интересно, что в «Дне джихада» затрагивается тема ухода людей к «бандидам» из-за оскорблений и насилия со стороны властных и армейских структур.

Следует отметить, что литература периода второй чеченской кампании и позднее более стереотипизированна и негативна в отношении чеченцев, нежели середины 90-х гг. Это объясняется разными причинами: информационной политикой, увеличением потерь, терактами, увеличением миграций, а так же коммерческой востребованностью не исторических или автобиографических книг, а более низкосортных и динамичных «боевиков», наполненных колоритной экзотикой. Интересно то, что в этой литературе «чеченский Другой» начинает конкурировать и даже уступать «своим врагам» - власти, коррупции, олигархам и пр.

В «Панкрате» А. Воронина обычный солдат Панкрат Суворин идет к В. Путину с информацией о том, что российские олигархи финансируют чеченских боевиков, а лозунги горцев (которые обозначаются в романе уничижительными словами) о свободе – не более, чем используемые властью инструменты для отмывания денег и своей политики.

В «Идущих в ночи» А. Проханова описываются героические поступки русских солдат, а мятежники изображаются как фанатики, во власти «неукротимой стихии, витающей в кавказских ущельях, яростной, враждебной и злой, воспроизводимой в каждом поколении чеченцев»³⁸. Все четче звучат обвинения против русских (высшие чины, олигархи, продажные журналисты и пр.), способствовавших началу и продолжению войны. Военные лидеры же рисуются в традиции и таких генералов как А. Ермолов, М. Скобелев, Г. Жуков. И снова упоминается М. Лермонтов, но уже его «Бородино» для поднятия военного духа.

Официальный дискурс СМИ, большие потери второй чеченской войны, рост ксенофобии, теракты и пр., безусловно повлияли на литературный дискурс, который, в свою очередь, создал климат некритичного восприятия негативной информации о сте-

³⁸ Проханов А. Идущие в ночи. – СПб, Амфора, 2002. – с. 312.

реотипизируемом Другом. Современный «горец» стал «подлым и кровожадным», в отличие от имперского «гордого и свободно-го», в то время как русские, как и два столетия назад, продолжают представляться несущими стабильность и цивилизацию.

Особое место среди прозы от середины 90-х гг. до современной (обычно - романы военного приключения) занимает «Кавказский пленный» В. Маканина, аллегоричный, полный образов, подобно литературе романтизма. Произведение было написано до 1994 г. и не включает ряда будущих событий в Чечне. Это роман-стилизация, где действие романа разворачивалось на абстрактном Кавказе, на неизвестной войне, в неопределенное время, в неназванной республике.³⁹ Но в отличие от своих предшественников девятнадцатого столетия, В. Маканин описывает очень неоднозначную политическую и психологическую ситуацию.

Политическая сложность романа рисуется через простой беспорядок и торговлю между противниками оружием и провизией, в одном из разговоров командиры противников спорят: «Алибек!.. Ты ж...пленный.. / Шутишь, Петрович. Какой я пленный... Это ты здесь пленный!». Алибек говорит Гурову, что «старика недовольны... говорят они поход на Европу пора делать... старики говорят, куда русские, туда и мы и чего мы друг в дружку стреляем?»⁴⁰ Это предложение подчеркивает политическую пустоту российско-чеченского конфликта; причины для борьбы неясны, и линии раздела между антагонистами постоянно меняются.

Личность реального пленника также неясна во взаимодействии между Рубахиным и его молодым пленником. Хотя мальчик находится в плену фактически, но Рубахин психологически становится зависим от его молодости, красоты и своей ответственности за него.

Метафора пленника была реанимирована и снова вошла в литературу и поэзию российско-чеченского конфликта последних двух десятилетий. В значительной степени российские авторы остаются под воздействием и в рамках стереотипов, некритических образов чеченских злодеяний и дикости. «Злой чеченец эпохи романтизма, бандит, скрывающийся в горах, все еще угро-

³⁹ Латынина А. Не игра, а прогноз художника// Литературная газета. 1995. 7 июня (№ 23)

⁴⁰ Маканин В.С. Кавказский пленный. - М.: Панорама, 1997. - с. 449-457

жает российским территориальным и политическим стремлениям. Такие образы и раскрывающиеся в них стереотипы востребованы современными предубеждениями и страхами населения, его негативной идентичностью, и способствуют ксенофобии. Как и в XIX в. Звучит мысль о том, что и русские и чеченцы – заложники, «пленники» политических интересов и ошибок и самого Кавказа.

Интересно постоянство российских романтических образов в современных заявлениях чеченских националистов. Некоторые аналитики, как и В. Тишков, отметили существование в постсоветских дебатах глубоко укорененного «этнографического романтизма» относительно истории и национального идеала чеченцев. Выведенный из «академических и литературно-журналистских текстов» этот романтизм теперь «перешел в массовое сознание, включая самосознание самих чеченцев». Часто упоминаемый пример - это Хаджи Мурат Л. Толстого: аллегорическая фигура, созданная как контраст проблемам царизма, теперь служит, чтобы обеспечить современному северокавказскому читателю позитивное представление о самом себе.⁴¹ Здесь имеет место инверсия образов: созданные в XIX в. образы горцев, в т.ч. чеченцев были не всегда полностью положительными (как в случае с Хаджи Муратом), и эта их амбивалентность послужила причиной одновременного использования в стереотипизации и русскими и чеченцами, но с разным восприятием и оценкой. Учитывая травмы депортации и русификацию, неудивительно, что чеченский национализм частично перенял литературные мифы российской традиции. Так З. Яндарбиев определяет «кавказскость» как «исключительную приверженность к идеалу свободы ... максимализм независимости, что цивилизаторской России казался дикостью, а на самом деле является концентрированным выражением свободного духа».⁴² Здесь видна мифологема Благородного Дикаря и его историческая дилемма: в подтверждении свободного от ограничений чувства свободы, его мятеж остается неоконченным и стихийным; в приобретении коллективной по-

⁴¹ *Тишков В.А., Беляева Е.Л., Марченко Г.В.* Чеченский кризис. Аналитическое обозрение. - М., 1995. - с. 32-33.

⁴² *Яндарбиев З.* Кавказскость // Чечня: битва за свободу. - Львов, 1996. - с. 402-403.

литической формы, такой как государство-нация, он становится противоречивым ответом, вдохновенным доминирующими западными социальными парадигмами.

В 1960-80 гг. на первый план в чеченской литературе выходит проза, прежде всего исторический роман («Когда познается дружба» С-Б. Арсанова, «Мюрид революции», «Зелимхан» М. Мамакаева, «Республика четырех правителей» Ш. Окуева, «Долгие ночи», «Молния в горах» А. Айдамирова, «Пламенные годы» Х. Ошаева), основные темы – депортация, войны XIX в., описание ценностей и адатов предыдущих эпох и их переосмысление. Позднее многие из этих романов лягут в основу литературы военного времени (романы Н. Музаева, М. Мусаева, Д. Дадашева, У. Ахмадова, Х. Саракаева и др.). В этих произведениях авторы связали значительные события в истории Чечни с судьбами героев. Исторические и фольклорно-этнографические сведения легли в основу повествования. Сплав документальности, публицистики и художественного вымысла стал тем фоном, на котором рассказывалось о судьбе человека в конкретный момент истории⁴³.

С 90-х гг. поэзия получила большее распространение и спрос среди чеченцев, нежели в России (стихи Н. Музаева, Х. Эдилова, А. Мамакаева, З. Муталибова и др.),⁴⁴ количество поэтических произведений в разы превосходит прозу, поэтому основное внимание уделим именно им. Стихи 90-хх гг. посвящены в основном темам родины, свободы, единства вайнахов, большая часть так или иначе обращается к наследию русской литературы XIX в., заимствуя образы и стереотипы, но в отличии современников-россиян – положительно окрашенные: «Мой гордый дух из глубины веков / Ко мне пришёл от непокорных предков, / Я презираю сердцем сталь оков, / Но сталь клинка я принимаю сердцем.... / ...Чеченец я, не просто человек - / Я из титана сделан, не из плоти!» (У. Яричев «Чеченец»); «Чеченец я, дитя природы / абориген кавказских гор...» (авторство неизвестно). Появляются стихи, посвященные отдельным русским писателям XIX в., позитивно отзывавшихся о горцах (напр., «Шашка» Мамакаева М.,

⁴³ *Матвеев Г.А.* Чеченская литература. // Юг России: краткий регионоведческий словарь. – Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2003.

⁴⁴ *Матвеев Г.А.* Чеченская литература. // Юг России: краткий регионоведческий словарь. – Ростов н/Д: изд-во СКНЦ ВШ, 2003.

посвященный Л. Толстому). Одновременно заимствуются все негативные фразы и слова русских писателей о русском народе и России. В 1998 г. вышел сборник «Непокоренная Чечня», куда вошли произведения, затрагивающие русско-чеченские отношения, наиболее ярко передает негативные стереотипы о русских стихотворение «Ты послушай, девушка, меня» М. Гешаева: «... Мы вас меньше стали уважать / Оттого, что ложь Москва пригрела, / Оттого, что собственную мать / Можете вы сдать в дом престарелых, / Вдруг отца родного позабыть, / Не вернуться в сень родного крова, / Денег не найти похоронить / Человека самого родного! / Оттого, что вашею душой / Овладели злость и равнодушие, / Ни любви, ни веры на вершок...». При этом, русофобские стереотипы соответствуют самым порицаемым в чеченской культуре чертам человека, и немало провоцируются изменениями в самом чеченском обществе: «Что стало с нами, с нами что случилось? / Забыты гордость девичья и честь. / И юноши, забывшие о предках... / Они не помнят, что они — вайнахи... / они забыли... / Что... стариков в дома для престарелых / Чеченцы не сдавали никогда... / И что горянки, девушки когда-то, / Не так доступны были, как сейчас. / От девушек не пахло алкоголем, / От девушек не пахло табаком... / Наша гордость — нами же убита... / Бездуховность, нравственный застой.» (У. Яричев «Вайнахи»)

Большинство произведений демонизируют Россию как государство, ассоциируя русских с государственной политикой: «Россия – твое имя, сотни раз, / Сопровождал проклятьем Кавказ, / ...И ненавистью полон каждый взгляд. / ...Стоит держава на людских костях.»; «..Я сегодня живу только с думой одной: / Расквитаться за все с этой русской ордой. / ..Над Чечней полыхает кровавый рассвет, / И рассвет этот длится четыреста лет.» (Б. Алканов). Действия правителей всех эпох в России связываются напрямую с безвольностью русских, что приводит к прямой русофобии: «..русский народ — это жалкое быдло... русский мужик ...рабство и есть его сути черта ...» (Б. Алканов «Золотарю чеченских сортиров»).

Поэзия конца второй чеченской кампании и позднее в основном посвящена переживанию потерь близких, разрушению иллюзий, отмечена усталостью, иногда – фатализмом: «Мы искали покой, находили войну, / Мы искали друзей, приходили к врагу..

/ Открывая глаза, мы не видели свет, / Мы любили родных, но родных больше нет...» (Ш. Арбиев); «Будьте прокляты все силы, / Развязавшие войну!» (М. Гешаев «Великий Чеченец. Джохар»)

Отдельно следует затронуть тему ислама в поэзии. Она появляется только во время второй чеченской кампании, уходя от имперских стереотипов «благородного вольного горца», обращается к теме войны как газавату и джихаду, воспевая чеченца как мусульманина. Создается красочный образ муджахида. Эта поэзия постепенно становилась все более агрессивной и сегодня присутствует в непубликуемом творчестве молодых авторов, особенно, проживающих за границей: «...Дышит кафир теперь, словно загнанный зверь. / ...И в священном строю я на страже стою, / Даже в трудном бою я нашиды пою!...» (Б. Алканов «Рассказ моджахеда»); «...И с честью павший в газавате воин / Отныне, знаю, вечно будет жить! / Не забывайте, что уйдя без страха, / Вдов и сирот оставили мы жить» (Р. Ахтаханов «Завещание воина газавата»); «Ты на священной войне - ты мусульманин ... кругом - враги... Но в Аллаха вера все сильнее, у нас в груди... нам уготовлен рай... Прекрасных гурий яркий лик ты повстречаешь там, шахид.» (А. Яричев «Рай под сенью сабель»)

В 90-е гг. в прозе на первый план вышли жанры повести и романа. «Подъем» А. Айдамирова, «На рассвете, когда звезды гаснут» М. Ахмадова, «Запах прелой листвы» И. Эльсанова, «Мелодии Родины» С.-Х. Нунуева – произведения очень разные по стилю. Неизменно в центре внимания чеченских писателей - проблема человека и его корней, наследования им морально-нравственных традиций, этики народа.

В современной Чечне отмечается большой спрос на книги по истории российско-чеченских отношений. Особенно популярны книги А. Айдамирова. Его трилогия «Длинные ночи», написанная на чеченском - эмоциональное повествование о Кавказских войнах XIX в. Антивоенные книги или книги о том, как Чечня добивалась независимости, вообще практически отсутствуют ввиду цензуры⁴⁵.

Перед началом второй чеченской войны чеченские ученые и писатели пытались через переосмысление истории Чечни создать

⁴⁵ Дукаев А. Погребальный костер чеченской литературы // <http://www.inosmi.ru/translation/208253.html>

новую основу для национального самоопределения. На этой волне были выпущены несколько резких книг о Кавказских войнах и депортации чеченцев в 1944 г. Возвращение войны на чеченскую землю углубило раскол во взглядах чеченской интеллигенции на роль России в истории Чечни⁴⁶. Современная чеченская политическая элита всячески декларирует, что Чечня добровольно присоединилась к России в XVIII в. В оппозиции им стоит группировка, ратующая за независимость. В основном ее представители находятся за границей и выражают свою позицию через Интернет на многоязычных и чеченоязычных сайтах.

Четвертый период. В 2003 г. были завершены основные боевые действия в республике и проведен референдум по принятию новой Конституции ЧР. Начался процесс восстановления республики и включение ее общероссийское правовое пространство. Президентство А. Кадырова было ознаменовано контролем СМИ и оппозиции. Начинаются часты визиты в Чечню государственных лиц, в том числе, Президента РФ, что освещалось всеми центральными СМИ. Основные изменения стереотипизации, снижение негативности этнических стереотипов, приходится на время правления Р. Кадырова, с 2007 г., что обусловлено мощной информационной поддержкой новой власти как на федеральном уровне, так и в республике. Первые шаги к созданию имиджа Р. Кадырова, через авторитет В. В. Путина были сделаны при встрече в Кремле, когда Кадыров «оказался в кабинете у Владимира Владимировича Путина.»⁴⁷

Когда Н. Патрушев «предложил участникам незаконных вооруженных формирований до 1 августа 2006 г. сложить оружие и перейти на сторону народа», Р. Кадыров объявил, что «амнистия выгодна и федеральным властям как символ победы не только в кавказкой войне, но и в битве с сепаратизмом как таковым. Если чеченские боевики сложат оружие, можно будет смело говорить, что все враги находятся за ее пределами, а те, что внутри, являются иностранными наемниками. Для борьбы и с теми и с

⁴⁶ Дукаев А. Погребальный костер чеченской литературы // <http://www.inosmi.ru/translation/208253.html>

⁴⁷ М. Урнов. Когда Рамзан Кадыров станет президентом? // Коммерсант Власть. 2 октября. 2006. - С.17.

другими!»⁴⁸. С этого периода начинается новый виток информационной политики, которая маркерует боевиков как не-чеченцев, предателей, наемников и пр. На смену «чеченцу-бандиту» приходит «террорист-ваххабист-иностранный наемник». Иные трактовки не допускаются ни в СМИ, ни в медиа, ни в литературе. Информационное и культурное пространство республики в этот период подвергается цензуре и пропаганде.

Подобная политика еще сильнее усилила исламскую составляющую в информационном противостоянии и стереотипизации. Образовалось два «лагеря патриотов» - Р. Кадыров и его окружение и полевые командиры и «моджахеды» [самоназвание чеченских повстанцев]. В этих условиях началась активно использоваться тема ислама. Республиканскими властями – для легитимизации своей власти, оппозицией – для расширения своих рядов за счет мусульман-не чеченцев и легализации военной борьбы с представителями своего же народа, единоверцами. Для примера приведем стихотворение (сходное по сути и набору слов с другими такой же направленности) Фирдавеса Сабира «Отправь же муртада [предавший свою веру] навеки в пекло Ада!»: «Предавшие религию и честь... Их можно бить, когда они едят, Их можно бить, когда все сладко спят, ...Их кровь Кораном не запрещена вам, Всё их имущество и их владенья тоже, ...Отправь же муртада навеки в пекло Ада!»⁴⁹ Показателен заголовок одной из тем форума: «Отстрел ментов: польза или вред?»⁵⁰.

Интересно так же, что современное сопротивление весьма активно обращается к литературе XIX в. На сайтах радикальных организаций можно встретить такие апелляции (зачастую придуманные): «Писатель Л.Толстой, которого кафиры считают своим духовным отцом, квалифицировал аморальных кафиrow варварской империи, в частности русских солдат, как существа, которые «хуже ядовитых насекомых»⁵¹ ...«Чеченцы не ненавидели русских. Разве можно ненавидеть собак?»⁵²

⁴⁸ П. Черников. Кто не спрятался, тот не виноват // Коммерсант Власть. 24 июля.2006. - С.20.

⁴⁹ <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/07/20/66897.shtml>

⁵⁰ <http://www.amina.com/kamina/25747-p37.html#post1941709>

⁵¹ Искандер Галиб «Авангардная поэзия Джихада» <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/06/12/66172.shtml>

⁵² <http://djiheadpoetry.jamaatshariat.com/content/view/179/1/>

Оппозиционная информация сейчас представлена в основном в Интернете, где нет цензуры. Помимо сайтов радикальных организаций открываются литературные сайты, яркий пример - сайт «Поэзия джихада», где пишут молодые авторы на тему войны с «неверными» и «Имарата Кавказа». Создание таких сайтов муджахеды объясняют так: «Причиной возникновения сайта «Поэзия джихада» было то, что русскоязычные поэтические сайты, полностью контролируются преступной и аморальной сионистско-чечкистской шпаной»⁵³.

Основная аудитория этих сайтов – зарубежная диаспора. Не имеющая достоверной информации из дома, испытывающая психологическое давление положения беженца, эта аудитория имеет больший доступ к сети, нежели соотечественники. В этот период Интернет становится новым каналом стереотипизации, мощным фактором формирования этнических стереотипов и этнополитических мифов. По данным правозащитников (на наш взгляд, значительно завышенным), в 2002-2003 гг. количество чеченцев, ищущих прибежища в Европе, увеличилось на 68% и к 2009 г. составляет по неофициальным данным около 300 тыс. человек.

Со стороны официальных властей республики ведется информационная политика, направленная, на укрепление имиджа Р. Кадырова, в частности утверждается всегда дружественные отношения с Россией, установка памятников русским солдатам, частые визиты на различные мероприятия по РФ Р. Кадырова. В этом году был создан цикл передач «Точка опоры» - репортажи из Европы о положении чеченцев-мигрантов. Литература и кинематограф посвящены древним историческим событиям или же вопросам религии и нравственности. Темы чеченских кампаний и войн с Россией избегаются.

Российская литература и кинематограф этого периода не сильно отличаются от таковых третьего периода. Можно отметить только две, неявные тенденции: экотизация «чеченских бандитов», перенос действий из Чечни в российские города, замена темы сепаратизма на криминальную и все большее сближение образа чеченца с нечетким образом «лица кавказской национальности».

⁵³ *Искандер Галиб* «Авангардная поэзия Джихада» <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/06/12/66172.shtml>

Все реже встречается в российской литературе образ благородного дикаря XIX в., заменяющийся на «криминального бандита». В творчестве интеллигенции и оппозиционной власти элиты этот образ заменяется невинно пострадавшим, как и миссия интеллигенции меняется с цивилизирующей на гуманистическую и правозащитную. Сохраняется же старый образ в чеченской культуре, в качестве авто-стереотипа, отражающего разрозненность общества и как зеркальная антитеза образу «подлого дикаря»-федерального солдата, а позднее – «муртада». Таким образом, если создаваемые и транслируемые образы в XIX в. указали на раскол в пределах России между нацией или народом и имперским государством, то в Новое время они служат индикатором изменения в общественном сознании обоих народов и указывают на социальную дестабилизацию внутри чеченского народа.

ГЛАВА 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА)

Формирование этнических стереотипов происходило зеркально, но неравномерно. В первый период постсоветской истории России активизируются этнические меньшинства, а к середине 90-х гг. на фоне стабилизации снижается толерантность этнического большинства. За период 1994-1999 гг. у представителей этнических меньшинств прирост доли лиц с ярко выраженным этническим самосознанием составил 10-15%, тогда как у русских он удвоился¹. По данным ВЦИОМ доля людей, полностью или частично поддерживающих идею «Россия для русских» выросла за четыре года (1998-2002) с 45% до 55% опрошенных². По данным опросов русские проявляют большую озабоченность отношением к себе со стороны других народов, чем представители этнических меньшинств. Неестественность этого явления доказывают многочисленные исследования, проведенные в разных странах мира, и исследования 70-80-х гг. в СССР. Ряд ученых РАН видят в этом ответ на предшествующий рост негативного отношения к русским национальных движений, ассоциирующих этническое большинство с советской политикой. По мнению Э. Паина, этот феномен может быть объяснен как следствие взаимодействия четырех составляющих его механизмов: а) одновременность процессов этнической мобилизации, т.к. небольшие территориально локализованные этносы быстрее реагируют на изменение условий, чем большие, расселенные на обширных пространствах; б) изменение политических стратегий федеральной власти в отношении этнических сообществ России: этнополитика была и остается формируемой непосредственно как ответы на актуальные вызовы; при Ельцине они исходили от национальных движений, поэтому его политика определялась

¹ Данные из статьи Паина Э.А. «Социально-культурные факторы...», он же ссылается на исследования Л.М. Дробизевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» 1993-1996 гг., «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» 1999-2001 гг.

² Общественное мнение - 2002. По материалам исследований 1989-2002 гг. - М.: ВЦИОМ, 2002. - с. 128.

формулой: «Берите суверенитета, сколько сможете», а при Путине — от этнического большинства и ответом стала политика ограничения прав этнической элиты и переход к охранительной политике в отношении этнического большинства, что вызывает консолидацию групп, которые считают себя «обделенными» вниманием власти; в) дрейф политической идеологии, в том числе и представлений об этнической политике: в период президентства Ельцина доминировал комплекс идей, вытекающих из негативной оценки советского прошлого (отсюда идея «покаяния» русского народа перед меньшинствами за грехи имперской политики), но позднее доминирующей стала идеализация советской истории и негативная оценка периода постсоветских реформ, а следовательно, и растущая популярность представлений о комплексе обид русским, нанесенному как «иными народами», так и властью; г) структура и факторы этнических фобий.

Переходя к рассмотрению непосредственно российско-чеченского конфликта, следует оговориться о религиозной составляющей этнических стереотипов в этом конфликте. Данный аспект, несмотря на множество публикаций журналистов и политологов, не получил объективного освещения из-за идеологической ангажированности исламской тематики в России. Определяющим стереотипом стало представление о мусульманском характере как конфликта, так и чеченского этноса. В этом русле можно выделить четыре подхода:

- в соответствии с первым, ислам, рассматривается в качестве одного из основных мотивов конфликта, что служит одним из главных оправданий войны «до победного конца», во имя предупреждения экспансии религиозного экстремизма;

- второй подход заключается в том, что обращение к религии носит конъюнктурно-инструментальный характер;

- в основе третьего подхода — взгляд на ислам как на религиозную систему, отдельную от системы политической;

- сторонники четвертого подхода исходят из того, что исламский фактор способен противостоять процессу глобализации, экспансии Запада, прежде всего США.

Таким образом, очевидно, что миф об исламской угрозе и религиозные стереотипы в ракурсе чеченского конфликта являют-

ся искусственным образованием, основывающимся на политической выгоде и международном положении, но нашедшим отклик среди большинства граждан РФ. Явившаяся прямым следствием использования Москвой военной силы апелляция чеченцев к исламу ужесточила конфликт. Использование ислама в качестве политического инструмента в значительной степени носило реактивный характер, являясь следствием, а не причиной военного противостояния, о чем говорил в свое время и Дж. Дудаев: «Россия... вынудила нас стать на путь ислама»³.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что в рамках поставленной темы исследования содержательная сторона религиозных стереотипов может быть включена в русло этностереотипов. «Религия» в свете реального самосознания чеченцев, их истории и атеистического советского прошлого, выступает частью традиционной этнической культуры, не определяя и не задавая новых стереотипов, а выступая частью российского политического дискурса, как дискурса российской политической элиты в международных отношениях. Теоретически религиозные стереотипы как социокультурный феномен требуют отдельного всестороннего рассмотрения, но не в рамках данной работы, посвященной конфликту со спецификой, описанной выше.

Две военные кампании поставили чеченцев в центр общественного внимания. В ходе же последней возник образ нового «врага» - чеченца. В рассматриваемой нами мифологии особо «злобный» характер чеченцев объясняется их происхождением. Опираясь на архаическую мифологию, образ врага в лице чеченца (шире - кавказца) визуализируется. Особенно ярко это отражается в кинематографе. Так один из чеченских персонажей фильма А. Балабанова «Война» говорит: «Я потомок мюрида... Он сто пятьдесят лет ваших резал... Это моя земля, и я буду чистить ее от собак неверных, пока до Волгограда ни одного русского не останется...». Создатели масс-культурной продукции чутко реагируют на характер и смену общественных настроений и - в попытках преодолеть социальное безъязыкие - идут по пути стереотипизации, что содействует быстрому разрастанию пространства вербальных и визуальных текстов, объединяемых

³ Terms of War and Peace // Time. 1996. March.

общим словом Война, основанных на образе «инога», «образе врага».

В зависимости от выбора слов, обозначающих Врага, в дискурсах массовой культуры даются разные ответы на вопрос о том, против кого ведется война в Чечне. С самого ее начала процесс наименования Врага складывался противоречиво. В середине 90-х годов, по мере разрастания военных действий в Чечне, в официальных текстах, произведениях популярной литературы, в теле- и кинопродуктах стали формироваться характеристики Врага как чеченского бандита, сепаратиста (мятежника), мафиози, боевика. Поиск языка объяснения событий, происходивших в Чечне, породил многообразные дискурсивные практики. Часто они выстраивались с помощью «приведения к известному» и «присвоения» Другого, посредством использования готовых формул, клише и образов, привычных фигур речи. Один из наиболее известных опытов такого рода - конфронтационное построение «романтического» дискурса о чеченцах и их врагах в произведении В. Новодворской «Над пропастью во лжи». К концу 90-х годов в российском обществе (включая Чечню) стереотипы «общего советского прошлого», как и романтико-патерналистские штампы, уступили место другим установкам сознания, которые создавались официальными дискурсами при участии производителей масс-культурных продуктов и учитывали ожидания потребителей информации.

В период второй чеченской войны для определения Врага в текстах массовой культуры все шире стали использоваться формулы террориста и наемника (международного, исламского, чеченского). В популярной «военной» литературе (Д. Черкасов, А. Таманцев, В. Доценко, А. Ольбик и мн. др.) изменились сюжетные линии, и ход повествования приобрел более драматические очертания. В последние годы в дискурсах массовой культуры заметно выросло значение формулы «пособники Врага». Внутренние враги: думские политики, журналисты, правозащитники, солдатские матери, продажные офицеры и генералы, первый российский президент. Внешние пособники: это исламисты, грузины, спецслужбы Запада и пр. Именно их действия, вместе взятые, по убеждению положительных героев, мешают успеш-

ному развитию и завершению борьбы с боевиками и террористами. Мифологический «герой» тем значительнее и сильнее, чем сильнее и значительнее его враг, поэтому неслучайно безусловное признание того, что «чеченцы — сильный народ, но в целом — это деструктивная сила». Отсюда мысль: против такого Врага (профессионально подготовленного, коварного, жестокого, готового на все) позволены все средства. Конструирование в масскультурных продуктах образов слитного «своего» и «чужого» соединяется нередко с идеей оправдания войны, возможности обоюдного насилия, убийств, жертв, смерти.

Процессы стереотипизирования и мифологизации всегда «зеркальны». Протекание таковых в чеченском обществе имело свои особенности.

Независимые издания в республике появились в 1988-1989 гг. В послевоенный период внутричеченская оппозиция сепаратизму фактически исчезла в результате варварских методов ведения военных действий федеральными войсками и их поражения. Анклавы, выступавшие за независимость Чечни, и основные положения их программ были идентичны, а борьба в СМИ выливалась в критику личных качеств противников. Чечня находилась в информационной изоляции. Не была налажена регулярная доставка газет и журналов из других регионов, не во всех населенных пунктах получали телерадиосигнал, не везде было электричество. Система периодики состояла из официальных органов, независимой прессы и партийных (в том числе религиозных и общественно-политических) изданий.

В 90е гг. в Чечне утвердилась идеология экстремизма: «антирусизм», радикальный исламизм, антисемитизм и расизм. Внешне и даже официально главный смысл идеологической жизни послевоенной Чечни состоял в утверждении «национальной идеи» нового независимого государства. Чеченская интеллигенция оказалась отвергнутой новыми лидерами политической жизни как «слишком советская». Началось активное мифотворчество. Рассматриваемый период включает создание и распространение мифологических представлений о чеченском прошлом, компенсирующих унижение, испытанное национальным самосознанием в результате депортации. Чеченское сознание на рубеже 80-90-х

гг. перестало разделять историю и художественный вымысел. В дискурсе на первый план вышла тема о чеченцах не только как о древнем народе, но и как о богоизбранном «великом народе» (А. Масхадов), который стоит по статусу выше других народов Кавказа. У него великое прошлое, которое «внешние (имперские, сионистские и прочие) силы пытаются скрыть, замолчать»⁴. В 1996-1999 гг. обновлению подверглась гипотеза о происхождении чеченцев. В статье, посвященной полемике с исламистами, можно прочесть: «Нам, чеченцам, носителям традиционных черт горцев Кавказа, потомков древних яфетических племен хурритов, грозит опасность превращения в составную часть некой безликой исламской уммы с характером и внешним видом семитского племени»⁵. Популярность у сепаратистски настроенной правящей чеченской элиты получают теории нацистских антропологов, искавших на Кавказе родину арийской расы. Чечня была объявлена древнейшим государством, история которого насчитывает несколько тысячелетий. Бывший госсекретарь ЧР, А. Акбулатов утверждал, что «свою государственность чеченцы сохраняли в период правления скифов, сарматов и алан»⁶.

Интересна тема «врага народа» в чеченском дискурсе. «Официальный вечный и постоянный враг чеченского народа» был назван - Россия⁷. С этим врагом не может быть мира никогда. Характерно, что если российские СМИ говорят о «Хасавьюртовских соглашениях», то чеченские СМИ чаще всего употребляют выражение «Хасавьюртовское перемирие». С одной стороны, некоторые авторы развивают тезис о неизбежном крахе России (об этом твердили практически все политические деятели Чечни). По словам Х.-А. Нухаева, «Будущего у России нет... Это противоестественное образование, никому не нужное и, в первую очередь, самим русским»⁸. С другой стороны, некоторые чеченские

⁴ Вахаев Л. Политические фантазии в современной Чеченской республике. // Чечня и Россия: общества и государства. - М.: Полиформ-Талбури, 1999.

⁵ Сусуев М. Мы-народ без права выбора? // Голос Чеченской республики. 1999. № 5.

⁶ Акбулатов А. Зачем чеченцам суверенность. // Ичкерия. 1999. № 10 (536). - с. 1.

⁷ Вашаев М. А кто постоянно угрожает Ичкерии? // Ичкерия. 1999. № 2 (528). - с. 4.

⁸ Николаев В. Незаконное смещение Масхадова бессмысленно (интервью с Х.-А. Нухаевым). // Грозненский рабочий. 1999. № 15. - с. 3.

авторы с энтузиазмом приняли участие в «конкурсе о новой национальной идее России». Главной сенсацией новой чеченской антропологии стало открытие, которое выразилось в названии статьи научного сотрудника АН ЧРИ А.Д. Мачигова: «Чеченцы - основатели Руси»⁹.

По мере роста влияния радикальных исламских движений образ враждебной России все больше сливается с образом враждебного Запада. «Россия, чувствуя, что мы уходим, делает нам последнее зло: она нас продает Штатам, как и себя тоже»¹⁰. Но Запад постепенно вытесняет ослабевающую и распадающуюся Россию с места врага «№1». Уже для М. Удугова Россия только пешка в западной антиисламской игре. Особой темой в чеченских дебатах оставалась проблема родного языка. Как известно, языковая ассимиляция чеченцев в пользу русского языка была и остается очень сильной. Все тексты чеченской революции, включая декларацию о суверенитете и конституцию, были сначала написаны на русском. Но русский язык стал восприниматься как последнее наследие империи, с которым нужно было покончить. По крайней мере, вернуть чеченскому языку достойный статус. Однако это желание обрело уродливые формы в обществе, где уже и не осталось профессиональных лингвистов.

Мотивы чеченского величия и исламского мессианизма сосуществовали в Чечне с экспансионистской идеей освобождения Кавказа от имперского господства России и создания единого «Кавказского дома» или «Кавказской конфедерации». Основными идеологами таких проектов выступали З. Яндарбиев, М. Удугов, Хож-Ахмет Нухаев и довольно большое число появившихся в Чечне писателей, публицистов, историков.

С начала войны в Чечне шел интенсивный процесс создания разных планов, моделей государственного устройства. Одна из них связана с чеченской тейповой системой, которой стали придавать исключительное идеологическое значение. Утверждается, что тейпы - основа нации, то, что делает чеченцев чеченцами. Своё представление об историческом предназначении Чечни и ее судьбе Х-А. Нухаев выразил фразой: «Будущее Чечни - это ее далекое прошлое».

⁹ «Путь Джохара» № 11, 17-23 августа 1997 г.

¹⁰ *Кодзоев И.* По поводу одной публикации. // Ичкерия. 1999. № 2(528). - с.2.

Проект «прогрессивных» фашистов. Л. Вахаев связывает взгляды Нухаева с теми, кто стал называть себя в Чечне «прогрессивными фашистами», и чью программную декларацию «Об основах организации государственной власти в Чеченской Республике Ичкерия» полностью опубликовала газета «Грозненский рабочий»¹¹. Одним из основных идеологов чеченского фашизма можно назвать Х. Бакаева (Дени Баксана), который в своей книге изложил его постулаты, основанные на учении о крови, радикальном исламизме, русофобии и антисемитизме. Нухаев с Якимчиком не столь одиозны, но суть их взглядов остается примерно такой же.

После тем о войне и России ислам и исламская идея в их политическом варианте стали ведущими в чеченских СМИ, в том числе в связи с так называемой «русской национальной идеей». Если в ходе войны религия играла, скорее, мобилизующую роль и роль фактора дистанцирования от России, то после первой войны для радикальных исламских группировок религия была выбрана в качестве основы политического переустройства Ичкерии. Основным стал тезис, что чеченская демократия возможна только как конституционная теократия, которая придет на смену западному и российскому «оскверненному» и «агрессивному конституционализму»¹². На основе исламской идеи в этот период формировались и политические проекты. Коран, государство и нация стали основными моментами религиозно-политических дебатов. Послевоенный чеченский национализм дополнительно обрел идеи религиозного экстремизма и всеобщей исключительности.

Не обошли стороной часть чеченского общества антисемитизм и теории заговора. Постсоветский антисемитизм появился в Чечне в связи с новой проарабской ориентацией, включающей в себя обязательным компонентом антиизраильскую позицию. Он проявился как в форме разоблачения всемирного сионистского заговора, так и в форме распространения примитивных антиеврейских поделок, заимствованных во многом из арсенала русско-

¹¹ Проект программной декларации «Об основах организации государственной власти в Чеченской Республике Ичкерия» // Грозненский рабочий. 1999. № 4. - с. 3.

¹² Там же. Раздел 4. Об основах реформы политической системы.

го национализма. Антисемитские высказывания заполнили все чеченские газеты и даже обыденные разговоры: «Чтобы иметь иудейский метод мышления, необязательно являться евреем по крови или становиться таковым, сроднившись с «дочерью Сиона». Достаточно быть лицемером, трусом и скрягой»¹³.

В отличие от национальных меньшинств, во время развития чеченского кризиса в российском обществе не было консолидирующей национальной идеи. Однако начало военных действий требовало их легитимизации, а также требовались механизмы, обеспечившие бы поддержку центральной власти. Мифологемы чеченского общества были описаны выше. В российском обществе так же происходил процесс мифологизации и стереотипизации. Однако, в отличие от чеченских мифологем, «российские» были реальными фактами, но поданные в качестве «мини-идеологии» и по форме своей подачи, по форме дискурсивных практик, могут классифицироваться как мифологичные.

Чеченский конфликт в контексте архаического мифа может быть рассмотрен как боевой ритуал «демонстрации силы». Это одна из целей любой войны. Воспроизведение мифических ритуалов по-прежнему остается важнейшим приемом политической борьбы, а дискурс чеченских кампаний глубоко мифологичен. К примеру, выступления Путина В.В. в жанровом плане являются фантастической дистопией. Это видно на языковом, «метафорическом» уровне текстов: есть «враги» - это «бандиты»; они «идут» против «нас», «они» несут нам «опасность»; нужна «сила», чтобы остановить этих «врагов»; «враги» эти всеобщие, всенародные, всемирные¹⁴. Подобные тексты является элементом ритуала «демонстрации силы» самой властью. Важно, что пограничная территория, воспринимаемая метафорически как «периферия», — традиционное место для демонстрации военной силы «центром». Но побеждает, как правило, тот, кто действует на «своей» территории.

Мифологически проблема «победы» неразрешима: и российские генералы, и чеченские, полагают, что они действуют на «своей» территории. По причине несовместимости метафориче-

¹³ Махмудов Р. Очередная Иудея. // Великий Джихад. Декабрь 1998. - с. 15.

¹⁴ Путин В. В. «Вести», 9.02.2000; Интервью, показанное 6-7 февраля 2000 г. по ОРТ.

сих посылок какие-либо переговоры становятся принципиально невозможными. Никто не признает себя побежденным, поскольку все стороны считают, что отступать им «некуда». Одновременно война — это ритуал мести. Никто и не скрывает, что главная цель этой войны — отомстить, преподнести урок: «террористы получили показательный урок...» (интервью В. В. Путина на ОРТ). В ритуальное действие был вовлечен «противник» с мифологической репутацией могущественного, непобедимого и страшного злодея. Еще до первой чеченской войны «чеченец» в русской культуре воспринимался как квинтэссенция негативных, «разбойничьих», фольклорных образов, что-то среднее между «зверем» и «нечистью». Русские словари начала 90-х гг. уже фиксируют значение слова «чеченец» — «вооруженный грабитель» (Балдаев), «особо опасный преступник» (Мильтяненков) и т.д. Т.к. все социальные роли, имеющиеся в реальности, в мифологическом сознании сводятся к одной-единственной, в рамках мифа о «враге» все чеченцы отождествляются в едином образе «бандита». Конфликт воспринимается не как война с чеченским народом, а как операция по уничтожению инварианта чеченского террориста во всех его частных проявлениях. Причем этот миф не столько рассказывается, сколько разыгрывается в рамках ритуального кровавого действия. Общераспространенно представление о взаимосвязи армия-мужчина, в свете которого российские вооруженные силы — это гигантский «храм» проведения ритуала инициации в массовом порядке. Параллельно политической пропагандой рисуется портрет главы РФ с явными чертами «культурного героя», демиурга, спасителя.

После первой чеченской войны стало очевидно роль информационно-пропагандистского ресурса. Задачей борьбы с чеченским сепаратизмом российские стратеги выдвинули устранение общественной апатии к проблеме удержания Чечни в составе России и обеспечение поддержки радикальных (в том числе и силовых) действий против чеченских сепаратистов¹⁵. Была реализована новая информационная политика, примером

¹⁵ Куликов А. сделал это заявление в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» 5 января 2000 г. / по Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // сайт Berkeley University of California <http://www.berkeley.edu/>

которой может служить последовательная и незаметная смена деклараций о целях военных действий. В августе это было отражение чеченской агрессии в Дагестане, что, естественно, было поддержано всем российским обществом. В октябре целью уже стало создание «санитарного кордона» между Россией и Чечней по Тереку, что также поддержало подавляющее большинство россиян. В ноябре прозвучал лозунг «полного уничтожения террористов». И лишь 1 января 2000 г. во время новогоднего визита в Чечню В. Путин заявил, что война в Чечне идет за целостность России. Таким образом, провозглашалась та же цель, что и в первую кампанию, та цель, которую еще в июле 1999 г. не поддерживали свыше 80% опрошенных, но в ходе войны приняли. В основу политических мифологем были положены реальные обстоятельства и уже имеющиеся у населения стереотипы. Мифологемами можно назвать репрезентируемые идеи и образы не в силу их «выдуманности», но в силу формы репрезентации. Поэтому ниже мы опишем не содержание самих мифологем, а то, как их репрезентация воздействует на массовое сознание:

- «На нас напали»¹⁶. Нынешняя операция российских войск в Чечне - ответ на вторжения в Дагестан и организованные чеченцами взрывы в Москве. Настоящий переворот в общественном сознании россиян произошел после вторжения отряда Ш. Басаева в Дагестан в августе 1999 г. и серии взрывов жилых домов в Москве и в других городах России в сентябре 1999 г. Российские военные репрезентировались как силы Добра, порядка Космоса, потому, что чеченцы несут с собой Хаос, теракты же в мифологическом аспекте говорят о том, что силы Зла перешли в открытое наступление.

- «Мы лучше воюем», армия лучше подготовлена, у нее меньше потерь и больше надежд на победу.

- «Чеченцы хотят, чтобы их освободили», уставшие от неустойчивости жизни в фактически независимой Чеченской Републике
¹⁶ См. подробнее: Паин Э. Вторая чеченская война и ее последствия. // Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н. Петрова. - М.: Гендальф, 2001. Однако, Э. Паин рассматривает эти мифологеми именно как мифы, не имеющие ничего общего с действительностью, мы же в исследовании считаем их реальными по содержанию, но мифологичными по способу репрезентации и воздействия на сознание аудитории.

спублике. «Цивилизационная» окраска государства изменена на «мессианскую», очевидна аналогия с мифическими персонажами, «одержимыми злыми силами», спасти которые призван мифический «герой» (государство/Президент).

- «Чечня - исконная часть России». Самым главным признаком мифологичности репрезентации данной конструкции является определение «исконная», которое отсылает ко «временам оним», т.е. мифологическим временам. Тем самым боевые действия российских войск в Чечне приобретают сакральный характер: они повторяют то, что было уже «испокон веку» установлено. «В ходе кавказских войн большая часть разбойников была уничтожена, образ жизни местного населения был изменен к лучшему, отошли в прошлое наиболее дикие пережитки «самобытного уклада» горцев... темного периода доисторического, полуживотного, дородового уклада»¹⁷, но сейчас чеченцы продемонстрировали «полную неспособность к осознанной государственности; власть неконтролируемых банд; распад хозяйства»¹⁸. А поскольку средневековая преступность не обуздывается обычными цивилизованными методами, то нужно вернуться к тому, что было сделано некогда при первоначальном «освоении» чеченской территории. Одновременно подобная конструкция сможет оправдать все возможные потери.

- «Во время второй мировой войны чеченцы в массовом порядке сотрудничали с фашистами, за что и были депортированы». Эта мифологема, как и остальные имеет под собой реальные основания, однако ее репрезентация апеллирует к исторической памяти и сакральному восприятию Великой отечественной войны. Чечня представляется как пограничная и в административном, и в мифологическом смыслах. Безупречно выбран «потусторонний» партнер чеченцев — фашисты, образ которых в массовом сознании однозначен: «нелюди». Это настоящий мифологический враг, на которого не распространяются человеческие нормы. Поэтому, когда говорят о массовой, нечеловеческой жестокости чеченцев, на ум приходит лозунг времен Великой отечественной войны - «давить зверя в его собственном логове».

¹⁷ Мысли некоторых чеченцев // Русский вестник. 1999. № 10—11.

¹⁸ *Кориковский С.П.* Они должны заплатить полную цену (Письмо разгневанного читателя) // Новое время. 2000. 4 июня.

Здесь надо вспомнить о циклическом представлении о времени, свойственном мифологическому сознанию: то, что было некогда, обязательно должно повториться, как повторилось во время второй мировой войны, когда «мятежники, как встарь, принялись громить тылы воевавших фронтов, убивая мирное славянское население и военнослужащих»¹⁹. Мифологический образ врага-оборотня, который может на время затаиться, но от этого не перестанет быть экзистенциальным врагом, чрезвычайно удобен, поскольку позволяет убедить население не верить тем СМИ, которые пытаются нарисовать другой образ чеченца, поскольку это есть не что иное, как попытка «врага-оборотня» надеть человеческое обличье.

- «Чеченцы - бандитская нация; склонность к разбою, захват заложников» - их этническая особенность, а это нельзя исправить никакими средствами: то, что имеет корни в происхождении, недоступно для воздействия современного общества, поскольку оно существует в ином — профанном — времени. Чеченский народ не может не повторять того, что совершалось издревле. «Это особый народ... Еще Ермолов говорил государю Николаю I, что чеченцев победить нельзя... Одолеть их можно, только уничтожив всех поголовно»²⁰.

- «Если мы отдадим Чечню, то Россия распадется». Это своеобразная эсхатология. Если не повторить то, что было некогда сделано предками (т.е. вернуть Чечню под власть России, что есть некий сакральный ритуал с мифологической точки зрения), то царство Хаоса неизбежно.

Следует отметить, что основания этих мифологем были реальными, а их популярность была обусловлена тем, что они в форме неагрегированных представлений и бытовых стереотипов уже были массово распространены среди населения и основывались не только на стереотипных представлениях, но и на реальном положении вещей. Репрезентация же, придавая фактам форму мифологем и гипербол, сделала их весьма эффективными инструментами управления аудиторией и противостояния идеологии сепаратистов, в то время как сухая

¹⁹ Мысли некоторых чеченцев // Русский вестник. 1999. № 10-11.

²⁰ Васильев Б. Убить в себе человека с ружьем // Общая газ. 2000. 4—17 мая. № 18-19.

подача материала и фактов такого бы эффекта не имела.

Во время второй чеченской кампании российским властям удалось не допустить чеченских сепаратистов к российским СМИ, что предопределило победу федеральных сил в информационной войне. Деффирицированный подход в российской информационной политике к «международным террористам и сепаратистам», с одной стороны, и к чеченцам, с другой стороны, позволил сосредоточить коммуникативные атаки на первых, создавая из них образ «главного врага» России и международного сообщества (особенно после 11 сентября 2001 г.). Постепенное ослабление поиска «чеченского следа» в актах насилия на Северном Кавказе и в России создали предпосылки для медленной и противоречивой, но все таки трансформации представлений о чеченцах, без которой невозможен был бы переход к «чеченизации конфликта», который возглавил А.Х. Кадыров.

Вербальная и визуальная репрезентация чеченских кампаний также имела свои особенности. В ходе первой кампании телевидение, радио и печать, принесли зверства войны в большинство российских домов, и расхождение между официальными сообщениями и другими репрезентациями войны стало очевидным. Зрелище насилия выдвинуло тогда на первый план как кризис постсоветского государства, так и живучесть конструкций идентичности, претендующих на более объективную историчность, даже если эти истории были недавно заново сформулированы. Визуальная иконография исторического события соперничала с дискурсивным повествованием и часто затмевала его. Медиа СМИ стали новой ареной дискурса. «Место, сохраненное для поэта-провидца России девятнадцатого столетия, было занято корреспондентом-пророком в конце двадцатого. В разлагающихся телах молодых российских солдат, как и в испуганных лицах российских заложников в Буденновске, показанных по телевидению, Павший и Пленник ожили снова»²¹.

Чеченский конфликт стал мощным стимулом в формировании и артикулировании образцов общественного мнения и ответа, которые были оппозиционны правительству. Трехсторонний

²¹ Ram H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict // сайт Berkeley University of California <http://www.berkeley.edu/>

конфликт - между чеченцами, русскими, и постсоветским государством - был отражен в широко освещенном по телевидению захвате заложников в июне 1995 в Буденновске. Как отмечают К. Галл и Т. де Вааль: «Это было безусловное бедствие связей с общественностью для правительства... российские силы выглядели бесчеловечными.»²² Буденновск можно рассматривать как обновленную постановку Кавказского Пленника. Басаев воплотился в Дикаря, а Пленник стал коллективным образом. Вторая же война начиналась с организованной государственными структурами информационной кампании. По замыслу она была направлена против боевиков и террористов в Чечне, но перенеслась в массовом сознании на всех чеченцев. Информационная война вместо патриотического подъема спровоцировала небывалый рост ксенофобии по отношению к чеченцам. Не менее важны перемены в позиции прессы. Если в ходе начале ельцинского режима защита прав этнических меньшинств считалась одним из символов демократической печати, то позднее ситуация изменилась. Именно бывшая демократическая, а ныне массовая коммерческая пресса, наиболее эффективно распространяет мифологемы об угрозах связанных с этническими меньшинствами: об угрозе демографической катастрофы из-за изменения соотношения русских и не русских; об угрозе благосостоянию, в виду увеличения роли в экономике этнических меньшинств; об угрозе русской национальной культуре; об угрозе криминализации России и роста терроризма. О. Карпенко выделяет технологии навязывания, т.н. «охранительной» модели взаимоотношений между «хозяевами» страны и ее «гостями»: «хозяева» обладают правом порицать и наказывать «гостей» за уклонение от соблюдения обычаев, установленных «нами» в «нашем доме», на «своей» территории. Привилегированное право на наказание имеют силовые структуры, и сама сила признается самым действенным методом воздействия на «гостей». Такое понимание отношений «гость» и «хозяин» отражает психологические комплексы, связанные с болезненностью привыкания этнического большинства к своему новому пространственному Телу, как бы сжавшемуся,

²² Gall C., de Waal T. Chechnya: Calamity in the Caucasus. - New York: University Press, 1998. - p. 270.

после распада Союза. Этноцентристское деление на «хозяев» и «гостей» выступает так же в качестве этической основы в обосновании формулы «Россия для русских».

В то же время необходимо иметь ввиду, что часто публицисты и социологи злоупотребляют этим слоганом как маркером русского шовинизма. Семантически он указывает лишь на то, что властям нельзя забывать, что Россия существует и для русских, а не только для меньшинств, что стоит во главе угла неолиберальной идеологии. «Россия для русских» и «Россия только для русских» - разные формулы и смыслы. Если бы социологи именно так формулировали бы свои вопросы: «согласны ли Вы, что «Россия только для русских», то маргинальность и ничтожный процент шовинистов и ксенофобов был бы очевиден.

В русле исследования процессов стереотипизации постсоветский период ознаменовался формированием нового мощного канала стереотипизации – Интернета. Этот канал уникален тем, что содержит в себе иные каналы (литература, СМИ, фильмы и т.д.). Интернет предстает новым видом этносоциальной реальности. На основе анализа содержания чеченского сектора Интернета, мы можем наблюдать как происходит формирование нового информационно-политического пространства, имеющего этническую специфику. Мы считаем, что сегодня можно говорить об этнических и социальных секторах Интернета, понимая под ними некоторое виртуальное пространство, занятое определенной социально направленной или этнокультурной информацией, присущей той или иной группе. Чеченская общность в этом плане вышла в «гиперреальное состояние». Это гиперреальное состояние стало одной из составляющих самой этничности. Нельзя недооценивать интернет-пространство. Посещаемость большого портала в чеченском секторе Интернета может колебаться от 300 до 8 тысяч человек в сутки. «Электронное сопротивление» может изменить природу оппозиции, расширить и разнообразить ее контакты. Чеченские кампании и массовая миграция чеченцев за границу способствовали бурному развитию чеченского сектора Интернета. Если в России, а тем более в ЧР, аудитория этого пространства мала, то западная чеченская диаспора имеет свободный доступ к этому каналу и активно им пользуется.

Практически большинство посетителей чеченских сайтов – эмигранты. Имеющаяся на сайтах информация, обсуждения в чатах, на форумах, блогах крайне политизированы, националистичны. Это пространство мифотворчества и экстремизма. Мы уже писали ранее, что чеченская литература, касающаяся военных действий в Чечне, находится именно в этом секторе, и приводили примеры контента. Сегодня представлены сайты прокадыровской направленности, поддерживающие республиканскую и федеральную властные элиты, тогда как практически все сайты по чеченской проблематике вплоть до начала 2000-х гг. имели антироссийскую направленность²³.

Исходя из этого, Интернету отводится роль канала стереотипизации и транслятора определенных идей и ценностей, получив и восприняв которые, определенный круг людей через более традиционные каналы выбрасывает их в общественное сознание. Примером информационной конфронтации могут стать сайты, располагающиеся в одном конфликтогенном поле. Их можно разделить на несколько групп:

- представляющие официальную точку зрения на события - chechnya.gov.ru, www.grozny-inform.ru, www.chechnyafree.ru и др.;

- антироссийские (с исламской риторикой) - www.chechenpress.com, www.amina.com, www.chechen.org и др.;

- российские, посвященные отчасти или полностью проблематике чеченского конфликта, настроенные нейтрально либо сочувствующе - нейтральные www.iea.ras.ru (ERWAN), www.memo.ru, www.carnegie.ru и др.;

- радикальные исламские сайты, посвященные теме джихада в Чечне и на Кавказе - hunafa.com, guraba.net и др.;

- националистические сайты, типа сайта РНЕ www.center-rne.org.

Стереотипизация и мифотворчество обычно ведется в таких направлениях: оценка складывающейся военно-политической ситуации в Чечне и на Кавказе в целом (попытка создать иллюзию многочисленной поддержки деятельности антироссийских формирований в мире); обвинение федеральной и региональных

²³ www.latta.vov.ru, www.ichkeria.org, www.chechenci.narod.ru и др.

властей в ухудшении ситуации в республиках; обращение к религиозным чувствам посетителей сайта; анализ событий разворачивающихся на мировой арене, практически любое событие имеющее международный резонанс подвергается тщательному анализу; обсуждение произвола российской власти и спецслужб; выкладывание националистических и религиозны аудио-, видео-материалов и литературы; ведется пропаганда межнациональной розни; и т.д.

Успехи в воздействии на российскую аудиторию информации данного типа сайтов были и остаются достаточно низкими, а вот воздействие на западные СМИ и общественное мнение было и остается вполне успешным.

Иную оценку реальности дают официальные сайты: отстаивание необходимости силовых мер против сепаратистов; постановка геополитических проблем; акцентирование внимания на поддержке республик Кавказа федеральным Центром; местные новости сквозь призму официальной политики Кремля; борьба с религиозным экстремизмом и т.п.

Ведущим сайтом радикально настроенной чеченской молодежи выступает «Кавказ-центр» www.kavkazcenter.com. Содержание этого сайта, как и ему подобных, можно свести к следующему: «Амир» Северного Кавказа Д. Умаров и муджахеды спасают истинно верующих от «уголовно-террористических» формирований Российской армии и борются за создание Имарат Кавказа. Показательно, что информация, содержащаяся на этих сайтах, часто является фальшивой, искажаются факты, дается ложная информация. К 2009 г. это немало дискредитировало такие ресурсы и сегодня большей популярностью пользуются националистические сайты, вроде www.chechenpress.com.

Говоря об Интернете как объекте социологического исследования, мы рассматриваем информационную среду как существующую объективную реальность, которая имеет свои закономерности развития и формы существования. Базовым основанием для изучения сущности и специфики данного явления выступает понятие «социальная информация». Она связана с процессами социума, его взаимодействия с обществом в результате использования информационных технологий. Изучение социальных

аспектов информационной среды показывают, как изменяется социальная структура общества под влиянием информатизации, какие возникают проблемы во взаимодействии людей, создающих новые формы и способы общения. Если походить к социальной информации как общетеоретическому и методологическому уровню, то мы получим социальных срез многих общественных отношений.

Но наибольшую роль в формировании этнических стереотипов играли не электронные СМИ. СМИ унаследовали пророческую функцию, прежде предоставленную в России интеллигенции. Но если в российском романтизме отношения между эстетическим и политическим осуществлялись через лирического героя, то с появлением независимых СМИ появились и гораздо более сложные смысловые потоки. Наравне с кинематографом, СМИ выступают проводником и источником стереотипизации, воспроизводят мифы. Особенно велика роль СМИ по отношению к сравнительно новым для данной территории группам, к которым местные жители еще не привыкли и сами новоселы еще не адаптировались к новой среде, в чем не малую роль играет культурная дистанция.

Массовое сознание избирательно относится к информации. Так позиция правительства и первых лиц государства и слышится дальше и оценивается весомее. И все же возможности конструирования этнических стереотипов СМИ ограничены рядом факторов: величиной, масштабностью и уровнем сплоченности общности — малые, локализованные общности легче поддаются манипуляции; уровнем развития социальных институтов и среды обитания. Чем менее архаична социальная организация самой группы и меньше традиционных черт сохраняет среда их обитания, тем менее она поддается внешнему конструированию и более склонна к саморазвитию; временными границами и стадией развития инерционных процессов.

Постсоветский процесс стереотипизации имеет глубокую социокультурную и этническую основу. Опыт стереотипизации «советского врага народа» и «образа врага» в лице еврея наложился не столько на чеченцев, сколько на всех кавказцев. Дан-

ные исследований последних лет²⁴ говорят о том, что неприязнь к ним растет, причем негативные стереотипы усугубляются не всегда адекватной реакцией органов управления и правоохранительных органов, а также под воздействием медиа-образов. С начала 1995 г. кавказофобия усилилась и в связи с чеченским конфликтом: если раньше, по данным опроса 1994 г., в ряду объектов этнической неприязни чеченцы вообще не фигурировали, то уже осенью 1995 г. они заняли первое место. «Для большинства русских людей чеченец ни больше, ни меньше, как разбойник, а Чечня — притон разбойных шаек»²⁵. Это было сказано в конце XIX в. и уже тогда подобные взгляды определялись автором как невежество, но еще десять лет назад это замечание выглядело как цитата из современного социологического обзора.

По данным ВЦИОМ почти 3/4 (67,2%) россияне были убеждены, что чеченцы понимают только «язык силы», и попытки говорить с ними «на равных» воспринимают лишь как слабость другой стороны²⁶. Подавляющее большинство (68%) были уверены, что следующее поколение чеченцев будет еще более враждебным по отношению к России, чем нынешнее и еще больше граждан (78%) испытывали страх перед возможностью стать жертвой террористических актов со стороны чеченских боевиков. Подобные страхи стали поводом для демонизации чеченцев, которым приписывают почти биологическую ненависть к русским («...это у них в крови, в генах», «они всегда ненавидели русских» и др.) и почти исключительно негативные черты: жестокость, агрессивность, наглость, вседозволенность, грубость и высокомерие. Наибольшее число названных респондентами качеств отражают черты не характера, а социального поведения «чужака» с Кавказа:

- это спекулянт и торгаш, который стремится «нажиться за наш счет», его отличают «рвачество», «стяжательство», «корыстолюбие», «расчетливость», «уверенность в том, что все покупается»;

- это уголовник, склонный к «терроризму», «бандитизму»,

²⁴ См. данные фонда «Общественное мнение»: <http://www.fom.ru/>

²⁵ *Росикова А.Е.* Путешествие по центральной части горной Чечни. // Записки Кавказского отдела И.Р.Г.О. кн. 8. - Тифлис, 1896.

²⁶ Опрос ВЦИОМ Экспресс-7 (26.07-29.07.2002 г.) <http://www.wciom.ru>.

«насилию», «надругательству над женщинами», «воровству»;

- это человек, неуважительно относящийся к «нам» - к русским (он «богатеет за наш счет», «он - хозяин, а ты - раб», «презирает людей другой крови» и т. п.).

Судя по чертам этого коллективного портрета, носитель негативного стереотипа чувствует себя беззащитной жертвой перед «чужаком», поведение которого интерпретируется как нарушение общепринятых социальных норм как маргинальность. Именно в этом отличие этнофобии и в частности кавказофобии от агрессивного национализма, который всегда носит жесткий, наступательный, а не оборонительный характер. Кавказофобия - это установка именно жертвы, но никак не агрессора. Судя по данным различных этносоциальных исследований, интенсивность этнических предубеждений, в том числе и кавказофобии, обусловлена следующими характеристиками контактирующих этнических групп и отдельных их представителей²⁷:

Соотношением долей различных этнических общностей в общем составе населения того или иного региона (процент русского населения обратно пропорционален уровню ксенофобии).

- Типом поселения. В крупных индустриальных центрах, и, прежде всего в обеих столицах, где этноконтактная среда насыщеннее, проявление различного рода этнофобий вероятнее, чем на периферии.

- Социальным положением. Наиболее нетерпимы в межэтнических отношениях лица с низким уровнем доходов, и в частности безработные.

- Уровнем образования. В группах с более высоким образовательным цензом этнические предубеждения слабее, чем в группах с низким уровнем образования.

- Возрастом. Наиболее значимым фактором, обуславливающим распространенность этнической неприязни, оказался возраст. В числе приверженцев лозунга «Россия - для русских» 60,6% составили люди 18-30 лет. Индексы толерантности (отношение позитивных этнических установок к негативным) у респондентов до 24 лет в 2,6-3 раза ниже, чем у людей старше 40 лет.

²⁷ Сикевич З.В. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян. // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Витковской Г., Малашенко А. - М., 1999. - с. 99-112.

В то же время следует иметь в виду, что понятие «ксенофобия» крайне аморфно, включает в себя столь широкий спектр явлений разного уровня от бытовой неприязни до прямых насильственных действий, что делает неэффективным недифференцированное его использование.

На содержание и интенсивность стереотипов влияют следующие факторы:

а) возросшая поляризация социальной структуры, что порождает рост страхов у населения, одним из проявлений которых является ксенофобия (среди рабочих, служащих, пенсионеров показатели ксенофобии 65%²⁸; в «лидирующей» группе - учащаяся молодежь);

б) ксенофобия сама становится системным фактором. По мере ее роста этнические различия воспринимаются острее, чем социальные и политические, происходит корректировка выбора ответственных за «наши» беды. Если в революционный период социальные проблемы политизировались, то есть вину за них возлагали на власти или на стоящих за ними олигархов, то сейчас проблемы все чаще этнизируются и ответственность, переносится на «чужие» этнические общности;

в) чеченская кампания посредством СМИ, беженцев, мигрантов, терактов и военный (за две кампании через Чечню прошло около 1,5 млн. человек из разных районов России — военнослужащих и гражданских лиц, занятых в обеспечении армии, МВД, сил безопасности и др.);

г) комплекс утери имперского статуса страной, а позже – утери статуса сверхдержавы и территорий;

д) односторонняя интерпретация статистики и результатов научных исследований (когда этническая группа ощущает угрозу утраты своего статуса, это усиливает национализм как ответ на экспансию других этнически групп);

е) репрезентация в СМИ и отношение правоохранительных органов к этнической теме в «чувствительных» для общества сферах: наркобизнесе, мафии, общественных рынках.

²⁸ См.: Гудков Л.Д. Чеченская война и развалившееся «мы» // Неприкосновенный запас. 2001. №2.

ГЛАВА 5. ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ КСЕНОФОБИИ В ПЕРИОД 1991-2009 ГГ

Современные формы проявления радикализма, ксенофобии, экстремизма на территории РФ разнообразны, это и этнонационализм, и мигрантофобия, и религиозный экстремизм, и шовинизм, и расизм. Общей характеристикой социальных процессов в стране в последние годы выступает наличие ксенофобии. В разные годы периода 1991-2009 гг. возникали радикальные этнические группировки на почве реальных социальных процессов, сменявшие друг друга хронологически, хотя и предшествующие не прекращали своей деятельности¹.

На основе мониторинга этнополитических и этноконфессиональных процессов на Юге России возможно выделить следующие качественные этапы ксенофобии и этнического радикализма:

1991 – 1993 гг. – распад СССР, парад суверенитетов в России, вытеснение русского населения из республик Северного Кавказа и бывших советских республик, формирование национальных, перерастающих в националистические, движений, становление новой государственности республик, часто под лозунгами этнонационализма. Яркий пример – Чеченская республика, создание вайнахской демократической партии, принятие дудаевской конституции, Уголовного кодекса на базе норм шариата; создание национальных движений других народов. Острое противостояние кабардинских и балкарских, карачаевских и черкесских, осетинских и ингушских национальных движений, открытый осетино-ингушский конфликт в 1992 г.;

1993 – 1996 гг. – период вынужденной массовой миграции, отток славянского населения и модернизированной части титульных этносов, первая чеченская война, появление мигрантофобии в разных субъектах РФ, по отношению к представителям различных этнических групп, рост столкновений на этнической почве принимающего населения с чеченцами, турками-месхетинцами, курдами, армянами, даргинцами и др. Другой стороной выступает казачество, высказывающее явные опасения в связи со сменой

¹ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. – с. 14

этнического состава населения, что воспринимается как угроза собственному выживанию;

1996 – 1999 гг. – последствия первой и второй чеченских кампаний, неустроенность русских мигрантов, дальнейшее вытеснение русского населения вызывают в ответ возникновение националистических русских движений (прежде всего, РНЕ), часто заключающие союз с казачеством. Создание Ермоловского казачьего батальона на базе националистической идеологии. Множество локальных межэтнических конфликтов, особенно в сельских районах;

1999 – 2005 гг. – активизация радикального ислама, распространение «северокавказского ваххабизма» в регионе как реакция на укрепление федеральной власти в Чечне (назначение А. Кадырова главой республики, начало функционирования федеральных институтов власти), вторжение радикальных исламских группировок в Дагестан, позиционирование радикального ислама как формы интеграции антироссийских сил, как способа преодоления противоречий между кавказскими народами и отмежевания от «неверных»; появление маргинальных групп (скинхедов, антифа), конфликты на расовой почве, попытка использовать мигрантофобию, исламофобию, кавказофобию в узкогрупповых интересах².

2006 – 2009 гг. – постепенная стабилизация ситуации в Чечне, ее ресоциализация в составе Российской Федерации, информационная поддержка федеральными властями режима Р. Кадырова, снижение ксенофобии в отношении отдельных групп «кавказцев» в сторону абстрактного «врага» и мигрантов; появление маргинальных групп скинхедов-кавказцев, организующих нападения на представителей других этнических групп.

Само по себе состояние национальных отношений, если только они не принимают форму открытых столкновений, занимает сравнительно скромное место в общественном сознании. Оно волнует главным образом тех, кого эти конфликты затрагивают непосредственно: либо этнические группы, ставшие объектом враждебности, дискриминации, агрессии или фобий со

² Хопёрская Л.Л. Проблема радикализма и экстремизма в Южном федеральном округе // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. №1

стороны других групп, либо население, расположенное в зонах межнациональных конфликтов, пограничных с ними или испытывающих какие-то напряжения из-за их последствий. Помимо названных категорий подобные вопросы, в меньшей степени, заботят также группы более образованных (ощущающих некую степень личной ответственности за происходящее в стране, налагаемой образованием, воспитанием, сознанием культуры, цивилизации) или политически ангажированных людей (удельный вес которых может быть оценен в 5—8% населения). Но и для последних межнациональные проблемы, этнополитическая напряженность значимы не сами по себе, а в качестве индикаторов «более важных» для них, но совершенно других по характеру социально-политических процессов и обстоятельств, затрагивающих их интересы. Это может быть конкуренция за внимание властей, ресурсы популистской поддержки той или иной партийной программы, рост агрессивного национализма, как русского, так и национализма этнических меньшинств, региональный сепаратизм и опасность этнократии, задачи восстановления престижа и целостности прежней великой державы, «национального возрождения» и т.п. Из общественного мнения и публичной сферы практически вытеснены все проблемы этнонациональной дискриминации и репрессий в отношении нерусского населения автономий или этнических анклавов в советское время. Одновременно, репрессии имперской и советской властей у неславянских этносов прочно ассоциируются с русскими как этносом, на который возлагается ответственность за события прошлого³. Сам факт дискриминации или этнических чисток был как бы признан, но сделано все, чтобы «не раздувать из этого проблемы», проблема дискриминации русских и вовсе не передается огласке до сих пор. Вытеснение русских, уже после распада СССР, из республик точно так же не вызывает ни особого интереса, ни особого возмущения (если только не оказывается в определенном риторическом контексте националистической пропаганды). Показательно, что все правозащитные исследования и материалы посвящены исключительно этническим меньшинствам.

³ См.: Цуциев А.А. Русские и кавказцы очерк незеркальной неприязни.// Вестник ИЦ. - Владикавказ, 1998.

В результате, проблема ксенофобии, в частности кавказофобии и русофобии, как социальная проблема привлекает внимание лишь очень небольшой части общества, оставаясь бытовой реальностью для общества.

В сознании этнического большинства этнические конфликты и напряжение в сфере межэтнического взаимодействия воспринимаются как попустительство властей и агрессия со стороны меньшинств, тогда как те же проблемы национальным меньшинствам видятся как дискриминация властями и шовинизм «хозяев страны». «О высокой этнонациональной или расовой толерантности российского общества говорить не приходится — об этом не позволяют забывать десятки локальных больших и малых конфликтных зон на территории России, погромы на рынках, агрессия против азербайджанцев или цыган»,⁴ агрессия молодых кавказцев в отношении русских, армян и т.д. Как правило, имеет место комбинация различных проявлений этнических фобий и латентной враждебности. Сегодня нельзя найти ни одной группы в российском обществе, которая была бы совершенно свободна от тех или иных этнических фобий или негативных стереотипов. Отличия заключаются лишь в их наборе, мере распространенности, интенсивности и факторах, ограничивающих их действие. Различные виды ксенофобии пересекаются, образуя сложные наборы негативных реакций на «воображаемых других». Однако, рассуждая о ксенофобии, нельзя преувеличивать ее размеры и, тем более, относить только к большинству, как это делают некоторые аналитики и правозащитники. На наш взгляд, такая позиция приводит к конструированию ложного стереотипа об интолерантности русских и российского общества в целом, что становится установкой при проведении исследований с заранее предопределенным результатом.

Существующая ксенофобия имеет много социальных, экономических, исторических и пр. предпосылок и должна рассматриваться как следствие комплекса социальных проблем. Так, проблемы русско-чеченских межэтнических отношений следует рассматривать не с начала чеченской кампании, а с момента воз-

⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 178

вращения чеченцев из депортации. Именно в этот период были заложены причины дальнейшего роста национализма.

Вопрос о реабилитации чеченцев, включая этнополитические процессы в ЧИАССР с 1957 по 1990 гг. в отечественной науке ранее не поднимался в достаточно полном объеме. В настоящее время не существует обобщающей работы по анализу межнациональных отношений в рамках ЧИАССР в 1957 – 1990 гг. Методом проведения опросов и полевых исследований, а так же работой с архивными материалами А.Б. Кузнецова собрала информацию об этносоциальных процессах того периода⁵.

Ход реабилитации у чеченцев определил подъем националистического самосознания у будущей интеллигенции, т.к. в равнинных районах и городах более остро стояли жилищные проблемы, нежели в горных районах, где реабилитация проходила менее конфликтно, но более замкнуто в этнокультурном плане.

Последствия депортации привели к резкому сокращению образованных людей, обусловив обращение к адатам и исламу как способу самосохранения этнической группы. За период ссылки среди чеченцев и ингушей резко сократилось число образованных людей, многие из них умерли, молодежь не имела возможности полноценно учиться; обучение в школах велось на казахском и киргизском языках, и в уже восстановленную республику многие чеченцы и ингуши прибыли неграмотными. Те, кто успел окончить 5 или 6 классов в Казахской или Киргизской ССР, в ЧИАССР были вынуждены опять идти в первый класс или бросать учебу. На чеченском и ингушском языках уже практически не существовало периодической печати, в небольшом количестве издавалась литература, недоступная большинству, особенно моло-

⁵ Опросы чеченцев производились в основном в лагерях беженцев, действовавших в 2001-2002 гг. на территории Ингушетии – «Барт», «Танзила», «Учхоз» в с. Яндаре и др. и частично среди чеченцев, проживавших в частном секторе в г. Назрань, и селах Назрановского района РИ. Были произведены опросы чеченцев и ингушей по темам возвращения из ссылки, реабилитации и различных аспектов жизни в Чечено-Ингушской АССР вплоть до 1990 г. Были проведены также опросы по ходу депортации и жизни на спецпоселении. «...при подробных разговорах, чеченцы давали развернутые и подробные ответы на вопросы, анализировали разные ситуации исследуемого периода и современности». См.: *Кузнецова А.Б.* Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 - Москва, 2005.

дежи⁶. По словам бывших спецпоселенцев, была ликвидирована письменность на чеченском и ингушском языках, литературный язык, намеренно задерживался рост национальных кадров⁷.

Восстановление разрушенных межэтнических связей чеченцев и ингушей с другими народами Северного Кавказа, а особенно – с проживающим в ЧИАССР некоренным населением было главной социальной проблемой реабилитации. Жилищный вопрос предопределил на годы сохранение межнациональной напряженности в республике. Недопущение лиц коренной национальности к управлению республикой и на все более или менее ответственные должности привело к отсутствию в республике руководителей из числа чеченцев и ингушей, отрыву русскоязычного руководства от чеченского и ингушского населения, отрыву городского населения от сельского.

Пребывание в ссылке в течение 13 лет сформировало дальнейшую этнокультурную стратегию чеченцев и ингушей – склонность к самоизоляции и сопротивлению при малейшем нажиме со стороны властей (это подтвердили последующие десятилетия). Фальсификация истории чеченского и ингушского народов, фактическое изъятие из нее почти двух десятилетий тормозило дальнейшее развитие национального самосознания, порождало примитивное понимание исторической, этнической и культурной самобытности чеченцев и ингушей, сводившееся к слепому следованию мусульманским законам и адату, изоляции от окружающих народов и их культурного влияния; среди чеченцев и ингушей появилась точка зрения о вреде образования, о том, что образование идет в ущерб труду и благосостоянию, о развращающем действии иноэтничного окружения. Замалчивание фактов о причинах депортации и ее масштабов привели к мифологизации в исторической памяти следующих поколений этого периода, созданию «комплекса жертвы» и перенесению ответственности за произошедшее на русский этнос.

А.Б. Кузнецова пишет о том, что многие информаторы свидетельствовали, что после 1944 г. Чечено-Ингушетия «перестала быть республикой для чеченцев и ингушей», власть захватил

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д.360. Л.60.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д.360. Л. 214-215.

«имперский этнос» – русские, и что дискриминация чеченцев и ингушей при таком развитии событий была предопределена на многие годы вперед⁸. Культурная катастрофа подготовила почву для последующего гипертрофированного восприятия чеченцами и ингушами ислама и адата как стержня национальной духовной культуры и этнической самоидентификации, а демографическая – стала причиной консервации семейно-бытового уклада.

После возвращения на родину, в 1957-1973 гг. постепенно началось выстраивание новой социально-профессиональной структуры чеченского общества. Для восстановления межэтнических отношений в республике этот период был наиболее трудным; решение межнациональных проблем осложнял жилищный вопрос, безработица, принудительное или вынужденное поселение чеченцев и ингушей не в тех районах и населенных пунктах, в которых они жили до депортации, а также недовольство некоренного населения республики их возвращением, сначала открытое, а позднее латентное. Межэтнические отношения в этот период характеризуются формированием конфликтных ситуаций, получивших бурное развитие в последующие годы.

В 1973 – 1981 гг. активизируется политика союзного центра в ЧИАССР как ответ на митинги и столкновения на почве жилищно-национальных проблем. Материалы XI пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС отмечают всплеск преступности в республике, «проявления шовинизма и религиозного фанатизма», нарушения закона о землепользовании и личном хозяйстве («самозахват» колхозных земель, увеличение количества фактов частного предпринимательства, «раздутие» личного хозяйства, активизацию деятельности религиозных общин).⁹ Более всего центр был обеспокоен всплеском национального самосознания в ЧИАССР, и поэтому в качестве основных обвинений против участников митингов в Грозном и некоторых деятелей интеллигенции были выдвинуты обвинения в «националистических проявлениях». Из КПСС исключили видных писателей и общественных деятелей, имевших отношение к национальной

⁸ Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 - Москва, 2005. – с. 125.

⁹ Грозненский рабочий, 27 июня, 1973 г.

активности – И. Базоркина, Д. Картоева, А. Газдиева, С. Плиева, А. Куштова с мотивировкой – «националистические действия, несовместимые с Программой и Уставом Партии».¹⁰

В республиканской прессе в 1973 – 1981 гг. начинают регулярно появляться публикации, резко критикующие так называемую «теорию единого потока», согласно которой в Чечне и Ингушетии до 1917 г. не было имущественного и социально-классового расслоения среди коренного населения, а также многочисленные статьи об истории добровольного вхождения Чечни и Ингушетии в состав России¹¹. В 1973 г. выходит в свет двухтомник «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». На его обсуждении также резко критиковалась «теория единого потока», «умаление» роли русского народа и российского государства в развитии чеченцев и ингушей. При этом на обсуждении не было сказано ни слова о депортации, хотя сурово критиковалось замалчивание некоторыми авторами существования «изменников родины» из числа чеченцев и ингушей во время Великой Отечественной войны.¹²

В 1981 – 1991 гг. (начинается с открытого противостояния осетин и ингушей из-за земель Пригородного района) среди чеченцев и ингушей активизируется деятельность духовенства, растут националистические настроения. К концу 1980-х гг. увеличивается отток русского населения из Грозного, Малгобека и районных центров Чечено-Ингушетии из-за плохих условиях труда и быта, низкой заработной платы, но также и из-за «националистических проявлений» со стороны коренного населения, усиления межнациональной напряженности.¹³ В этот период происходит постепенное ослабление влияния союзного центра и руководства Чечено-Ингушетии на этносоциальные процессы в республике.

Постепенно восстанавливается местной интеллигенцией история чеченского народа за период с 1920 по 1990 гг., растет этническое самосознание. Националистические устремления приобретают очертания сепаратистских тенденций и этнонационализма, в чем также сыграла свою роль непоследовательная по-

¹⁰ *Патиев Я.С.* А я иду... Очерк о жизни и творчестве И.Базоркина. - Назрань, 2000. - С. 142-143.

¹¹ Грозненский рабочий, 23 мая, 1973 г.

¹² Грозненский рабочий, 4 августа, 1973 г.

¹³ «Союз нерушимых» // Независимая Газета, 29 апреля 2001 г.

литика союзного центра в процессе реабилитации вайнахов.¹⁴

В период с момента возвращения из депортации по 90-е гг. основную роль в формировании этнической идентичности и самосознания играет интеллигенция, а основным каналом трансляции национальных идей и мифологии становится литература и газеты. При этом, книгопечатание в ЧИАССР на чеченском и ингушском языках в 1957-1990 гг. по своим масштабам даже не приблизилось к додепортационному уровню. В 1970 г. было издано 49 наименований и 155 тыс. экземпляров, в 1980 – 37 и 186 тыс.; в 1986 – 5- и 229 тыс. экземпляров соответственно.¹⁵ Все это способствовало информационному вакууму, который заполнялся мифологизацией прошлого и консервированию некритического подхода к социально-политическим проблемам.

Основным содержанием этносоциальных процессов в ЧИАССР в рассматриваемый период явилось изменение социальной и профессиональной структуры чеченского общества. До депортации социально-профессиональная структура чеченского и ингушского этносов отличалась сильными диспропорциями, обусловленными еще политикой царского правительства и не успевшими измениться за первые десятилетия советской власти. Главная диспропорция – это преобладание коренного населения в сельскохозяйственном, а русского – в промышленном производстве за весь исследуемый период. Отсюда же вытекает и диспропорция между сельским и городским населением среди коренных жителей Чечено-Ингушетии¹⁶. Рост городского населения с 1920 по 1959 гг. среди чеченцев составил 9%. В дальнейшем, за 11 лет с 1959 по 1970 гг. количество городских жителей среди чеченцев увеличилось на 60 тыс. чел., а за 9 лет с 1970 по 1979 гг. этот прирост составил только 40 тыс. чел.¹⁷

¹⁴ Гакаев Д.Д. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (политический аспект). М., 1999, с.24.

¹⁵ Овхадов М.А. Итоги национальной политики советского периода и проблемы современной Чечни // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001, с.224.

¹⁶ Заурбекова Г.В. Основные тенденции изменения социально-классового состава населения ЧИАССР за годы советской власти // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М., 1986. с. 21.

¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. 1959 г. РСФСР. М., 1963. с. 300 – 302; 308 –309.

В период депортации духовная культура чеченцев и ингушей понесла значительные потери. Была частично уничтожена национальная интеллигенция, а оставшиеся в живых не могли в годы ссылки продолжать полноценную творческую и научную деятельность. Самый низкий уровень образования с 1959 по 1989 гг. наблюдался у чеченцев. Только 1 человек из 1000 от 10 лет и старше имел высшее образование, 1 – незаконченное высшее, 6 – среднеспециальное, 13 – среднее, 89 – неполное среднее и 185 – начальное.¹⁸

Из-за вышеописанных событий, среди населения традиционные общественные институты и религиозные нормы оставались доминирующими на протяжении всего периода с 1957 по 1990 гг., особенно выросла эта привлекательность к концу 1980-х гг. Помимо прочего, сыграла в этом роль обстановка в СССР в целом, ухудшение экономической ситуации, появление сепаратистских настроений в союзных республиках, политическая нестабильность способствовали росту популярности религиозных верований всех конфессий. В 1987 г. из 400 опрошенных студентов Чечено-Ингушского Университета и Педагогического Института 80% ответили, что соблюдают религиозные обряды и праздники, при этом каждый третий назвал себя верующим.¹⁹

Вайнахская интеллигенция, практически уничтоженная в ходе репрессий 1930-х – 1940-х гг., после 1957 г. восстанавливалась на принципиально иной основе. Новые кадры интеллигенции не просто возрождали чеченскую науку, литературную и общественную культуру, но и брали на себя функцию альтернативной духовной элиты. Во время депортации была утеряна важнейшая роль чеченской и ингушской интеллигенции – просветительская, характерная для додепортационного и дореволюционного периода. Основная функция вайнахской интеллигенции после 1957 г. состояла в осознании уникальности чеченской и ингушской истории и культуры,²⁰ что отразилось в художественной литературе как того

¹⁸ Национальный состав населения СССР (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г.) М., 1991. с. 405 – 433.

¹⁹ Союз «нерушимых». Независимая Газета. 29 апреля, 2001 г.

²⁰ А. Айдамиров, Дж. Яндиев, Б. Зязиков, М. Мамакаев, Х.-Б. Муталиев, Н. Музаев, С. Арсанов, Ш. Окуев, М. Кебиев, С. Эльмурзаев, А. Боков, поэты Капитон Чахкиев, М.-С. Плиев, Ю. Чахкиев, А. Мамакаева и Э. Эльдарханова.

периода, так и после 90-х гг. Однако, в отличии от настроений и литературы конца 80-х – середины 90-х гг., в более ранний период чеченская интеллигенция не являлась прямой оппозицией власти; в произведениях вайнахских писателей и поэтов не было выраженного националистического мотива, больше этнический. Националистические тенденции во-многом стали реакцией на политику советских властей в отношении коренного населения республики.

После реабилитации чеченской интеллигенции при новом руководстве ЧИАССР в 1976 г. большинство литераторов восстанавливаются в рядах КПСС. В исследуемый период также выходят такие произведения чеченских и ингушских литераторов, как «Долгие ночи» и «Молния в горах» А.Айдамирова и многие другие произведения, а также многочисленные поэтические сборники. Большинство романов и повестей носят исторический, рассказы – бытовой характер; в них большое внимание уделяется культуре, обычаям, быту чеченцев и ингушей. Почти в каждом произведении подчеркивается героическая судьба чеченского народа, неотъемлемое право жить свободно на земле предков, по-разному рассматриваются взаимоотношения с российским государством, с русским народом, затрагиваются события Кавказской войны, колонизации, Октябрьской революции и Гражданской войны. Романы «Из тьмы веков» Идриса Базоркина и «Долгие ночи» Абузара Айдамирова носят ярко выраженный эпический характер.

Отношения репатриантов-вайнахов с русским населением Чечено-Ингушской АССР после 1957 г. было гораздо менее конфликтным, нежели отношения с осетинами. Межнациональные отношения осложнялись почти исключительно жилищной проблемой.²¹ Русское население не было довольным возвращением чеченцев, местные власти отказывали им в прописке, и даже выдворяли за пределы района, обязуя выехать не только за преде-

²¹ Свидетельства Телсаева Хамзата, чеченца 1947 г., Абубакаровой Заманы, чеченки, 1917 г.р., Нальгиева Магомеда, чеченца, 1953 г.р., Лорсановой Даус, 1955 г.р., чеченки, Магомедовой Питимат, 1945 г.р., чеченки; Веджижева Ахмета, 1930 г.р., ингуша; Марзиевой Тамары, 1929 г.р., ингушки, Кускиевой Залихан, 1914 г.р., ингушки.

лы тогда еще Грозненской области, но и «обратно в Казахстан»²². Несмотря на довольно стабильное положение русских переселенцев в Чечено-Ингушетии, в связи с перенаселением и рядом межэтнических эксцессов до 1965 г. из ЧИАССР выехало 36 тыс. чел. русских²³. С этого момента отток не прекращался, а в 90-е гг. превратился в массовую миграцию.

В 1989 г. признаки открытой ксенофобии обнаруживали примерно 20% населения СССР, агрессивной этнофобии — около 6 - 12% в зависимости от региона. Исключение составляли зоны этнических конфликтов, где уровень взаимной враждебности противных сторон и соответствующей внутриэтнической солидарности захватывал практически все население — их индексы временами достигали 90% и более. В самой России эти показатели были на сравнительно невысоком уровне, ниже средних величин по Союзу в целом. Одновременно можно было говорить о существовании довольно значительного потенциала сопротивления любым формам этнонациональной агрессии и насилия среди этнического большинства, включая выражения ксенофобии или этнической дискриминации. Почти половина населения (47% по Союзу; в России больше половины — 53%) высказывала мнения, осуждающие любые выражения этнической неприязни, национального доминирования, «моральные оценки» тех или иных народов, вменение коллективной ответственности, вины за действия отдельных лиц или групп (например, погромщиков или экстремистов) и т.п.²⁴ Сказывалась и государственная политика в сфере межнациональных отношений, направленная на пресечение любых форм национализма, который отождествлялся с шовинизмом. Однако, как мы видели на примере проблем реабилитации чеченцев, проблемы в сфере этнических взаимоотношений существовали, либо в латентном виде, либо жестко подавляемые и неафишируемые советской властью.

²² ГАРФ. Ф.Р- 7523. Д.360. Л.66 – 81 об.

²³ Союз «нерушимых». // Независимая Газета. 29 апреля 2001 г.

²⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 179-180. В книге представлены результаты более 25 исследований, проведенных ВЦИОМ по проблемам национальных отношений с 1988 по 2003 г. Исследование проводилось в 10 республиках бывшего СССР, в том числе и в России; общее число опрошенных в каждом случае составляло 4,5 тысячи человек.

Однако уже в 1990 г. показатели этнического негативизма или национальных антипатий выросли до 35—40%. Причем доминировали в этом плане регионы, переживавшие на тот момент подъем национальной консолидации, - страны Балтии, Западная Украина, Молдавия, республики Закавказья, Средней Азии. Политические лидеры и ангажированная часть населения этих республик акцентировали свою этническую особенность, социальные, культурные барьеры между разными этническими группами, настаивали на усилении административно-государственных границ, что неизбежно влекло за собой и оживление негативных бытовых этнических стереотипов и общий рост ксенофобии²⁵.

Вместе с общим оживлением консервативных представлений усилились и старые этнические стереотипы, негативные барьеры между людьми разных национальностей. Этому способствовали процессы этнонациональной солидарности и мобилизации в бывших советских республиках, межнациональные конфликты, приток мигрантов из бывших советских республик. Большую часть этнического негативизма аккумулировали в себе антикавказские установки. Первая чеченская кампания в этом смысле лишь проявила ранее действовавшие закономерности — античеченские настроения возникли накануне военных действий и практически не увеличились на ее протяжении. Значительную часть этнического негативизма, играющего важную роль в механизмах этнокультурного самоопределения и самоидентификации, приняли на себя цыгане. В их образе соединились, с одной стороны, черты архаических представлений о социальных и культурных «чужаках» (грязных, вороватых, асоциальных, обладающих тайным знанием и магией, близких к темным, хтоническим силам), а с другой — вполне современные представления о криминальных кланах, мафиях, наркоторговцах и мелких перекупщиках²⁶.

²⁵ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 180

²⁶ Эффект внезапной, часто погромной, ксенофобии и неприязни к цыганам был характерен для всей Восточной и Центральной Европы (Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, отчасти даже Германии). Он возник сравнительно недавно, в 1980-х гг., ему сопутствовало известное ослабление антисемитизма в регионе в целом. В России конца 1980-х гг. антицыганские настроения едва фиксировались, во всяком случае, по своей интенсивности и распространенности они были несопоставимы с антиармянскими или антиазербайджанскими, антигрузинскими установками.

Таким образом, этнические фобии представляют собой проявление неотрадиционалистских или квазитрадиционных механизмов социальной регуляции. Это рутинные механизмы социальной солидарности, в их основе — принципы негативной проекции на «чужих» тех ценностей, которые не признаются за представителями собственной этносоциальной группы, представляют собой механизмы защиты в условиях социокультурной и политической эрозии или распада. Они ограничивают возможности развития новых идеологических систем и социальных представлений, блокируя тем самым и возможности перехода от одного типа организации к другому, к более сложным символическим и социальным структурам. Очень часто новые значения или ценности получают этническое наполнение, дискредитируя тем самым их носителей или представителей новых структур как этнических чужаков, как сомнительных в национальном или в национально-культурном плане персонажей.

Рост этнической ксенофобии у людей разных национальностей стал заметен в России в период ломки советских политических и административных отношений и продолжался до 1995—1996 гг. Затем последовал некоторый спад. Новый рост ксенофобии был отмечен после кризиса и дефолта 1998 г., терактов в Москве и других российских городах, послуживших началом второй чеченской войны²⁷. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», более трети (37%) опрошенных москвичей в 1999 г. готовы были санкционировать высылку всех чеченцев из Москвы и других крупных городов²⁸.

Основную массу этнического негативизма образуют антикавказские установки и неприязнь к цыганам (в сумме они составляют примерно 2/3 всех ответов респондентов, в которых выражены антипатия или фобии по отношению к людям других национальностей). Эти фобии усиливаются всякий раз после очередной фазы социальных и политических напряжений. Иные

²⁷ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 - с. 182-183

²⁸ Данные опроса населения г. Москвы, проведенного Фондом «Общественное мнение» по репрезентативной выборке. Интервью по месту жительства. Объем выборки - 1000 респондентов. 8 ноября 1999 г. http://bd.fom.ru/report/cat/socium/internat_ro/o907401

разновидности бытовой или традиционной ксенофобии (по отношению к узбекам, евреям, татарам и др.) имеют гораздо более длительные циклы изменений, не связанные непосредственно с актуальными социальными изменениями.

Обзор опросов ВЦИОМ, ФОМ и Центра Ю. Левады²⁹ показывает, что массовое отношение к эстонцам, латышам, грузинам и чеченцам отражает колебания в установках идеологических институтов, в первую очередь — властей и СМИ. Смена государственной политики в отношении прибалтийских стран под воздействием национал-патриотических сил и номенклатурного национализма постепенно принимается населением. Среди респондентов выделяются социально периферийные группы, сохраняющие традиционно советский образ мысли, — пожилые люди, неквалифицированные рабочие, жители малых городов и регионов, входящих в «красный пояс» областей, голосовавших за коммунистов и прежнее начальство, или, напротив, чиновничество, немолодые люди с высшим образованием. Т.е. сохраняется общий уровень симпатий или благожелательного отношения к людям этих национальностей, но усиливается негативное идеологизированное отношение к государствам, государственной политике этих стран.³⁰

Этническую неприязнь наиболее интенсивно с середины 90-х гг. выражает молодежь, которая особенно чувствительна к сдвигам в национальном самосознании. Молодежная агрессивность в отношении иностранцев, этнически «неполноценных» или «расово-чужих» отмечена почти во всех странах Западной и Восточной Европы. Момент формирования представлений о больших, символических коллективных общностях, в том числе этнического, а тем более — политического самоопределения, совпадает с поколенческими фазами подростковой групповой социализации. При ослаблении или разрушении прежних идеологических и национальных стереотипов, отсутствии новых символов и идей (для молодежи из социальных низов, из периферийных групп, чьи информационные ресурсы очень ограничены) моделью для понимания коллективной реальности служат

²⁹ См. архив сайтов www.levada.ru, bd.fom.ru, wciom.ru.

³⁰ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 185

сильные и ригидные механизмы солидарности, характерные для малых неформальных групп и отношений, особенно — для подростковой субкультуры.

Особенно резко этнические предрассудки и агрессивные реакции проявляются у учащихся ПТУ, рабочей молодежи, школьников, проживающих в малых кризисных городах. На стыке больших и малых городов (или в соответствующей этим условиям социальной среде мегаполисов — на окраинах) возникают демонстративно агрессивные шовинистические группировки — нацисты, скинхеды, баркашовцы и др.

Исследования ВЦИОМ показали, что индексы толерантности (отношение позитивных этнических установок к негативным) у респондентов до 24 лет в 2,6—3 раза ниже, чем у людей старше 40 лет. Например, в отношении к чеченцам — соответственно 0,3 и 0,7—0,9. То же можно сказать и о служащих, специалистах и руководителях разного ранга. У служащих этот индекс (в отношении к чеченцам) составляет 0,4, руководителей — 0,5, квалифицированных рабочих — 0,6, у неквалифицированных рабочих, пенсионеров — 0,8—0,9. Хотя для молодых респондентов отмеченного типа характерны особенно агрессивные и экстремистско-радикальные формы отношения к этническим чужакам, однако в общей массе высказываемой ксенофобии удельный вес таких реакций не велик, но отмечался рост их численности до 2008 г., в 2009 г. отмечился спад³¹.

Следует отметить, что те же особенности характерны для чеченской молодежи, в отношении которой дело осложняется особенностями этнического самосознания и мускулиной культурой, требующий инициации, что в полиэтничном окружении выливается в открытую физическую агрессию и провокационное поведение. В газетах можно встретить описания таких случаев. Так в 2009 г. имел место судебный процесс в Москве над семью молодыми выходцами с Кавказа, устроившими расправу над 2 русскими ребятами в метро.³² На молодежных чеченских сайтах можно видеть ссылки на видео, где несколько кавказцев избива-

³¹ См. перечень опросов в разделе «Межнациональные отношения. Национализм» за 1997-2009 гг. // Всероссийский центр изучения общественного мнения wciom.ru.

³² Русский вестник. №13, 2009.

ют молодых парней славянской внешности, танцуют в метро лезгинку или устраивают автопробеги с флагами и криками «Аллах Акбар» по городу.³³

К перечисленным выше группам «риска» следует отнести проживающих за границей молодых людей. «Сегодня бесспорно одно - еврочеченцы - это новое и малоизученное социальное явление.»³⁴ Чеченская диаспора в Европе сегодня насчитывает десятки тысяч человек. Из них примерно 17 тысяч проживают в Австрии, 10 тысяч во Франции и Германии, по 7 тысяч в Бельгии и Польше, около 500 в Чехии³⁵. По мнению некоторых аналитиков, в Западной Европе в течение последних нескольких лет сложилась община, способная активно влиять на ситуацию в Чечне. Имеет место формирование некой политической силы вокруг чеченских общин в Европе. Многие из них симпатизируют идее Имарата Кавказа, большинство настроены резко антироссийски и имеют националистические и ксенофобские настроения. Национализм данной социальной группы отмечается не только этническим радикализмом, но и религиозным, который направлен не только против русских, но и против европейского окружения. Присутствуют те же элементы маскулинной культуры и форм инициации, что и в России³⁶.

Единственная группа, причем принципиально важная в социологическом смысле, которая демонстрирует не просто сохранение комплекса ущемленности, обиды, утраты государственного величия, страха перед распродажей национального богатства страны, - это респонденты с высшим образованием. К 2004 г., за 7 лет доля ксенофобских ответов среди этих респондентов увеличилась почти вдвое, с 39 до 69%, хотя следует отметить, что в 2006-2009 гг. эта группа продемонстрировала большую

³³ Такие ролики, снятые на видео сотовых телефонов, во множестве присутствуют на сервере www.youtube.com, например, www.youtube.com/watch?v=bPt6244-KM, <http://www.youtube.com/watch?v=nFN14pK2g2Q> и др.

³⁴ Мальсагов Т. Чеченцы по-европейски // Caucasus Times, 19 Марта 2009 <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=19774>

³⁵ По данным Jamestown Foundation's

³⁶ Например, нападение группы чеченской молодежи- эмигрантов на посетителя дискотеки «Карре-Бич» в Остенде и др. См. Беженцы из Чечни ограбили 100 европейцев // Комсомольская правда. 22 августа 2006 г., Чеченцы уже громят Европу // Комсомольская правда. 31 августа 2009 г., и т.п.

толерантность, в сравнении с другими социальными группами. Причина кроется в смене поколений. Первое постсоветское поколение интеллигенции как социальный или функциональный слой находится в состоянии медленного разложения, разрыва между прежними самооценками (в сегодняшних условиях явно завышенными), самоопределением и отношением к ней других групп. Неадекватность восприятия своего места и реальной роли, требующей другой компетенции, других профессиональных знаний и идеологии, ведет к заметному усилению консервативных, традиционализирующих моментов в самосознании — подчеркиванию моментов национальной исключительности, поиску субстратов национальной истории, характера, культуры («национальная идея»), реставрации великодержавной идеологии. С другой стороны, новое поколение интеллигенции, образовавшееся к 2007-2009 гг. несет рыночные, либеральные ценности, мало подвержено ксенофобии и национализму.

Рост этнической неприязни был наиболее заметным в отношении тех народов, которые в советское время воспринимались как наиболее благополучные, зажиточные, чьи представители в среде экономически малоподвижного, разоренного русского населения промышленных средних или небольших городов чаще всего рассматривались как праздные люди, ищущие легких денег, — имелась в виду южно-курортная рента, торговля на городских рынках, сезонные заработки (шабашные бригады). Кавказ в массовом сознании и отчасти в массовой культуре был той мифической страной садов и отдыха, летних праздников и изобилия, которую предпочитали партийные вожди, где советская знать проводила свои отпуска. Миграция жителей Кавказа, начавшаяся еще в 1970-е гг., не изменила этого отношения. Но с распадом СССР стала возможной артикуляция подобных установок и чувств, их открытое выражение, тиражирование в СМИ. Следует отметить новую роль массмедиа, создавших деидеологизированную (в сравнении с советским временем), но гораздо более охлократическую коллективную реальность, приноровленную к мнениям, вкусам, пониманию массы.

В 1993 г. около трети опрошенных были убеждены в том, что в социальных бедах России повинны нерусские, живущие в стране

(что зеркально отражает убеждения не русских жителей Северного Кавказа в вине за «все» русских и «федералов»). Мнение, что люди нерусских национальностей пользуются в России чрезмерным влиянием, разделяли уже 54% респондентов (41% не согласились с этим суждением), причем существенных различий в ответах людей из разных социально-демографических категорий не было³⁷. К этому времени резко усилились и стали широко распространенными представления о засилье инородцев, об угрозе распродажи иностранцам национальных богатств страны. Они легли на традиционную почву страхов перед заговорами, тайными силами и организациями, наконец, «мафией», составляющих основу этнонациональных фобий (элементы этих представлений обнаруживают почти три четверти опрошенных в России). В дальнейшем эти комплексы лишь усиливались и приобретали выраженную форму. Подобные настроения в известной мере санкционировались и поддерживались авторитетом местной власти, искавшей популистской поддержки в низах общества.

Среди многочисленных форм национализма, в данном контексте, можно выделить две фазы динамики этнических стереотипов:

- а) мобилизационный и
- б) защитно-компенсаторный.³⁸

Явления первого типа можно было наблюдать в пределах СССР в 1988—1993 гг., в Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Украине. В России процессы национальной мобилизации были самыми слабыми среди всех бывших советских республик (не считая некоторых национальных автономий, в первую очередь Чечни). Причем в России они шли с запаздыванием по сравнению с названными выше бывшими союзными республиками и охватывали сравнительно небольшую часть общества, политически ангажированного и демократически настроенного (15—18%). Максимумы они достигли к августу 1991 г., движущие мотивы были разнородными. Крайне смутные представления о национальных целях и символах развития (в основном повторяв-

³⁷ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 206.

³⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 195

шие общие пожелания, ориентиры и контуры национальной политики, характерные для всей Восточной Европы, — как можно быстрее вписаться в европейские рамки) значительно уступали по привлекательности силе «негативной мобилизации» — отталкиванию от прошлого.

Явления второго типа (защитно-компенсаторного) характерны для фазы социально-политической демобилизации, распада прежних структур политического режима и проявляются в условиях идеологической слабости образованных слоев, непроявленности новых элит. Защитно-компенсаторный национализм возникает и развивается на фоне настроений поражения, бесперспективности, ущемленности, обиды.

Закрытые опросы ВЦИОМ 1986 г. и позднее показывают, что «в 1986 г. 78% русских считали себя советскими, а русскими — лишь 15%. Даже в наше время только 42% русских считают себя русскими, остальные — россиянами и... советскими. ...Так, по сообщению ВЦИОМ, лозунг «Россия для русских» поддерживали в 1998 г. 43% населения, а в 2007 — уже свыше 70%! ...такая позиция носит характер защитной реакции людей на фактическое неравноправие своего народа. «Россия не должна быть против русских, не для русских!» — так следует правильно читать и понимать данный лозунг»³⁹. Все это говорит о формировании негативной этнической идентичности.

На этот процесс накладывались дезориентация и частичная социальная дезадаптация, вызванная разложением прежнего бюрократического социального порядка и иерархической системы стратификации, распадом дефицитарно-распределительной экономики и переходом к рыночной, а соответственно концом привычного существования, потребительского «аскетизма», безработица, задержка и невыплата зарплат и пенсий, изменение социального статуса и доходов прежде значимых категорий работников. В первые два года после начала гайдаровских реформ эти негативные переживания (явления массовой фрустрации, депрессии, дезориентированности, страхов и диффузных тревог) развивались в острой форме, затем перешли в хроническую и стали устойчивым негативным фоном этносоциальных процессов в России.

³⁹ *Самоваров А.* Почему корёжит Россию // Литературная газета, 05.08.09

Механизмы социального рессантимента превращали накапливающийся потенциал подобных негативных эмоций, с одной стороны, в идеализированные или сублимированные автостереотипы, а с другой — в резкое недоверие к властям и антипатию, негативную стереотипизацию иных этнических групп. Как показывают данные опросов, к этому времени заметно усилилась значимость для массового сознания таких «типичных черт» национального характера, которые должны были компенсировать болезненность негативной идентичности. В качестве компенсации этого разрыва, смягчения фрустраций выступали, например, «доброта», «простота», «отзывчивость», «терпеливость», «готовность прийти на помощь», «отсутствие эгоизма». Подобный процесс протекал и среди чеченцев, где аналогами выступали «уважение к старшим», «нравственность», «благородство», «воинственность», «любовь к свободе», «религиозность» и т.д.⁴⁰

Этот социальный и национальный рессентимент стал одним из основных факторов, активизировавших прежде подавляемую смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма. Примерно с **1992—1993** гг. эта поднимающаяся волна диффузного, ищущего форму раздражения стала все в большей мере обращаться против представителей других этногрупп. На них начали проецировать собственные страхи, недостатки, табуированные и вытесняемые желания, мотивы.

Рост разнообразных ксенофобий и тенденций этнического изоляционизма были стимулированы преодолением такого кризиса, которое сопровождалось определенными трансформациями структуры этнонациональной идентичности различных народов России. Так, среди чеченцев развернулись процессы (точнее, усилились, т.к. они имели место уже в 70е гг., о чем писалось ранее) интенсификации неоконсервативных механизмов, реанимации традиционных национальных ценностей и символов или появление их новейших суррогатов — акцентирование мифологизированного и героизированного прошлого. Данные процессы имели место и среди русских, но в меньшей степени в силу боль-

⁴⁰ О проблемах этнонациональной идентификации русских по данным ВЦИОМ в кн.: Советский простой человек Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993; Бочарова О.А., Гудков Л.Д. Иерархия этнических установок населения // Экономические и социальные перемены. 1994. № 1. - с. 17-19.

шей урбанизированности и модернизации⁴¹. Вообще, для нерусского населения, особенно титульного в бывших национально-автономных образованиях, характерен большой удельный вес негативных установок в отношении ко всем этническим меньшинствам, в том числе и к евреям, усиление межэтнических барьеров, более высокий уровень расовой или племенной ксенофобии.⁴²

Данные исследований опровергают широко распространенное мнение о том, что ксенофобия связана исключительно с ухудшением материального положения и конфликтом групповых интересов. Напряженность, в том числе и этнонациональная, возникает при любых формах социальных изменений, концентрируется в маргинальных средах и ситуациях, вне зависимости от политических, идеологических, демографических обстоятельств. Стереотипизация, изменение этнических стереотипов в этом плане — индикатор изменений социальных процессов и структуры общества.

Если общие этнические установки населения меняются медленно, то в среде политически заинтересованной части населения можно говорить о сращении ксенофобии и идеологического национализма, сближении реакций массы, социальных низов и образованного слоя общества.

Можно выделить два вида этнической нетерпимости — бытовую и идеологическую. Их носителями выступают разные социальные группы. В первом случае это среда аполитичного населения, чаще без высшего образования, жители сельских регионов и малых городов. Однако такая нетерпимость (если не затронуты обстоятельства безопасности и физического существования группы) не приводит к коллективной солидарности и агрессивным действиям, пребывая в виде нейтрализованной рутинной антипатии и не вызывая особых конфликтов и столкновений. Другой тип интолерантности характерен для людей с высшим образованием, выступающих в качестве мифологизаторов истории своей

⁴¹ См.: *Гудков Л.Д.* Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идег Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 175—187.

⁴² *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 214

этнической группы, субъектов стереотипизации и создания маркеров разделения людей по тем или иным признакам. Данные слои симпатизируют тем политическим лидерам, которые берут на себя задачу представлять символическое национальное целое и его интересы (яркий пример – чеченская диаспора в Европе).

Неизбежный компонент этого набора идей — демонизация символического врага, другой этнической общности и/или социальной группы, государства. Как правило, выражение неприязни к одной национальности пересекается с негативизмом или страхом в отношении другой или других.

Последствия различных форм ксенофобии, национализма и трансляции этнических стереотипов могут быть различными. Сильный, мобилизующий национализм грозит ростом конфликтов и столкновений; слабый, защитный, утешительный, компенсаторный национализм может вести лишь к апатии и ценностной атрофии.

С конца 90-х гг. сотрудники правозащитных организаций и исследовательских центров отмечают устойчивый и последовательный рост националистических тенденций и ксенофобских установок в обществе⁴³. Так, результаты длительного социологического мониторинга, проводившегося ВЦИОМ (1990-2006 гг.), показывают, что в разные годы негативное отношение к чеченцам испытывали более 50% россиян, к азербайджанцам – от 30 до 48%, к армянам и грузинам – от 27 до 45%, к народам Средней Азии – от 20 до 22 %, к эстонцам и евреям – от 13 до 17%, к татарам и башкирам – от 12 до 15%⁴⁴, 58% положительно отнеслись бы к тому, чтобы администрация их города или района запретила въезд и проживание на его территории выходцев из юж-

⁴³ См., например: Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России / Отв. ред. С.Лукашевский, Т.Локшина. – М., 2002; Права человека в регионах Российской Федерации. Сборник докладов. – М., 2002; Антисемитизм, ксенофобия и религиозное преследование в российских регионах. – М., 2001; Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. – М., 2002; Диагностика толерантности в средствах массовой информации / Под ред. В.К.Мальковой. – М., 2002; *Кожеевникова Г.* Радикальный национализм в России: проявления и противодействие. Обзор событий 2004 года / Под ред. А.Верховского. – М., 2005.

⁴⁴ См.: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/socialnye-problemy/mezhnacionalnye-otnosheniya-nacionalizm.html>

ных регионов⁴⁵. По данным другого исследования, проведенного Фондом аналитических программ «Экспертиза» в феврале 2004 г., антикавказские настроения разделяли 60% опрошенных, антикитайские – 51%, антивьетнамские – 48%, антиафриканские и антисемитские – 28% и т.д. 42% респондентов полагали, что необходимо ограничить влияние отдельных этнических групп в той или иной области общественной жизни⁴⁶.

Перенос негативных этнических стереотипов с отдельных этнических групп на мигрантов и этнизация социального данного феномена стали особенностью последних двух лет. Следует отметить, что благодаря информационной политике в отношении Чечни, стабилизации обстановки в стране и ряду других причин, отмечается перенаправление вектора ксенофобии на абстрактные группы (террористы, «чужаки» и пр.) с конкретных этнических групп. Так же снижается уровень нетерпимости в целом, о чем будет написано в следующей главе.

Этнические, социальные и пр. факторы взаимосвязаны и взаимобусловлены, они воздействуют в комплексе и, в конечном итоге, определяют «градус ксенофобии» как у отдельных индивидов и социальных групп, так и на уровне общества в целом в конкретный момент его социально-исторического развития.

⁴⁵ <http://www.levada.ru>

⁴⁶ Респондентам задавался вопрос: «Иногда говорят, что в России следует ограничить проживание некоторых национальных групп. Согласны ли Вы с этой точкой зрения, и если да, то представителей каких именно национальностей нужно, по-Вашему, ограничить?» Приведенные выше проценты – это сумма ответов «согласен» и «скорее согласен». (Урнов М.Ю. Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании. С. 8. – <http://www.antirasizm.ru>).

ГЛАВА 6. СПОСОБЫ ИНДИКАЦИИ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕГАТИВНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Стереотипизация и трансляция этнических стереотипов через информационные каналы влияет на общественное мнение, задавая тот или иной образ или схему восприятия и оценки событий и объектов. Наиболее массовыми каналами стереотипизации, на сегодняшний день, выступают телевидение и печатные СМИ. Они не только отражают существующие в обществе стереотипы, но представляют собой информационно-социальные технологии, с помощью которых могут поддерживаться и изменяться нарративные модели восприятия различных событий и групп, что достигается в информационном пространстве благодаря героизации и демонизации субъектов этносоциальных процессов¹.

Как показывают социологические исследования материалов СМИ, формы трансляции этнических стереотипов в СМИ могут значительно различаться. Сама интенсивность упоминания определенного этноса в издании может сказать о многом, например, многократное позитивное или негативное упоминание этнической группы или, наоборот — полное умолчание о ней. Регулярные упоминания, например, об успешной (или неуспешной) экономике или политике или о спортивных победах и неудачах представителей конкретного этноса могут создать искаженное представление о нем в обществе. Информация, содержащая этнические стереотипы, может передаваться от коммутатора к реципиенту через публикации, содержащие факты из жизни этносов, лексемы, и идеи о жизни и проблемах представителей этноса и о межэтническом взаимодействии. Любой факт или событие могут быть освещены тенденциозно, с симпатией или антипатией, нейтрально или агрессивно².

Проявлением данного явления служит нетолерантная подача этнической информации («Лицо кавказской национальности»),

¹ См. о методах воздействия на массовое сознание путем конструирования дискурса *Калашаова А.Ш.* Политический дискурс: аспекты социального воздействия. Дис. ...д.фил.н. 10.02.19 – Краснодар, 2006

² *Малькова В.К.* Этническая журналистика и проблемы толерантности // Малькова В.К., Тишков В.А. Этичность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002 – с. 39.

«Чеченцы грозят Кондопоге вторым Бесланом»,³ «лицо славянской национальности»). Подобный жаргонизм, распространяемый прессой, опирается на уже существующие образы в массовом сознании аудитории, делая сюжет «узнаваемым», ассоциативным.

Анализ вербальных и визуальных образов в стереотипизирующем дискурсе позволяет говорить о различных уровнях воздействия стереотипов и мифологем на массовое сознание. Сила информационного воздействия вербальных и визуальных текстов на аудиторию, а следовательно и на процессы конструирования и трансляции стереотипов, достигается путем воздействия на эти уровни⁴. На основании анализа стереотипизации, проведенного в предыдущих главах, можно выделить следующие уровни: уровень, отвечающий за физическое выживание; территориальный, отвечающий так же за социальное положение; семантический уровень, направленный на особенности восприятия аудиторией символической информации; социально-нормативный уровень, связанный со значимостью тендерных норм поведения; уровень личного бытового опыта, связанный с эмоциональным восприятием различных ситуаций; коллективный уровень, касающийся исторической памяти, который отображается в мифологизации истории и современности и основан на архетипах.

Цель дискурсивного анализа - вычленение информации, воздействующей на эти уровни. Метод анализа дискурсивного пространства через уровни воздействия на аудиторию позволяет выявить наиболее уязвимые для информационного воздействия массовые представления и сформулировать индикаторы стереотипизации в дискурсивных репрезентациях. Ранее были рассмотрены такие каналы стереотипизации, как кинематограф, литература и пр., сейчас проиллюстрируем воздействие дискурса на стереотипы массового сознания на примере СМИ.

Анализ текстов СМИ (антирусские высказывания представлены в листовках и газетах периода чеченской кампании, а сегодня – на интернет-порталах)⁵, показывает, что наиболее сильное

³ Газета «Новый Петербург» за 8.09.2006

⁴ См.: Уилсон Р. Психология эволюции. - Киев: Янус, 1998.

⁵ Помимо СМИ 2007-2009 гг., см. примеры в кн. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и международные вопросы. Черная книга или Кавказ против русских. Хроника начала XXI века. - М., 2003.

влияние на оценку информации и закрепление стереотипов имеет первый уровень, связанный с представлениями о физической безопасности. Индикатором этого служат различные вербальные и визуальные конструкции со значением угрозы. В анализируемых текстах таковыми являются: «кавказцы калечат русских, горят животной ненавистью к русским», «кавказцы пытались терроризировать русского фермера», «русские фашисты напали на чеченских студентов», «русские хотят уничтожения чеченцев» и т.д. Аналогичные вербальные структуры со значением угрозы представлены особенно ярко в прессе конца 90-х гг., менее выражены с 2007 г. (о чем будет сказано далее при рассмотрении языка вражды).

Второй уровень - территориальный (наличие социального пространства) - идентифицируется такими языковыми выражениями как: «кавказцы захватили рынки», «кавказцы грабят московские квартиры», «русские требуют депортации кавказцев», «милиция выселяет чеченцев из Москвы» и т.д.

Третий уровень (семантический) репрезентирован оценочностью дихотомии «мы-они»: мы («русская нация носительница справедливости, дали цивилизацию, спасли их от турок, и т.д.», «чеченский народ – оплот исламских и традиционных ценностей, образец нравственности на Кавказе и т.д.») - они («насилуют, грабят пассажиров, недочеловеки, чурки, животные, фашисты» и «свиньи, оккупанты, мародеры, деградировали, сдают матерей в дома престарелых, выкидывают детей на помойки, развратные и т.д.»). Подчеркивается интеллектуальная и нравственная неполноценность: «говорят, что на гигиену у кавказцев есть две точки зрения: одни думают, что это животное, а другие — что это болезнь», «русские живут как свиньи, где едят, там и гадят». Общим и для центральных и для регионально-националистических каналов стереотипизации выступает недоверие к официальной власти и призывы к решению проблем «своими способами»: «власть - продажна, нет защиты от прокураторы», «дайте отпор распоясавшимся инородцам», «надо гнать всех инородцев, оккупантов»,⁶ «восстановить историческую справедливость –

⁶ *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и международные вопросы. Черная книга или Кавказ против русских. Хроника начала XXI века. - М., 2003. – с. 288.

долой русских с Кавказа», «русские оставайтесь – нам нужны рабы».

Четвертый уровень активизируется через вербальные сигналы о покушении на тендерные нормы общества: «кавказцы насилюют наших женщин», «отомстим русским оккупантам за поруганную честь наших женщин».

Такое комплексное воздействие на общественное сознание приводит к формированию негативных стереотипов и агрессивных установок. Данные тексты способствуют разжиганию национальной розни, формированию тревожного эмоционального состояния, следствием которого может стать агрессивная ксенофобия. Подача информации направлена на наиболее проблемные места межнациональных отношений и часто отражает конкретные проблемы этносоциальных процессов.

Используемые в журналистских публикациях лексемы, влияют на создание определенных позитивных или негативных этнических стереотипов, которые при частом упоминании в СМИ распространяются в массовом сознании как аксиомы. В региональных изданиях встречаются не комплиментарные лексемы, также становящиеся стереотипами: «они все — воры, они все воинственные, они все - бандиты (трусы), они все поступают так». Подобные высказывания, тиражируемые в СМИ, стимулируют этнические фобии и провоцируют межэтническую напряженность. Такой способ подачи информации воздействует на бессознательное, накладываясь на существующие у реципиента стереотипы и фобии, усиливая последние. Последствия и мощное воздействие данного процесса фиксируют этносоциологические исследования, проводимые в разных регионах страны⁷.

Особое влияние на выделенные выше уровни стереотипизации имеют современные мифы, создаваемые в СМИ. Так, миф об уникальности народа или нации активизирует эмоционально-территориальный уровень. Миф о мудром герое с антикризисной программой или справедливом защитнике этнического меньшинства направлен на семантический уровень. Мифы об отце народов (президент), защитнике ислама (моджахед), затрагивают чет-

⁷ Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная: конфликт или согласие?. - I. /По данным опроса московских школьников./ Вып. N 111. - М.: ИЭА РАН, 1998

вертый уровень. Анализ современных мифов является важным для понимания механизмов стереотипизации, т.к. мифологичность обыденного сознания составляет основу интерпретации этносоциальных процессов и событий,⁸ программируя поведение участников межнациональных коммуникаций.

При конструировании мифологем обычно используются факты (описание событий) и лексемы (в том числе и этнические стереотипы). Мифологемы могут быть позитивными или конфликтными, например: «Этнические мигранты, приезжающие в наш город, привозят нам грязь, болезни, нищету. Их необходимо убрать из города»⁹. В 90-е гг., после распада СССР, в СМИ имела место идеологическая путаница, региональные источники информации использовали страхи и ожидания населения как объект социально-политического воздействия, особо популярна была мифологема об «опасности лишения национального суверенитета». Исследователи также фиксировали в этот период, как с помощью региональных СМИ конструировался специфический образ федеральной власти, как «коварного противника наших национальных интересов», а с ними — и образ Москвы и москвичей, на которых, благодаря конструированию негативных стереотипов в СМИ, переносили свое недовольство и фобии жители российских регионов¹⁰.

Благодаря возможностям СМИ, использование негативной стереотипизации стало социальным и политическим ресурсом. Порождаемая использованием этностереотипов и этнических мифологем ксенофобия могла принимать различные формы, от вербальных (от бесед в кругу знакомых до выступлений на митингах и публикаций в СМИ) до физических (от избиения отдельных представителей иных этнических и/или религиозных групп до этнических чисток). Последним примером такого воздействия может служить освещение в российский, западных и

⁸ *Калашаова А.Ш.* Политический дискурс: аспекты социального воздействия. Дис. ...д.фил.н. 10.02.19 – Краснодар, 2006. – С. 78-79.

⁹ *Малькова В.К.* Пресса как фактор формирования этнической идентичности (по материалам газет Башкортостана) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М., 1994.

¹⁰ *Малькова В.К.* Этническая журналистика и проблемы толерантности // Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002 – с. 42.

грузинских СМИ событий 2008 г. в Южной Осетии¹¹. В СМИ противоборствующих сторон оппоненты репрезентировались через комплексы негативных этнических стереотипов, в том числе, это отразилось в криминальной хронике. Как итог информационного противостояния, исследователи ВЦИОМ зафиксировали ухудшение отношения к грузинам и активизацию ряда этнофобий, ранее не направленных на данную этническую группу¹².

В предыдущих главах мы рассматривали дискурсивный подход к анализу этносоциальных процессов. Отечественными исследователями применяются в основном два социологических метода индикации этнической напряженности: статистический сбор данных в ходе опросов и отслеживание «языка вражды». Остановимся на результатах каждого из них, чтобы сопоставить их результаты с результатами применяемой нами методики.

В основе методики анализа этнических стереотипов методом сбора эмпирических данных лежит понимание этнического конфликта как процесса, проходящего ряд стадий, которые можно зафиксировать количественными (социологическими) методами исследования. Уровню социальной напряженности (конфликтности)¹³, определенному методом стандартного социологического опроса, соответствуют определенные качественные характеристики состояния общественного сознания и форм политической активности населения в конкретном районе. Качественные характеристики различных стадий конфликта выступают индикаторами динамики локального межэтнического конфликта, которые позволяют анализировать и прогнозировать рост уровня конфликтности. В стереотипах фиксируется этнопсихологическое состояние населения, которое, с одной стороны, определяется текущими этносоциальными процессами, а с другой, характеризует готовность населения воспринять те или иные политические лозунги. Данный метод является основопо-

¹¹ *Лепилкина О.И.* Средства массовой коммуникации как фактор нейтрализации межэтнических противоречий. // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. - Ростов н/Д. - Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – с. 358.

¹² Пресс-выпуск №1064 от 07.10.2008 ВЦИОМ <http://wciom.ru>

¹³ *Иванов В.Н.* Межнациональная напряженность в национальном аспекте. // Социологические исследования. 1993. № 7.

лагающим для социологических исследований этносоциальных процессов и позволяет частично отразить уровень и содержание стереотипизации в общественном дискурсе, а так же проследить влияние дискурсов стереотипизации на общество.

В 2002 г. был проведен опрос русских и чеченцев в Ростовской области на тему этнических стереотипов и напряженности¹⁴.

По данным опроса, черты личности, наиболее точно определяющие, по мнению русских, чеченцев по степени значимости, следующие: воинственные, хитрые, импульсивные, самоуверенные, лицемерные, завистливые, склонные к самолюбованию, коварные. К чертам, определяющим русскую национальность по степени значимости, относятся: гостеприимство, миролюбие, талантливость, образованность, гуманность, трудолюбие, прямотушие, общительность, доброжелательность, щедрость, приветливость. Оценили «отрицательно» влияния пребывающих чеченских переселенцев: на социально-экономическое положение региона 58%; на межэтническую ситуацию в регионе 72%; на криминогенную обстановку 81%. В качестве аргументов приводились аргументы: пребывание чеченских вынужденных переселенцев приводит к ухудшению криминогенной обстановки - 37%; возникновению межнациональных и межрелигиозных конфликтов - 40%; агрессивное поведение чеченского населения - 20%. В качестве основной причины отрицательного отношения к идее соседства с чеченским населением были отмечены личная антипатия к чеченцам - 50%; 19% считают, что это приводит к межнациональным конфликтам; 12,5% отмечают угрозу вытеснения русских; 12,5% объясняют это агрессивным поведением чеченского населения.

Черты, наиболее точно определяющие, по мнению чеченцев, русских по степени значимости, следующие: замкнутые, скупые, хитрые, ленивые, завистливые. Черты, наиболее точно, на взгляд чеченцев, определяющие их национальность: храбрость, гостеприимство, щедрость, воинственность и миролюбие. Респонден-

¹⁴ Опрос проводился Экспертно-консультативным советом по урегулированию межэтнических конфликтов, выборка 200 человек, в основном, молодежь в возрасте до 30 лет (68% русских и 62% чеченцев). Результаты опубликованы в «Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа».- Владикавказ., 2002.

ты считают, что пребывание чеченских вынужденных мигрантов сказывается «отрицательно» как на регионе проживания, так и на самих мигрантах, что проявляется в следующем: нация теряет свою культуру; на тяжелом положении местного населения; в социальном положении того или иного региона; в недоверии, чувстве обреченности, озлобленности населения к русским и друг другу; сказывается в военной обстановке.

Результаты опроса показывают, что социально-психологические портреты, данные группами респондентов друг другу, свидетельствуют о достаточно большой психологической напряженности в общении русских и чеченцев. Причем последнее не наделили русских ни одним из положительно оцениваемых качеств. Помимо социально-экономических факторов негативную роль играют особенности идентичности представителей обеих этнических групп:

- идентичность старожильского населения, основана на приоритете чувства «хозяев территории», которое объясняет их претензии на особый правовой статус, включающий право на выселение граждан других национальностей или существенное ограничение их экономических и политических прав на территориях сельских районов;

- идентичность мигрантов, большая часть которых является беженцами или вынужденными переселенцами, основана на потребности в воссоздании привычной и психологически комфортной обстановки в новых местах поселения, т.е. в сохранении (воссоздании) структуры родовых внутриэтнических связей, системы ценностей, включающей протекционизм, в целом образа жизни, существенно отличающегося от образа жизни старожильского населения¹⁵.

В обоих случаях конфликтующие группы были ориентированы на ретроспективные ценности, которые выступают конфликтотенным фактором. Подобная ориентация мигрантов направлена на выстраивание социокультурных, экономических и правовых механизмов охранительной самобытности и существенно затрудняет их интеграцию в принимающее сообщество.

¹⁵ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ИОНЦ РАН, 2005. — с. 40-41.

Подобный опрос был проведен 5 лет спустя и дал практически идентичные результаты, хотя более терпимые¹⁶. Испытуемым предлагалось заполнить анкету, где их просили охарактеризовать представителей своего народа и представителей другого народа. Полученные данные показали, что самооценка русских намного выше, чем оценка русских чеченцами. По показателям «доброта, открытость, простодушие, терпимость» восприятия двух наций друг друга сходятся, тогда как по шкале «религиозность, храбрость, сплочённость, высокая самооценка» очень различаются. Чеченцы считают, что эти качества в меньшей степени присущи русским, что им больше характерна разобщенность, трусость, низкая самооценка и т.д. но различия между восприятием себя чеченцами и восприятием чеченцев русскими не столь различны по отдельным шкалам, как при восприятии себя русских и восприятии русских чеченцами. Значимым является совпадение по шкале агрессивность, нетерпимость. Разница между автостереотипами чеченцев и гетеростереотипами русских намного меньше по шкалам, чем при оценке русскими своего народа и оценке русских чеченцами.

Следует отметить, что опросы фиксируют результаты информационной и политической поддержки Р. Кадырова федеральными властями, благодаря которой снизилась интенсивность негативной стереотипизации чеченцев, хотя смысловое наполнение стереотипов сохраняется («самолюбив и мстителен», «любит пустить пыль в глаза», «грубый, дикий, признает только силу», «националист», «грабеж и воровство считает за доблесть»¹⁷). Опрос, проведенный ВЦИОМ 20-21 июня 2009 г., показал, что с наибольшей симпатией россияне относятся к славянам в целом (31%). На втором месте - белорусы и украинцы (13% и 11% соответственно); 7% россиян симпатизируют европейцам, 4% - кавказцам; 3% наиболее положительно относятся к татарам, 2% - к башкирам, мордвинам. Реже всего симпатизируют бурятам, ев-

¹⁶ В исследовании принимало участие 30 человек: 15 русских и 15 чеченцев. В каждой группе было примерно равное число лиц мужского и женского пола (по 7-8 человек), в возрасте 19-22 лет. Портнова Е.В. Авто- и гетеростереотипы русских и чеченцев. – М., 2007.

¹⁷ Данные открытого Интернет-опроса (573 участника), проводившийся в 2009 г. в «Живом Журнале» в течении нескольких недель <http://pintrader.livejournal.com/49770.html>

реям, китайцам, японцам, молдаванам (по 1%). В 20% случаев россияне сообщают, что ко всем народам относятся одинаково, 30% затруднились ответить. За прошедшие годы значительно возросла группа тех, кто ко всем народам относится положительно (с 8% до 20%). Большинство россиян заявило об отсутствии неприязни к представителям какой-либо национальности (55%).

В антирейтинге лидируют представители кавказских народов (азербайджанцы, армяне, грузины, дагестанцы, чеченцы и т.д.) - с раздражением к ним относятся 29% россиян. На втором месте с большим отрывом - народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи), антипатию к ним испытывают 6%. Далее следуют цыгане (4%), американцы, китайцы, украинцы, прибалты (по 3%), европейцы (англичане, немцы), евреи (по 2%). Реже всего россияне негативно относятся к молдаванам, татарам, туркам, азиатам, арабам и мусульманам, африканцам (по 1%).

По сравнению с 2005 г. в 2009 г., резко возросла доля тех, кто ни к каким народам антипатии не испытывает (с 34% до 55%). Одновременно, в сравнении с 2005 г. несколько увеличилась доля тех, кто неприязненно относится к кавказцам (29% против 23% в 2005 г.), а по сравнению с 2006 г. несколько больше стало тех, кто испытывает раздражение по отношению к представителям народов Средней Азии (6% против 2% соответственно)¹⁸.

Данная методика, безусловно, важна в практике, т.к. позволяет зафиксировать временной «срез» межнационального напряжения. Однако она не позволяет охватывать большие промежутки времени и массовое самосознание, что затруднено физическими ограничениями возможностей опроса. Так же данная методика, отражая состояние стереотипов «здесь и сейчас», не позволяет выявить их взаимосвязь с различными социальными процессами, так, как это позволяет сделать дискурсивный анализ. Так же данный метод не позволяет проследить основания и факторы стереотипизации, выявляемые при дискурсивном подходе. Дополнительной проблемой опросной методики является на данный момент положение в Чеченской республике: «в ходе опроса...

¹⁸ Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. «Толерантность против ксенофобии: этнические симпатии и антипатии россиян» http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12222.html?no_cache=1&cHash=cf9de28b84

трудно получить достоверные сведения, даже если интервьюируемый «свой» и вопрос содержит обтекаемую формулировку».¹⁹ Кроме того, в 2009 г. не проводилось социологических опросов, посвященных именно русско-чеченским этническим стереотипам, ни в Чечне, ни в других регионах, за исключением опросов с малой выборкой в ЮФО среди мигрантов, которые не позволяют составить представление об имеющихся стереотипах.

В предыдущих главах мы писали о поляризации общественного мнения чеченцев, проживающих в России и на Западе. Статистические данные подтверждают это разделение. Одна из основных причин (помимо психологических) – отсутствие информации «с места», особенности информационного окружения, формирующего определенные установки.

В 2006 г. редакция чеченского журнала «Дош» проводила опрос в чеченской диаспоре в Москве, в Чеченской Республике и Интернет посетителей (основная часть – жители зарубежья). Было представлено 15 известных чеченцев, предлагалось выбрать самого популярного. В отношении Р. Кадырова голоса распределились так: жители Грозного – 60,2%, жители Москвы – 23,1%, «европейцы» - 1,4%²⁰.

В начале 2009 г. в Польше было проведено исследование мнения чеченских беженцев. Согласно результатам опроса 66% процентов опрошенных заявили, что, по их мнению, борьба за независимость Чечни должна быть продолжена, 54% заявили, что они положительно относятся к идеи создания единой исламской кавказской республики²¹.

Данные цифры свидетельствуют о воздействии информационной политики на общественное сознание внутри Чеченской республики и России (в меньшей степени) и формированию изолированного информационного пространства у диаспоры, находящейся фактически в информационной изоляции от своей родины.

¹⁹ Магомедов Б.А. Социальная ситуация в Чеченской республике в постконфликтный период: Социологический анализ.. Дис. ...канд. соц. наук 22.00.04.- Владикавказ, 2005. –с. 102.

²⁰ (приняли участие в опросе 8926 человек) <http://www.doshdu.ru/paragraph.html?sel=1172825553>

²¹ Columbia University Graduate School of Journalism; цит. по: Мальсагов Т. Чеченцы по-европейски // Caucasus Times, 19 Марта 2009 <http://www.caucasus-times.com/article.asp?id=19774>

Другая популярная методика – контент-анализ «языка вражды». Мониторинг языка вражды позволяет определить, какие именно этнические или религиозные стереотипы в настоящее время присутствуют в СМИ. В России регулярно проводится мониторинг средств массовой информации²². В то же время мониторингом «языка вражды» занимаются в основном правозащитные организации, а не научно-исследовательские центры. Эти организации политически ангажированы, их методики являются произвольными, что делает результаты не только не релевантными, но и фактически направленными на формирование антироссийских стереотипов под предлогом выявления ксенофобских стереотипов и настроений в России.

На протяжении нескольких лет информационно-аналитический правозащитный центр «Сова» осуществляет мониторинг языка вражды в тиражных «респектабельных» российских СМИ. Кроме сайта информационно-аналитического центра «Сова» материалы по изучению языка вражды можно найти на сайтах Демоса, Центра содействия проведению исследований проблем гражданского общества и Центра экстремальной журналистики²³. Под «языком вражды» обычно понимаются любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей – от самых жестких (криминальных, открытых призывов к насилию или дискриминации) до мягких, которые являются, скорее, результатом журналистской небрежности, нежели целенаправленной дискредитацией группы (упоминание этничности в криминальной хронике)²⁴.

Исследователи центра «Сова» выделили семнадцать видов языка вражды на основе мониторинга печатных СМИ и телевидения:

²² Информационно-аналитический центр Центр «Сова» выпускает ежегодные мониторинги языка вражды с 2001 г. Последний выпуск 2008 г., за 2009 г. еще не вышел. <http://sova-center.ru>.

²³ См. так же: *А. Верховский, А. Палпа, В. Прибыловский* и др. *Язык мой... Проблемы этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ* – М.: Центр Панорама, 2002; *Борьба с ксенофобией и национализмом. Интервью с Галиной Кожевниковой* // Эхо Москвы. 2009. 20 апреля; *Российский нацизм: на взлете или на излете?* // Эхо Москвы. 2009. 18 января.

²⁴ *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности.* / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – с. 560

Призывы к насилию (провозглашение насилия допустимым средством в статьях, документах и т.п.);

- призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов;

- завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда исторических примеров насилия или дискриминации и т.п.);

- создание негативного образа этнической или религиозной группы;

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации;

- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;

- утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы как таковой;

- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой;

- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;

- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы;

- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;

- обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство;

- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте;

- призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе;

- цитирование явно ксенофобских высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; предоставление места в газете для явной националистической пропаганды;

- обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии;

- отрицание гражданства (т.е. упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации)²⁵.

Такое обилие индикаторов позволяет любой текст апологетического содержания интерпретировать как «язык вражды» по отношению к любому этнофору или этнической группе, в крайнем случае, как латентного.

Тем не менее, материалы мониторинга осени-зимы 2007–2008 гг., проведенного центром «Сова» выявили изменения в векторах развития ксенофобии и трансляции этнических стереотипов в обществе. В частности, было обнаружено, что количество негативных высказываний по сравнению с прошлыми годами мониторинга несколько снизилось, и, в отличие от прошлого года, не было серьезных провоцирующих факторов для ксенофобской риторики. В этот период из 17 видов языка вражды ни разу не встретилось оправдания исторических случаев насилия и дискриминации; высказываний, подвергающих сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации, и цитирования откровенно ксенофобских высказываний без комментариев.

Неизменным на протяжении практически всех этапов мониторинга оставалось лидерство «упоминания в унижительном и оскорбительном контексте», которое в подавляющем большинстве сводится к немотивированному подчеркиванию этничности участников криминального эпизода. В 2008 г. было отмечено снижение процентного уровня этого вида языка вражды, доминируют в основном «мягкие» виды языка вражды. Вероятно, именно дискуссия вокруг законопроекта о запрете упоминания этничности в криминальной хронике заставила редакции некоторых изданий внимательнее относиться к выпускаемому материалу.

Однако обозначилась тенденция, которая уже отмечалась на предыдущих этапах – стремление к сознательному употреблению языка вражды. Все более отчетливо наблюдаем стремление журналистов представлять любые происшествия, участниками которых были люди разной этнической принадлежности, как

²⁵ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 15-16

преступления ненависти, или межэтнические конфликты. Впервые за все годы мониторинга наблюдается сокращение по всем видам жесткого языка вражды, и показатели либо минимальные, либо близкие к таковым за весь период проекта²⁶.

Показательны изменения в журналистском отношении к жестким высказываниям. Интересно, что если острая кризисная ситуация (типа «Норд-Оста»), вызывает резкий всплеск языка вражды с последующим закреплением общего уровня враждебности на более высокой ступени, то пропагандистская кампания такого эффекта не вызывает. И по истечении времени, со свертыванием антигрузинской кампании и истерии (также во многом политико-популистской²⁷) после Кондопоги, ситуация в этом сегменте языка вражды вернулась к относительной «норме» (с новым всплеском антигрузинской риторики в период южноосетинских событий 2008 г.).

Распределение языка вражды по объектам в 2008 г. по сравнению с предыдущими годами довольно заметно изменилось. Если в 2006-2007 гг. шесть из 24 встретившихся тогда объектов собрали свыше 70 % ксенофобских высказываний²⁸, то на этом этапе лишь два вида – «кавказцы как целое» и «общая этническая ксенофобия» – преодолели десятипроцентный барьер, да и в целом распределение негативных высказываний было более равномерным. Лидер предыдущего года – «общая этническая ксенофобия» – уступил на этом этапе исследования первенство обобщенной группе «кавказцы как целое».

Как и в случае с «общей этнической ксенофобией», такая «размытость» образа удобна для пропагандистов, которые в любой момент смогут сфокусировать размытую неприязнь на конкретный объект (например, «грузины» в 2006 г.), а затем вновь вернуться к абстрактному «кавказцу». «Общая этническая ксенофобия» уже несколько лет занимает лидирующие позиции среди объектов языка вражды. Эта категория активно используется

²⁶ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 17

²⁷ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2006 году // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2007. 1 апреля (http://xeno.sova-center.ru/29481C8/8F76150#r2_6).

²⁸ «Общая этническая ксенофобия», «кавказцы как целое», «иные народы Кавказа», «чеченцы», «мигранты» и «мусульмане».

пропагандистами для различного рода кампаний – изменяя как объекты неприязни (от «общей этнической ксенофобии» – к, например, «эстонцам» и обратно), так и интенсивность цитирования конкретных лозунгов. Именно обобщенные категории – идеальный ресурс для подобных социально-политических манипуляций.

Именно «чеченцы» (основной наполнитель понятия «иные народы Кавказа» в 2006 г.) подверглись определенной анонимизации, т.к. нынешняя информационная политика в отношении Чечни носит откровенно позитивно-пропагандистский характер, при том, что невозможно допустить, что чеченофобия внезапно куда-то исчезла.

Произошли изменения и в распределении остальных объектов языка вражды. Третье место занимают «новые и малочисленные религиозные группы» (7,9 %), а четвертое – «мигранты» (7,16 % от общего количества высказываний)²⁹. В 2006 г. не этническое понимание термина «мигранты» в СМИ практически перестало встречаться, и эта категория сразу заняла одну из лидирующих позиций по количеству негативных высказываний. Показатели 2009 г. позволяют уверенно говорить об устойчивости антимигрантской риторики³⁰.

Мониторинг языка вражды, несмотря на все методологические недостатки, показал, какие именно этнические и религиозные стереотипы в настоящее время присутствуют в российских СМИ. Впервые в явно высказанном виде встретился стереотип «экстремисты = русские». И как побочный результат подобной националистической пропаганды сформировалось соответствующее клише.

По сути, неизменными по сравнению с 2006 г. в 2008-2009 гг. остались лишь два показателя. «Чеченцев» по-прежнему активнее остальных обвиняют в криминальности, хотя и менее интенсивно, чем ранее. Постепенное снижение античеченской риторики, судя по негативным данным выше приведенных социологи-

²⁹ Кожеевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 22

³⁰ Кожеевникова Г. Весна 2009 года: От расистских убийств к политическому террору. / доклад центра «Сова» 2009 г. <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/D28F4C7>

ческих опросов, связано не с ослаблением стереотипов, а с цензурой для федеральных СМИ, связанных с политикой федерального центра по отношению к режиму Р. Кадырова. Античеченская риторика стала не только менее интенсивной (стандартная ситуация в отсутствие крупных терактов), но и более конкретной³¹.

Показательно резкое снижение «упоминаний в унижительном контексте» в отношении мусульман. На практике это означает, что, спустя несколько лет после «Норд-Оста» и негласным запретом употребления целого ряда терминов «при освещении событий на Северном Кавказе»³², из употребления постепенно уходит слово «шахидка». Впрочем, как «скинхедом», (словом, имеющим для специалистов конкретное наполнение), журналисты могут назвать любого субъекта преступления ненависти (Александра Копцева, солдата с «чеченским синдромом» и т.д.).

На протяжении всех лет исследования с разными показателями неизменно лидируют в качестве «объектов» языка вражды «выходцы с Кавказа и из Средней Азии» за счет кавказофобии.

Одновременно с мониторингом, проводимым по стандартной методике, центром «Сова» проводилось специальное исследование использования языка вражды в предвыборной агитации в рамках СМИ, которая показала, что политики активно используют мигрантофобию в социальной риторике.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Вопреки ожиданиям и специфической методике организаторов мониторинга, количество проявлений формального языка вражды не возросло, а даже несколько сократилось по сравнению с предыдущими годами. Тем не менее, установка на поиск стереотипов ксенофобии «любой ценой» приводит правозащитников к парадоксальному выводу, что позитивное изменение связано не с ростом профессионализма или толерантности журналистов, или уменьшением/изменением направления стереотипизации, а главной причиной такого сокращения стало принципиальное видоизменение проявлений нетерпимости в СМИ. Язык вражды быстро мимикрирует, маскируясь под социальную риторiku, он уходит на символический уровень, апеллируя к не названным напрямую, уко-

³¹ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 31

³² <http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/659A02B>

ренившимся в предыдущие годы этнорелигиозным стереотипам, которые данная методика уже не способна фиксировать.

Язык вражды, по мнению работников Центра «Сова», не просто «продолжает оставаться одной из профессиональных проблем российских медиа. Он встраивается в систему пропаганды и становится деятельным и политически ангажированным участником политического процесса, не просто поддерживая, но и легитимируя и без того высокий уровень ксенофобии в российском обществе»³³. Подобный подход и вывод подтверждают наше мнение о том, что правозащитные организации в своем поиске ксенофобии институционализировались в каналы производства и воспроизводства негативных стереотипов о «ксенофобском» обществе России.

Говоря о недостатках индикаторов ксенофобии, выбранных при анализе языка вражды, мы предлагаем использовать следующие правила для дискурсивного анализа вербальных и визуальных текстов этнической направленности³⁴:

- фиксирование метафор и сравнений независимо от контекста;

- фиксирование вербальных и визуальных образов, лексем, выражающие этнические стереотипы (которые создают образы Пленника, Павшего и пр.).

- фиксирование лексем, визуальных образов и выражений символического характера;

- анализ отрицаний, составляющих часть защитной структуры (отрицание сотрудничества с фашистами; отрицание массовых жертв и пр.);

- определение проекций субъекта-объекта (зеркальное создание автостереотипов наравне с гетеростереотипами);

- фиксирование открытых реакций этносоциальных групп (поведение, бытовые разговоры, провокационное поведение и пр.);

- фиксирование длительного отсутствия образов (латентная напряженность).

³³ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 57-58

³⁴ Разработано на основе подхода Л. Демоза. См.: Демоз Л. Психиоистория. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – с. 255-257.

Этот перечень остается открытым и требует детализации для каждого вида канала стереотипизации.

Следует отдельно отметить проблему, которая практически не затрагивается, а так же обходится, правозащитниками и исследовательскими центрами – ксенофобия в отношении русских. Все мониторинги и аналитические работы рассматривают причины и уровень национализма среди русских, но не исследуются негативные стереотипы в отношении последних, тогда как они имеют под собой реальные основания, о чем писалось в предыдущих главах, и требуют определенных административных мер.

Исследование показало, что часто межэтническая напряженность вызывается отсутствием достоверной информации, в результате чего создаются новые мифологемы на основе уже существующих этнических стереотипов. При определенных условиях эти мифологемы способны перерасти в формы групповых реакций, вплоть до вооруженных столкновений³⁵. Контент-анализ местных СМИ и социологические опросы свидетельствуют, что конфликты представителей местного населения и чеченцев охватывают значительное число населенных пунктов России. Дискурсивный подход позволяет раскрыть основные причины этих конфликтов:

1) специфичность взаимоотношений местного населения с чеченцами, обусловленная памятью о событиях двух чеченских войн: гибель родственников, утрата жилья, теракты совершенные, негативные этнические стереотипы и т.д. (указанные проблемы являются особенными для взаимоотношений только между русскими и чеченцами);

2) этнокультурная дистанция между христианским и мусульманским населением: принципиальными остаются конфликты, вызванные нежеланием чеченцев, временно размещенных в районах области, уважительно относиться к культурным традициям местного населения;

3) большой приток мигрантов, порождающий социальную напряженность, принимающую этническую окраску;

4) этническая преступность: Л.Л. Хоперская выделяет три

³⁵ Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа. - Владикавказ, 2002. – с. 125-126.

категории, на которые делят чеченцев: «чеченцы, проживающие в данном регионе более 20 лет, занятые в общественном производстве; местные чеченцы, ассоциирующиеся с криминальным миром; чеченцы, не зарегистрированные на территории районов, но активно обозначающие свое присутствие (вызывающее поведение в общественных местах и т.п.)»³⁶. Две последние группы провоцируют возникновение негативных стереотипов у местного населения. «Определенная часть переселенцев из Чечни и мигрантов из регионов Северного Кавказа в качестве основной цели обозначают получение «быстрых» денег и иные способы деятельности, находящиеся за пределами закона. Эта категория временных жителей не заинтересована в дальнейшем обустройстве на новых территориях и не намерена жить в соответствии с местными законами и культурными традициями. Именно эта часть чеченцев представляет социальную базу для правонарушений и формирования негативных этнических стереотипов»;³⁷

5) особенности идентичности различных этнических групп³⁸: представители кавказских этносов, в частности, чеченцы, обладают повышенной идентичностью маскулинной традиционной культуры, направленной на сплочение и отгораживание от иных этногрупп, что порождает агрессивный национализм; славяне характеризуются «пассивной», размытой формой идентичности, часто – негативной, что порождает защитный национализм;

6) последствия политики прошлых лет, включая последствия депортации и незаконченный процесс реабилитации депортированных народов³⁹, что делает историческую память дополнительным фактором негативной стереотипизации и межэтнической напряженности;

³⁶ Там же – с. 127.

³⁷ Там же – с. 128.

³⁸ Лубский А.В. Факторы этнической конфликтности на Юге России: методологические проблемы исследования. // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. - Ростов н/Д. - Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – с. 37.

³⁹ Лубский А.В. Факторы этнической конфликтности на Юге России: методологические проблемы исследования. // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. - Ростов н/Д. - Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – с. 38.

7) использование информации как социального и политического инструмента управления, что создает не только почву для ксенофобии, но и зачастую создает стереотипы и мифологемы, становящиеся со временем частью самосознания отдельных социальных и этнических групп.

Анализ этносоциальных процессов и их взаимосвязи с социально-политическими процессами, позволяет сформулировать ряд стратегий противодействия формированию и трансляции негативных этнических стереотипов и ксенофобии⁴⁰:

1. Контроль информационного пространства. Большое влияние на этнические стереотипы и степень межэтнической напряженности оказывает экстремизм как форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве. По мнению В.А. Тишкова, его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Толерантность демократии допускает проявления нетолерантности, но только до тех пор, пока последняя не угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан. Важнейшей стратегией противодействия ксенофобии должна быть политика отказа в доступе к СМИ радикальным группам. На экранах телевизоров и в печати не должны появляться и цитироваться теоретики и активисты экстремизма, сообщения на эту тему должны быть строго дозированными и целенаправленными⁴¹.

2. Образование и просвещение. Следующей стратегией противодействия является просвещение граждан по части культурного многообразия и единства жителей страны, истории геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом. Журналисты и деятели медиа предпочитают заниматься поиском культурной уникальности, «национальных» характеров и

⁴⁰ См.: *Тишков В.А.* Стратегии противодействия экстремизму // Малькова В.К., *Тишков В.А.* Этичность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002 – с. 18-29; *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. – с. 95-109; и др.

⁴¹ *Тишков В.А.* Стратегии противодействия экстремизму // Малькова В.К., *Тишков В.А.* Этичность и толерантность в средствах массовой информации. - М., 2002 – с. 20

психологии, «глубоких исторических корней» и «исторически несправедливостей», внешних врагов, что приводит к ужесточению разделительных маркеров между гражданами. Граждане России имеют гораздо больше общих культурно-исторических ценностей и социальных норм, чем различий, обусловленных этнической принадлежностью. В этом плане показательно, что для «интеллектуалов», пишущих на этнические темы, чеченцы — «этнографический реликт» с военной демократией, тейповой социальной организацией, законами адата и шариата. Экзотизация этнических общностей закладывает фундамент для создания негативных этнических стереотипов и появления ксенофобии. Национальная система образования, при которой в ряде российских школ детей начинают учить прежде всего тому, что значит быть «настоящим якутом» или «настоящим татаринном», и не говорят о том, что значит быть россиянином и ответственным гражданином своей страны, является несостоятельной. С такого подхода начинается создание разделяющих маркеров и деление на «своичужие». Образование должно включать точную информацию об истории мировых геноцидов, погромов и репрессий, но оно не должно позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого».

3. Борьба с бытовой ксенофобией и бытовыми негативными этническими стереотипами. Эта стратегия предполагает общественный мониторинг стереотипов, их профилактику и нейтрализацию на массовом, низовом уровне. «Если в классе учителя не реагируют на появившиеся среди детей и подростков обидные клички этнического содержания и не знают, как им противодействовать, — это плохо. Если родители или преподаватели училища не реагируют на то, что молодой человек обрил голову и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюреров, — это очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не препятствуют появлению на улицах молодежных групп со свастиками на рукавах и спокойно смотрят на то, как у их дома продают расистскую литературу, — это уже беда. Если чиновники или владельцы сдают помещения для собраний подобных групп, а владельцы типографии готовы

печатать все, за что платят, — это соучастие в преступлении»⁴². Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие ксенофобии. Нужны не столько разовые акции вроде антифашистских конгрессов, а массовые и одиночные действия на самом низовом уровне. Нельзя оставлять без судебного разбирательства ни одно проявление ксенофобии, которое подпадает под существующие законы. Необходимо просвещение граждан об их правах и возможностях борьбы с дискриминацией через суды. Профилактика и нейтрализация ксенофобии нуждаются в поднятии моральной планки относительно того, что допустимо в обществе и что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан. Нужны серьезные дискуссии и конференции ученых на эту тему с выработкой научных и административных мер воздействия.

4. Расширение политической арены для включения в нее представителей как этнических групп (последовательное создание благоприятных условий для политической деятельности представителей всех национальностей, проживающих в том или ином регионе), так и внесистемных групп, т.е. «выдворение» «теневое» национализма в более цивилизованную среду — в истеблишмент. В такой обстановке изменится не только их стратегия, но и станет невозможным продвижение националистических ксенофобских лозунгов.

5. Правовое противодействие - самая важная стратегия государственного противодействия. В Уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы нечетко, в результате чего, не всегда понятно, что можно отнести к термину «национальная честь и достоинство», тогда как разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан или осуществление насильственных действий на этой основе ближе подходит под «простые» уголовные статьи, нежели под «свою». Что касается «национальной чести и достоинства», то, видимо, речь должна

⁴² Тишков В.А. Стратегии противодействия экстремизму // Малькова В.К., Тишков В.А. Этичность и толерантность в средствах массовой информации.-М., 2002 – с. 24

идти об оскорбительных словах и действиях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, религиозной общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности. Необходима четкая законодательная проработка понятия и состава ксенофобских преступлений. Но и в нынешней форме, как показывает практика, действующий закон может и должен работать. Причем действовать надо последовательно по всей стране, а не ограничиваться показательными процессами, разворачиваемыми благодаря прессе. Проблемой является и то, что многие работники правоохранительной сферы, в том числе, судьи, мыслят на уровне бытовых стереотипов. Так же осложняет дело отсутствие опыта в подобных делах и достаточного числа прецедентов. Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму и ксенофобии, и оно должно инициировать необходимые меры, осуществлять необходимые действия по защите общества.

6. Необходимо создание защиты от ксенофобии для всех этнических групп государства, а не только для меньшинств, как это имеет место быть на сегодняшний день. Необходимо исследование причин, форм и степени ксенофобии в отношении титульной нации, т.к. именно отсутствие защиты со стороны государства в этой области вызывает массовые миграции русских из полиэтничных областей, где они являются меньшинством, а в «русских» регионах породить защитный национализм. Аналитическим центрам и правозащитникам необходимо уделять внимание не только отдельным этническим группам (как то, евреи, кавказские народы, таджики и пр.), но и русским, а так же казакам на Юге России.

7. Освещение исторических событий, как прошлого, так и настоящего, в виде фактов и научных данных, а не замалчивание и сокрытие (как это было с темой депортации или голодомором), что порождает мифологизацию событий в сознании людей и возможность манипулировать исторической памятью этнических групп, а так же способствует целенаправленной фальсификации истории и выстраиванию на основе мифологизированной истории ксенофобского отношения к отдельным этносам;

8. Для адекватного реагирования на всплески ксенофобии и борьбы с трансляцией негативных этнических стереотипов необходим ряд научно-теоретических мер. Л.Л. Хоперская и В.А. Харченко пишут о том, что таким вариантом может стать «банк информации», который включает следующие разделы: статистическая информация о социально-экономической, демографической, миграционной и криминогенной ситуации в районах в динамике; нормативно-правовые документы органов власти районов (администраций, ОВД, прокуратуры) по проблемам миграции и межэтнических отношений; документация этнических общественных объединений; материалы местных СМИ (районных газет, радио, наглядной агитации) по этнической тематике; результаты социологического мониторинга, посвященного межэтническим отношениям; экспертные оценки динамики уровня напряженности. Результатом анализа собранной информации должны стать рекомендации по предупреждению конфликтов в сфере межэтнических отношений на основе обобщения положительного и отрицательного опыта разрешения конфликтов, выделения факторов, способствующих снижению уровня фоновой и социально-психологической напряженности, разработка перспективных программ межэтнического сотрудничества⁴³.

9. «Этноконфликтологическое обучение как составляющая эффективности управления локальными межэтническими конфликтами»,⁴⁴ т.е. специализированное обучение субъектов управления локальными конфликтами (работников региональных органов власти; сотрудников правоохранительных органов) и групп, влияющих на их разрешение: представителей средств массовой информации; работников сферы образования; вовлеченных сторон. Специфика такого обучения - акцент на возможности практического применения технологий урегулирования межэтнических конфликтов в региональных условиях с использованием реального потенциала властей и участников. Важным фактором предупреждения конфликта является его восприятие потенциальными субъектами конфликта. Если они перестают

⁴³ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. — с. 107-109

⁴⁴ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. — с. 109-110

воспринимать конфликт как угрозу и начинают относиться к нему как к сигналу, говорящему о том, что надо что-то изменить, то они осознают необходимость введения новаций. Понимание того, что ценность конфликтов заключается в предотвращении окостенения системы, что конфликт — это стимул к изменениям, вызов, требующий творческой реакции, помогает занять конструктивную позицию. Особенно это важно для государственных и муниципальных служащих, в прямые обязанности которых входит недопущение деструктивных конфликтов. Установка на то, что «конфликт может быть управляем, причем управляем таким образом, что его негативные, деструктивные последствия могут быть минимизированы или элиминированы, а конструктивные возможности усилены»⁴⁵, способствует главному в управлении конфликтом - ранней разработке адекватных технологий его предупреждения и разрешения. Умение анализировать проблемы межэтнических отношений, способность органов власти разрешать конфликты различных типов, использовать технологии предупреждения и разрешения конфликтов на ранних стадиях их возникновения сегодня является одним из критериев эффективности государственного и муниципального управления.

⁴⁵ Гришина Н.В. Психология конфликта. - СПб.: Питер, 2000. – с. 40

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследованиях стереотипов, можно выделить три основных направления, посвященные изучению различных аспектов данного явления: Первое направление основной акцент в изучении стереотипов делается на изучение их когнитивного аспекта (т.е. стереотип рассматривается в качестве элемента когнитивных процессов человека, а именно, как результат процесса генерализации, схематизации и т.п.). Второе направление включает в себя исследования, где основное внимание уделяется изучению аффективного аспекта социальных стереотипов (стереотип, в данном направлении, исследуется как элемент эмоционально-оценочных процессов человека, неразрывно связанный с феноменом установки). Третье направление посвящено изучению социального аспекта стереотипов (т.е. стереотип рассматривается как особый элемент, участвующий в процессе функционирования социальной группы).

Также можно сделать вывод, что этнические стереотипы являются значимыми для индивида механизмами действий, установками, принятыми ценностями и действуют на уровне обыденного сознания. Этнические стереотипы изменяются соответственно условиям жизни этноса и иерархии ценностей, принятой на данном этапе исторического развития. Исследователи сходятся в определении стереотипизации как процесса приписывания индивидам характеристик на основании их групповой принадлежности, а стереотипов - как набора представлений о характеристиках (атрибутах) группы людей. В настоящее время актуальность изучения функций и роли стереотипов диктуется необходимостью прогнозирования и разрешения различных социальных, культурных и политических конфликтов, возникающих в ситуации межэтнического контакта. Новым и продуктивным методом такого изучения является комплексный дискурс-анализ, помогающий выявить дискурсивные характеристики этнических стереотипов и влияние структур дискурса на массовое сознание.

Теоретическое рассмотрение методологического подхода к объекту исследования позволяет сформулировать ключевой вопрос для последующего эмпирического исследования: как визу-

альные и вербальные репрезентации этнических стереотипов и образов Другого в дискурсе СМИ интегрируются и действуют в призме дискурсивного анализа? Этот вопрос можно разделить на четыре подвопроса: репрезентация этнической принадлежности и стереотипов в текстах и дискурсах СМИ; факторы и особенности конструирования этнических стереотипов, в частности языка вражды; взаимосвязь и взаимообусловленность в дискурсе этнической идентичности и инаковости.

Можно выделить три этапа мифологизации российско-чеченского дискурса и формирования стереотипов: период присоединения Кавказа к Российской империи; советский период; период двух чеченских войн. Все они взаимосвязаны, базируются на российской культурной саморефлексии и имеют спиральную структуру развития. Основой мифологизации чеченцев, каркасом для стереотипов стала рефлексия литературного дискурса XIX в., которая колебалась между демонизированием и облагораживанием горцев. Тогда же появляются три аллегорические фигуры, которые характерны для мифотворческих конфликтных дискурсов всех трех периодов: Дикарь, Пленник, и Павший. Их символическое содержание на протяжении десятков лет остается постоянным, меняются только незначительные элементы.

Элементы российской мифологии и русские гетеростереотипы со временем стали использоваться самими чеченцами, чему способствовало общее культурное наследие. Это отражает термин Тишкова - «этнографический романтизм». Выведенный из академических и литературно-журналистских текстов он перешел в самосознание самих чеченцев. Аллегорическая фигура Благородного дикаря XIX в., созданная как контраст проблемам царизма, теперь служит, чтобы обеспечить современному кавказцу позитивное представление о самом себе.

Использование символического языка русских классиков XIX в. в дискурсе чеченской кампании является характерной культурной символикой для этого конфликта. СМИ унаследовали пророческую функцию, прежде предоставленную в России интеллигенции. Наравне с кинематографом, СМИ выступают проводником и источником стереотипизации, воспроизводят мифы.

Отдельным феноменом можно выделить амбивалентность,

неопределенность и неоднозначность «образа врага» в современном и чеченском и российском дискурсах. «Они» не совсем чужие, не совсем другие. Такой «враг» - это настоящий мифологический враг, но для него в традиции мифа остаются пути возвращения в сообщество, инициации, его «инаковость» объясняется внешними факторами и сознание порождает культурных героев, которые должны вернуть такого «оборотня» к людям. Эта мифологическая конструкция также весьма характерна для современного мифотворчества в России, она продолжает дилемму XIX в.: кто является жертвой и кто агрессор в трехстороннем противостоянии между российским государством, русскими людьми и чеченскими повстанцами? И обыгрываются в политических целях как политиками «Центра», так и региональными лидерами.

Как правило, значительный рост ксенофобии в обществе происходит в эпохи социальных кризисов, глобальных перемен. В таких условиях почти неизбежным для многих людей становится так называемый «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление людей к преодолению этого кризиса приводит к росту их консолидации в первичных, естественных («примордиальных») общностях – этнических или конфессиональных, усилению традиционализма. «Кризис идентичности» порождает негативную консолидацию – объединение членов этнических и религиозных групп против реальных или мифических врагов – представителей других «первичных» социальных групп, которым приписывается ответственность за произошедшие беды. Однако исключение чужаков не дает оснований для формирования позитивной идентичности, подпитывая негативную, которая, в свою очередь, замыкает круг, порождая негативные этнические стереотипы и ксенофобию. Данный процесс осложняется мифологизацией истории этнической группы и созданием политических мифологем, в целях воздействия на общественное сознание.

Демобилизация общества в 90-е гг., выразившаяся среди прочего в расхождении с советским государством, привела к тому, что поддержание национальной солидарности в России обеспечивается за счет самых рутинных слоев массовых пред-

ставлений¹. Этнические стереотипы, коллективные представления в дальнейшем будут усиливать лишь партикулярные связи и образования, отказывая в поддержке соответствующим властным инстанциям. Т.е., работают лишь защитные механизмы этнической солидарности. Они блокируют ценностные конфликты и напряжения, вызванные либо инерцией официальной пропаганды, либо модернизационной несостоятельностью элитных групп. На этнические системы значений при этом падает функция интеграции распадающихся социальных структур, а не санкция достижения лучших условий жизни или позитивной, «идеалистической» мобилизации.²

Не представляется оправданным говорить о «национальных архетипах», и вообще ни о какой неизменности, однозначности отношения одной этнонациональной общности к другой или к другим. Этнические установки подобного рода, структуры восприятия и пр. могут меняться в ответ на события в сферах общественной жизни, непосредственно не связанных с этническими проблемами.

Способы противодействия криминальной ксенофобии являются крайне важными, однако, одних лишь мер правового реагирования недостаточно для того, чтобы улучшить ситуацию, сложившуюся в настоящее время в России. Необходима также систематическая превенция ксенофобии, разработка и реализация комплекса мер по ее профилактике. Важную роль здесь играют программы по формированию толерантного сознания у различных слоев населения, особенно у молодежи, а так же политико-правовые механизмы государственного противодействия ксенофобии и экстремизму.

Основы отношения к «чужим» закладываются в раннем детстве, при этом ребенок некритично перенимает систему оценок и поведения, принятую в родительской семье. В советские времена в школьных программах было заложено «интернациональное воспитание». В настоящее время подобная задача не ставится даже формально, а образовавшийся вакуум заполняется отнюдь

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 217

² Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. – М.: Academia, 2005. – 52 с.

не «разумным, добрым, вечным»³. Активно проводится пропаганда расовой, религиозной, социальной вражды и ненависти. Такое положение дел является нетерпимым. В связи с этим актуальной задачей является внедрение в образовательный процесс мероприятий, направленных на формирование у подрастающего поколения основ толерантности.

Еще одной целевой группой, требующей повышенного внимания, являются журналисты, работники СМИ. Низкий порог толерантности, наличие ксенофобских установок у представителей данной профессиональной группы приводит к тому, что они транслируют свое отношение к «чужим» на всю страну, повышая «градус» ксенофобии в обществе, формируя у аудитории соответствующие стереотипы и предубеждения. Именно данная профессиональная группа в значительной степени влияет на состояние и динамику массового сознания россиян, поэтому снижение ксенофобии у журналистов должно входить в число первоочередных задач.

Журналистское сообщество не принимает во внимание экспертные советы в отношении тех или иных проблем, реагируя лишь на прямую угрозу законодательной цензуры тех или иных сфер, как это произошло с проблемой указания этничности в криминальной хронике. Очевидно, что лишь прямая угроза цензуры заставила некоторые издания пересмотреть свою позицию в этом отношении. Язык вражды не просто продолжает оставаться одной из профессиональных проблем российских медиа. Он встраивается в систему пропаганды и становится деятельным и политически ангажированным участником политического процесса, не просто поддерживая, но и легитимируя и без того высокий уровень ксенофобии в российском обществе⁴.

Следует отметить отсутствие внимания к причинам негативной стереотипизации чеченцев (и мигрантов вообще) местным населением. Активное внимание, уделяемое «русской ксенофобии» само провоцирует рост данных настроений. Не учитываются проблемы, требующие административного и правового реше-

³ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004 – с. 228

⁴ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов – с. 57-58

ния, способствующие росту ксенофобии среди русских.

Государственная поддержка программ формирования толерантного сознания в последнее время была существенно сокращена, и такого рода проекты осуществляются, как правило, при поддержке различных общественных организаций, зарубежных фондов и пр. Представляется, что возобновление полномасштабного государственного финансирования программ формирования толерантности сейчас крайне необходимо, оно позволило бы значительно шире развернуть эту работу, включить в ее орбиту все новые группы населения, в т.ч. работников правоохранительной, судебной системы.

На локальном уровне требуется разработка концептуально и методически оснащенных технологий предупреждения, урегулирования и разрешения конфликтов, учитывающих специфический характер и динамику межэтнических конфликтов. Предупреждение конфликтов выступает важнейшим элементом системы политического управления. Практическими технологиями предупреждения локальных конфликтов являются:

- диагностика уровня конфликтности;
- целенаправленное разрушение негативных этнических стереотипов и формирование установок на позитивное межэтническое общение;
- специализированное этнологическое и конфликтологическое обучение субъектов управления конфликтами (представителей органов власти и силовых структур) и субъектов влияния на потенциальных участников конфликта (лидеров местных общественных объединений, казачества, этнических диаспор, представителей СМИ, работников образования).
- правовые и административные меры по противодействию криминальной ксенофобии и предоставление политической арены представителям диаспор и национальным лидерам в рамках законодательства РФ.
- разработка законодательства в отношении преступлений на почве этнической вражды и расширение правовой практики их применения.
- обдуманная информационная политика с четким освещением фактов истории и современности для избежания манипулиро-

вания исторической памятью этногрупп.

- равно представительство интересов всех этнических групп, независимо от того, представляют они собой большинство или меньшинство.

Ксенофобия является естественным этносоциальным феноменом и некоторый ее уровень является неизбежным для любого человеческого сообщества. Полное искоренение ксенофобии не представляется реальным, однако необходимо ее снижению до социально приемлемого уровня, а также минимизации наиболее опасных, криминальных проявлений. В условиях современных российских реалий данная проблема особенно актуальна.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербакова Дарья Игоревна – выпускник отделения «Регионоведения» ИППК ЮФУ, аспирант ИППК ЮФУ и адъюнкт РЮИ МВД России. Сфера научных интересов: этносоциология, этнология, правовые системы народов Северного Кавказа, исламское право.

Автор 14 научных публикаций объемом 13,8 п.л.

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
ЦЕНТРА СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИППК ЮФУ И ИСПИ РАН

2001

Вып. 1. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 188 с.

Вып. 2. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 215 с.

Вып. 3. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 80 с.

Вып. 4. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 156 с.

Вып. 5. Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 196 с.

2002

Вып. 6. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 7. Добаев И.П. Исламский радикализм / Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 120 с.

Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 126 с.

Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 194 с.

Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 167 с.

Вып. 12. Силловые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 168 с.

Вып. 13. Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие / Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 167 с.

2003

Вып. 14. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с.

Вып. 15. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике / Сост. Г.Д. Петрова. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 140 с.

Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 264 с.

Вып. 17. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 230с.

Вып. 18. Ладыженский А.М. Адааты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 219 с

Вып. 19. СМИ в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с

2004

Вып. 20. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 288 с

Вып. 21. Басханова Л.С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 150 с.

Вып. 22. Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 260 с.

Вып. 23. Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 276 с.

Вып. 24. Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 210 с.

Вып. 25. Герасимов Г.И., Черноус В.В., Блинова М.С., Галкин М.Н., Головченко Л.В. Корпоративная ответственность в системе ценностей студенческой молодежи Дона и Юга России (к проблеме разработки модели воспитательной системы вуза). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 153 с.

2005

Вып. 26. Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 240 с.

Вып. 27. Прилепский В.В. Становление субъекта Российской Федерации в системе федеративных отношений (на примере Краснодарского Края). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 204 с.

Вып. 28. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 197 с.

Вып. 29. Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 228 с.

Вып. 30. Евразийский проект: кавказский вектор. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 2005. 220 с.

Вып. 31. Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 215 с.

Вып. 32. Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Публикация Г.Д. Петровой. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 200 с.

2006

Вып. 33. Раздольский С.А. Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа / Науч. ред. Г.В. Драч. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с.

Вып. 34. Сетевые стратегии Запада на Юге России / Под ред. И.П. Добаева. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 179 с.

Вып. 35. Факторы стабилизации ситуации на Северном Кавказе / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ,

2006. 200 с.

Вып. 36. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 172 с.

Вып. 37. Этноэтицизм и этнократии на Юге России / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 200 с.

Вып. 38. Акопян С.Ю. Геноцид армян в период Первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия / Отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 160 с.

2007

Вып. 39. Эбзеев А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 144 с.

Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 255 с.

Вып. 41. Махулова З.А. Современная региональная геополитика России (на материалах республики Дагестан) / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 169 с.

Вып. 42. Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы региональной геостратегии России / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ. 161 с.

Вып. 43. Исаев Э.А. Этические воззрения в системе традиционной культуры вайнахов / Отв. ред. В.Х. Акаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 120 с.

Вып. 44. Керимов М.М. Ислам в контексте традиционной культуры чеченцев / Отв. ред. В.Х. Акаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 92 с.

Вып. 45. Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 200 с.

Вып. 46. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное дви-

жение: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 163 с.

Вып. 47. Этнократии на Юге России в экспертном измерении / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. 282 с.

2008

Вып. 48. Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт: конфессиональный аспект / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 168 с.

Вып. 49. Православные епархии Юга России в постсоветский период / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 161 с.

Вып. 50. Современные проблемы экономической безопасности на Юге России / Отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 164 с.

Вып. 51. Солтамурадов М. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 150 с.

Вып. 52. Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 210. С.

2009

Вып. 53. Современные политические процессы на Украине / Отв. ред. И.П. Добаев, Э.А. Попов. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 196 с.

Вып. 54. Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 167 с.

Вып. 55. Габунцин С.В. Экологическая безопасность России на региональном уровне (на материалах Республики Калмыкия). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 191 с.

Вып. 56. Барков Ф.А., Ляужева С.А., Черноус В.В. Религиозный фактор в межкультурной коммуникации на Северном Кавказе / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ,

2009. 204 с.

Вып. 57. Петров М.К. Системный подход к организации регионального научного центра / Публикация Г.Д. Петровой . Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. 224 с.

Вып.58. Политика и силовые структуры на Юге России . Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. 167 с.

ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ
И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА И
ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ЦСРИИП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН)

Центр является структурным подразделением ИППК ЮФУ, включает совместные с ИСПИ РАН и ИС РАН Лаборатории.

Центр создан с целью оказания информационных, научно-исследовательских и образовательных услуг органам власти и управления, общественным организациям, предприятиям и населению региона.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Разработка научно-исследовательских проектов и программ, и проведение фундаментальных и прикладных региональных научных исследований.

Проведение научно-прикладных конференций и семинаров по регионалистике.

Разработка образовательных проектов и программ, организация и реализация дополнительных профессиональных образовательных услуг населению региона.

ФУНКЦИИ

Проведение маркетинговых исследований; оказание информационных, научно-исследовательских и образовательных услуг.

Выявление внебюджетных источников финансирования информационных, научно-исследовательских и образовательных проектов и программ.

Организация и реализация информационных, научно-исследовательских и образовательных проектов и программ по регионоведению.

Сотрудничество с отечественными и зарубежными научными центрами, фондами и организациями в плане разработки и реализации информационных научно-исследовательских и образовательных проектов и программ по регионоведению.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследований по гуманитарной и социальной проблематике Северного Кавказа.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 208

Телефон: +7 (863) 264-34-66 **Факс:** +7 (863) 264-19-12

E-mail: kavkazdon@mail.ru , nauka.ippk@sfedu.ru

Сайт: <http://www.ippk.rsu.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Социологический аспект исследования этнических стереотипов.....	11
Глава 2. Этносоциальные процессы как объект дискурсивного анализа.....	36
Глава 3. Предпосылки и каналы процессов стереотипизации в рамках русско-чеченских отношений.....	61
Глава 4. Трансформация этнических стереотипов в постсоветском дискурсе (на примере чеченского кризиса).....	86
Глава 5. Факторы и особенности динамики ксенофобии в период 1991-2009 гг.....	108
Глава 6. Способы индикации и стратегии противодействия негативной стереотипизации в этносоциальных процессах.....	132
Заключение.....	158
Сведения об авторе.....	165

Южнороссийское обозрение
Выпуск 59

Щербакова Д.И.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
В РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.

Монография

Ответственный редактор
В.В. Черноус

Сдано в набор 5.09.09 г. Подписано в печать 18.09.09 г.

Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.п.л. 11,33. Уч.-изд.л.10,8

Тираж 500 экз.

Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 208. тел. 264-34-66

